

ОПЫТЪ

ИЗСЛѢДОВАНІИ

ЗЕМСКАГО УСТРОЙСТВА

ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

М. А. ЗИНОВЬЕВА

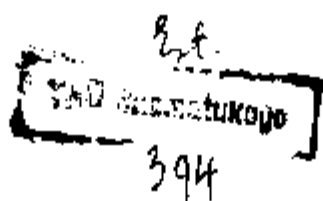

Р. РИГА.

1895 г.

Лифляндская Губернская Типография.

Доводимо цензурою. Рига, 2 Декабря 1894 г.

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ

Великаго Государя,

МУДРАГО УСТРОИТЕЛЯ ПРИБАЛТИЙСКАГО КРАЯ,

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

съ благоговѣніемъ

посвящаетъ

АВТОРЪ.

Оглавление.

Введение.

Стр.

Глава I. Историческое образование приходовъ, вѣвъ земскихъ единицъ. Составъ приходскихъ конвентовъ, прежнихъ и нынѣ существующихъ. Губернскія земскія учрежденія. Лионскій ландтагъ. Дворинскій конвентъ. Дандратская коллегія. Главныя церковныя попечительства. Уездныя дворянскія собранія. Характеристика элементовъ, представляемыхъ губерніей для земскаго управленія. Дворянство. Крестьяне. Очеркъ развитія крестьянскаго землевладѣнія

1

Глава II. Критическое касаніе достоинствъ и недостатковъ существующаго земскаго устройства Лионскія. Достоинства существующей системы. Связь между приходскими и губернскими земскими учрежденіями. Зависимость земствъ отъ мѣстной правительственной власти. Отсутствие основнаго начала въ организаціи земскаго управленія. Ограниченность примѣненія выборовъ въ организаціи земскихъ учреждений. Бесплатныя службы органовъ земскаго управленія. Удачный выборъ земской единицы

45

Глава III. Недостатки существующаго земскаго устройства. Ирациональность системы обложенія земель. Способы оцѣнки земли по шведской системѣ и талеры. Привилегированность мызныхъ земель въ отношеніи отбыванія земельныхъ повинностей. Двойственность органовъ губернскаго земскаго обложенія. Существованіе двухъ земскихъ книгъ. Почтовая книга. Существующіе церковныя повинности, вѣвъ повинностей земскихъ. Неопредѣленность и неполнота законодательства, утилизующаго организаціи земскихъ учреждений. Роль губернскаго приложенія. Неправильность состава дворянскаго конвента. Отсутствие на ландтагъ представителей мелкаго землевладѣнія

74

Глава IV. Общіе выводы. Причины неуспѣшности работъ предпринятыхъ правительствомъ по переустройству земскихъ учреждений прибалтійскаго края. Порадокъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться при организаціи этихъ работъ. Изъятіе изъ вѣдомства земскихъ учреждений дѣлъ конвентнаго характера. Упрощеніе привилегій мызныхъ земель. Измѣненіе системы оцѣнки недвижимостей

133

Готовящаяся въ настоящее время реформа земскихъ учреждений въ прибалтійскомъ краѣ представляетъ несравненно болѣе затрудненій при проведеніи ея, нежели реформы нынѣ уже весьма удачно осуществленныя, а именно реформы: полицейская, судебная и крестьянская, вслѣдствіе весьма большой разности въ существѣ этихъ послѣднихъ учреждений и учреждений земскихъ.

И полиція, и судъ, какъ институты, предупреждающіе и карающіе нарушеніе права, порядка и благоустройства, приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ лишь въ извѣстные моменты, именно когда имѣютъ мѣсто эти нарушенія, и при томъ въ этихъ случаяхъ касаются лишь отдѣльныхъ личностей.

Земскія учрежденія, предназначенныя вѣдать всѣми мелочами внутренняго, домашняго хозяйства страны, постоянно и ежеминутно приходятъ въ соприкосновеніе со всѣмъ населеніемъ, со всѣми безъ исключенія жителями страны и при томъ въ каждый моментъ ее жизни.

Участіе въ составѣ полицейскихъ, судебныхъ и крестьянскихъ учреждений мѣстныхъ элементовъ, — каковое участіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ прежнее время было весьма сильно, — было тѣмъ не менѣе явленіемъ случайнымъ. Замѣна этихъ элементовъ правительствен-

ными органами, посредством которой достигнуто было полное вмѣшеніе въ направленіи дѣятельности этихъ учреждений, было исполнѣе возможно, и въ данномъ случаѣ явилось мѣрою совершенно естественной и послѣдовательной.

При организаціи земскихъ учреждений такою замѣна одна ли возможна. Здѣсь участіе мѣстныхъ элементовъ является неизбѣжнымъ, при чемъ элементамъ этимъ, какъ показать опытъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ, предоставляется въ этихъ учрежденіяхъ всегда главнѣйшая роль.

Полицейскія и судебныя учрежденія отражаютъ существующій порядокъ и благоустройство въ краѣ.

Земскія учрежденія сами создаютъ этотъ порядокъ и благоустройство.

Реформируя полицейскій или судебный институтъ, законодатель поставленъ такимъ образомъ въ несравненно болѣе свободное и независимое положеніе, нежели реформируя институтъ земскій. Полицейскія напр. учрежденія всѣхъ почти европейскихъ странъ мало чѣмъ другъ отъ друга различаются, и ничто не препятствуетъ, устраивая полицейскія учрежденія какого либо государства, позаимствовать таковыя изъ другаго хотя бы цѣликомъ, безъ какихъ либо существенныхъ измѣненій. То-же почти можно сказать и о судебныхъ учрежденіяхъ. Французское судебное устройство, не далѣе какъ 30 лѣтъ тому назадъ, цѣликомъ почти примѣнено было въ Россіи.

Но едва ли такіа позаимствованія возможны при реформированіи земскаго устройства. Здѣсь волей или неволей законодатель долженъ считаться несравненно болѣе съ характеромъ, привычками, направленіемъ, куль-

турой населенія, съ исторіей страны, съ установившимися въ ней отношеніями и со всеми вообще подробностями ея жизни. Всѣ эти подробности являются извѣстными данными, которыя въ сильнѣйшей степени должны вліять на ея земское устройство. Имѣющій опредѣлять подробности земской жизни органическій законъ не можетъ и не долженъ импровизировать, устанавливая въ странѣ новыя отношенія и новое положеніе вещей. Задаваясь подобною цѣлью, онъ заранѣе обрекаетъ себя на бесплодность и мертвенность. Его единственная цѣль заключается въ томъ, чтобы опредѣлить и устроить удовлетворительнѣйшимъ образомъ и согласно съ интересами государства дѣйствительно существующія въ данной средѣ отношенія. Онъ имѣетъ своимъ назначеніемъ вѣдать данное положеніе вещей — данныя отношенія.

Соображенія эти въ особенности важны по отношенію къ организаціи земскихъ учрежденій прибалтійскаго края. Будучи построена на совершенно своеобразныхъ основаніяхъ, имѣя свою особую исторію, успѣвшая приобрести въ теченіи вѣковаго своего существованія извѣстную устойчивость, земская жизнь этихъ губерній трудно укладывается въ какія либо постороннія, чуждыя формы. Всякая попытка подобнымъ приемомъ создать порядокъ и благоустройство прибалтійскаго края едва ли обѣщаетъ успѣхъ. Напротивъ, такое насильственное отношеніе къ исторически сложившейся жизни обширной провинціи несомнѣнно отразилось бы въ высшей степени пагубно на ея экономическомъ благосостояніи, а слѣдовательно и на интересахъ всей имперіи. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что распространенныя въ русской публикѣ

свѣдѣнія о прибалтійскомъ краѣ относятся по большей части къ тому періоду, когда страны не коснулись еще преобразованія, предпринятыхъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ по волѣ Императора Александра III и въ настоящее время уже успѣшно осуществленныхъ. Столь существенныя реформы, какъ переустройство суда, полиціи и крестьянскихъ учреждений, реформы произведенныя при томъ въ направленіи прямо противоположномъ проводимому русскимъ правительствомъ въ теченіи столѣтій, неминуемо должны были произвести величайшія измѣненія во всемъ жизнеплотѣ строѣ прибалтійскаго края. Въ лицѣ правительственныхъ органовъ, повсюду замѣстившихъ прежніе мѣстные органы, заведывавшіе важнѣйшими функціями этой жизни, явились новые могущественныя факторы, опредѣляющіе новое направленіе внутреннихъ дѣлъ провинціи и установившіе новыя отношенія. Весьма рѣскимъ было бы прилагать къ прибалтійскому краю воззрѣнія, выработанныя на основаніи наблюденій прошлыхъ временъ, забывая что прибалтійскій край, какимъ онъ былъ 5—6 лѣтъ тому назадъ, и прибалтійскій край, какимъ онъ является нынѣ — вещи далеко между собою несходныя.

Послѣднія 5—6 лѣтъ имѣютъ величайшее значеніе въ исторіи прибалтійскаго края. Переворота подобнаго тому, который произошелъ въ теченіи этого періода, прибалтійскія провинціи ни разу еще не переживали. Ни разу еще правительство не входило такъ полно, такъ всесторонне во внутреннюю жизнь этого края, и событія послѣдняго времени положили неслыханныя черты на общую его физиономію.

Изъ вышеизложеннаго очевиднымъ становится, что законодательнымъ работамъ по перестроиванію земскаго устройства прибалтійскихъ губерній необходимо должно предшествовать критическое изслѣдованіе существующаго устройства, такимъ оно создано всей исторіей края, а равно и критическій разборъ достоинствъ и недостатковъ существующей системы.

Настоящій трудъ составляетъ первый опытъ подобнаго изслѣдованія по отношенію къ лифляндской губерніи. Историческая жизнь всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній протекала при одинаковыхъ приблизительно условіяхъ; при чемъ вслѣдствіе сильнѣйшаго, обусловленнаго болѣе высокой культурой и болышихъ политическимъ развитіемъ населенія, вліянія, которое внутренняя жизнь лифляндѣ имѣла на курляндію и эстляндію со времени перехода этихъ трехъ провинцій подъ русское владычество, каждое сколько нибудь крупное явленіе въ области земской жизни, имѣвшее мѣсто въ лифляндской губерніи, отражалось на соответствующихъ сторонахъ жизни двухъ прочихъ губерній.

Посему заключающіяся въ настоящемъ изслѣдованіи указанія и выводы въ значительной части относятся до всего прибалтійскаго края. Выборъ для настоящаго изслѣдованія лифляндской губерніи оправдывается наконецъ и тѣмъ соображеніемъ, что губернія эти по пространству своему и населенности почти равняются эстляндской и курляндской, взятыхъ вмѣстѣ, составляя такимъ образомъ главный элементъ остзейскихъ провинцій.

Глава I.

Историческое образование приходовъ какъ земскихъ единицъ. Составъ приходскихъ конвентовъ, прешникъ и нынѣ существующихъ. Губернскія земскія учрежденія. Лиовинскій ландтагъ. Дворянскій конвентъ. Ландрагская коллегія. Главныя церковныя попечительства. Уздныя дворянскія собранія. Характеристика элементовъ, представляемыхъ губерніей для земскаго управленія. Дворянство. Крестьяне. Очеркъ развитія крестьянскаго землевладѣнія.

Нашую и наиболее видную, характерную территориальную земскую единицу въ лиовандіи составляетъ нынѣ приходъ (Kirchspiel), основаніе котораго относится къ отдаленнѣйшимъ временамъ, когда страна, состоя изъ отдѣльныхъ леновъ, почти ничѣмъ между собою не связанныхъ, въ сущности не имѣла почти никакого гражданскаго устройства. Удовлетвореніе религиозной потребности было первой побудительной причиною, заставившею феодальныхъ владѣльцевъ отдѣльныхъ имѣній соединиться съ тѣмъ, чтобы на общія средства устроить и содержать церковь. Церковный приходъ явился, такимъ образомъ, первой создавшейся совершенно естественно ячейкой гражданственности, давшей импульсъ дальнѣйшему развитію земскихъ учрежденій. Разъ построена была церковь, по свойству лютеранской религіи, оказалось необходимымъ имѣть при ней школу, которая точно также должна была содержаться на общія средства прихожанъ. Вместе съ тѣмъ потребовались сообщенія

между церковью и отдельными имѣніями. Это заставило прихожанъ устранивать и содержать дороги, первоначальная сѣть которыхъ опредѣлялась мѣстомъ нахожденія церкви, почему и дороги эти назывались церковными, каковое названіе сохранили они въ законѣ и понынѣ. Устроеніемъ путей сообщенія еще тѣснѣе связались отдѣльныя имѣнія, причемъ за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей и по мѣрѣ развитія гражданственности появились новыя, какъ-то: призрѣніе бѣдныхъ, устройство приходской почты, организованіе врачебной помощи и т. д., удовлетвореніе которыхъ естественно приурочивалось къ готовому организму прихода. Такимъ образомъ съ самыхъ давнихъ временъ въ лифляндіи мало по малу и самъ собой образовался первый земскій организмъ. Вызванный къ жизни дѣйствительными потребностями страны, а не какими либо извѣстными доктринами, организмъ этотъ естественно получилъ особую силу и жизненность.

Не смотря на самую бурную исторію лифляндіи, не смотря на экономическіе и политическіе перевороты, которымъ въ теченіи многихъ столѣтій страна эта подвергалась, приходъ пережилъ всѣ эти перипетіи и сталъ фундаментомъ гражданского устройства всей провинціи. На этомъ то прочномъ, выдержавшемъ столько бурь, пережившемъ и шведское, и русское владычество фундаментъ основалось все дальнѣйшее гражданское развитіе лифляндіи. Къ приходамъ, какъ безспорно важнейшимъ земскимъ учрежденіямъ, приспособлены всѣ остальные земскія учрежденія. Зданіе земскихъ учрежденій въ лифляндіи строилось такимъ образомъ

явился рационально — не сверху, а снизу. Въ этомъ условіи созданія ливляндскаго земскаго устройства и слѣдуетъ искать главную причину того преуспѣванія, котораго достигла мѣстная земская жизнь ливляндій.

Одновременно съ образованіемъ и развитіемъ прихода создавалась и организація его управленія, основанная на столь же простыхъ и естественныхъ началахъ.

Въ древнѣйшія времена органами этого управленія были: церковные или приходскіе конвенты, состоявшіе изъ всѣхъ прихожанъ, и выбранный конвентомъ попечитель въ качествѣ исполнительнаго органа конвента. Когда именно появились эти конвенты и попечители — съ точностію опредѣлить невозможно, несмотря на самыя тщательныя изысканія. По всей вѣроятности начало ихъ слѣдуетъ отнести къ XVI или началу XVII столѣтія, ибо уже въ 1640 году заявлено было шведскому правительству ходатайство объ измѣненіи инструкцій церковнымъ попечителямъ. (Для эстляндской губерніи подобныя инструкціи изданы были въ 1651 г.). 22 сентября 1671 года шведской королевой Ядвига Елснорой утверждены были первый ливляндскій земскій уставъ, точно опредѣлившій дѣятельность приходскихъ попечителей. Полезность приходскихъ учреждений до такой степени сознавалась шведскимъ правительствомъ, что въ 1691 году правительство это признало необходимымъ распространить приходское устройство на казенныя имѣнія (староства), число которыхъ въ то время въ ливляндіи было гораздо больше нынѣшняго. Земскимъ уставомъ 1671 года учреждены были сверхъ

того главным церковным попечительством, числом четыре, по числу земских округов ливонских, сохранившихся и понынь. Церковным попечительствам являлось наблюдение за деятельностью приходских советов и приходских попечителей, при чем они составляли и апелляционную инстанцию, куда приносились жалобы на постановления этих учреждений.

Само собою разумеется, что при полном отсутствии у крестьян политических прав, а равно и прав поземельной собственности (крестьяне были крепостные) членами прихода — прихожанами в тесном смысле считались в то время исключительно лишь одни помѣщики. Крестьяне же никакого участия в приходских делах не принимали, каковой порядок существует и понынь в эстляндской и курляндской губерниях. Члены конвента, совершенно самостоятельно обсуждая потребности прихода, приходили имъ на помощь, дѣлая для удовлетворения этихъ потребностей добровольными складки пропорционально количеству принадлежащей имъ земли. Но такъ какъ земля в то время имѣла цѣнность и доходность лишь постольку, поскольку она была населена, такъ какъ повинности того времени производились къ производству тѣхъ или другихъ работъ или поставкѣ того или другого количества продуктовъ земледѣлія, то естественно, что раскладка эта производилась лишь пропорціонально населенной, т. е. крестьянской земли, количество которой и принималось критеріумомъ при обложеніи имѣній прихода повинностями. Удовлетвореніе приходскихъ земскихъ потребностей основано было такимъ образомъ искони на самообло-

женіи. Положеніе дѣла въ этомъ отношеніи мало перемѣнилось со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1819 году, ибо крестьяне освобождены были безъ земли. Всѣ эти земскія повинности, при распредѣленіи которыхъ между владѣльцами имѣній точкой исхода бралось количество крестьянской земли или правильнѣе число душъ, находящихся въ имѣніи, были переложены на эту крестьянскую землю, причемъ выполнение этихъ повинностей ставилось условіемъ арендныхъ контрактовъ, вліяя такимъ образомъ на размѣръ арендной платы, платимой крестьянами за землю. Чѣмъ больше такихъ повинностей падало на крестьянъ, тѣмъ ниже была арендаемая плата.

Такое земское устройство лифляндской губерніи санкціонировано было русской законодательной властью, при чемъ такъ какъ устройство это приурочено было къ устройству церковному, то и законъ о приходскихъ конвентахъ, приходскихъ и главныхъ церковныхъ попечительствахъ (законъ въ сущности земскій) напечатъ себѣ мѣсто въ 1 ч. XI т. св. зак. 1857 г., т. е. въ уставѣ евангелическо-лютеранской церкви. По незнанію законодателя съ подробностями земскаго устройства прибалтійскаго края, а равно и по нежеланію русскаго правительства вмѣшиваться во внутренія дѣла остзейскихъ губерній, законъ относительно регулированія и опредѣленія дѣятельности этихъ учрежденій ограничился самыми общими указаніями, заключающимися въ 633 ст., гдѣ говорится, что обязанности приходскихъ попечителей, отношенія ихъ къ приходу, приходскому конвенту и къ высшему начальству во всемъ, что не измѣнено уставомъ

евангелическо-лютеранской церкви, остаются на прежнемъ основаніи, т. е. на основаніи старинныхъ шведскихъ законовъ и положеній, подлѣе всего кодифицированныхъ въ церковныхъ уставахъ (Kirchen-Ordnung) 1676 и 1680 года, а равно въ инструкціи 1691 года. Выше-означенной 633 статью, а равно и статью 606 IV т. св. зав. 1857 г. (устанъ о земскихъ повинностяхъ), гдѣ говорится, что земскія повинности въ лифляндской и встляндской губерніяхъ отправляются на основаніи особыхъ правилъ и положеній, и исчерпывается имперское законодательство по отношенію къ земскому устройству прибалтійскаго края, если не считать мелкихъ отрывочныхъ указаній по земскому дѣлу, встрѣчающихся во 2 части св. мѣст. узак. губ. оств. и въ крестьянскихъ положеніяхъ 1819, 1849 и 1860 годовъ.

Такъ дѣло шло до шестидесятыхъ годовъ, когда вслѣдствіе постепеннаго и значительнаго усиленія крестьянскаго сословія, а въ особенности вслѣдствіе усиленнаго выкупа крестьянами земли, значительная часть этой земли перешла въ руки крестьянъ. Въ лифляндской губерніи образовалось такимъ образомъ постепенно могущественное крестьянское землевладѣніе, которое волей или неволей пришлось допустить къ земскому управленію, ибо удовлетвореніе земскихъ потребностей основано было на самообложеніи. Вместе съ тѣмъ постепенно развѣщались и земскія потребности, которымъ владѣльцамъ дворянскихъ вотчинъ невозможно было удовлетворять силами вотчинъ, лишившейся крестьянской земли и обязательнаго крестьянскаго труда. Таковое измѣненіе въ аграрныхъ условіяхъ страны заставило лифляндскій ланд-

такъ въ 1870 году редактировать новое положеніе о приходскихъ конвентахъ, на основаніи коего въ составъ конвентовъ допущены были депутаты отъ крестьянъ-землеладѣльцевъ (дворохозяевъ). Утвержденное прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ и объявленное въ указѣ губернскаго правленія 1870 г. за № 128, положеніе это и до настоящаго времени служить основаніемъ приходскихъ земскихъ учрежденій.

Въ учрежденіи новыхъ конвентовъ проведенъ весьма важный принципъ, а именно, что число крестьянскихъ голосовъ должно быть равно числу голосовъ владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ, почему составъ новыхъ конвентовъ и опредѣленъ былъ такимъ образомъ, что на конвентъ являлись все владѣльцы дворянскихъ вотчинъ и все волостные старшины. Такъ какъ волости прежняго времени заключали въ себѣ крестьянскую землю даннаго имѣнія, то число волостей точно совпадало съ числомъ дворянскихъ имѣній, и равенство крестьянскихъ и дворянскихъ голосовъ достигалось весьма просто.

Съ теченіемъ времени однако условія измѣнились. Маленькія волости постепенно стали соединяться по нѣскольку въ одну. Обратно, дворянскія имѣнія путемъ наследованія или иными какими либо путями дѣлились на части. Причины эти значительно усилили перевѣсъ дворянскихъ голосовъ надъ крестьянскими въ приходскихъ конвентахъ.

Для воспрепятствованія приходскимъ конвентамъ стать исключительно дворянскими учреждениями и возстановленія того кореннаго принципа, который положенъ

былъ въ основаніе положеніи ландтага 1870 года, въ силу коего на приходскихъ конвентахъ число голосовъ дворянскихъ и крестьянскихъ должно быть одинаково, губернскимъ зачатствомъ приняты современно надлежащія мѣры. Циркулярами губернатора главнымъ церковнымъ попечителямъ, отъ 18 ноября 1888 года за №№ 7154—7158, установлено, что входящія въ составъ соединенной прежнихъ волости не теряютъ своего голоса на конвентахъ, и каждая соединенная волость имѣетъ столько голосовъ, сколько волостей вошло въ ея составъ. Съ преобразованиемъ полицейскихъ и судебныхъ учреждений, при которомъ политическія права лифляндскаго дворянства значительно ограничены, а въ особенности съ тѣхъ поръ какъ крестьяне, выкупивъ свыше 80% всей крестьянской земли, поставили себя вне экономической зависимости отъ помѣщиковъ, замѣчается значительное усиленіе вліянія крестьянскаго элемента на приходскихъ конвентахъ, такъ что о преобладаніи помѣщичьего элемента въ большей части этихъ учреждений въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Высокая ту долю политическихъ правъ, которая предоставлена крестьянскому сословію приходскимъ управленіемъ, лифляндскіе крестьяне, видимо привыкшіе къ этимъ учрежденіямъ, относятся къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что учрежденія эти въ глазахъ всего населенія лифляндской губерніи считаются наиболѣе популярными.

Приходскими попечителями избирались до настоящаго времени дворяне, каковое обстоятельство объясняется съ одной стороны преобладаніемъ авторитета дворянскаго

состояніи въ приходахъ, а съ другой и Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 1863 года*), на основаніи котораго попечителями этики могутъ быть избираемы лишь собственники и арендаторы дворянскихъ имѣній. Такимъ образомъ въ настоящее время лишь въ весьма немногихъ приходахъ обязанности попечителя перешли въ руки крестьянъ — владельцевъ дворянскихъ вотчинъ.

При принятой въ ливондіи системѣ децентрализациі, вся почти хозяйственная дѣятельность земства сосредоточивается въ приходахъ, которые въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени пользовались величайшей самостоятельностью. Постановленіи конвентовъ, за исключеніемъ касающихся школьнаго дѣла, ни до ландтага, ни до ландратской коллегіи, ни до главныхъ церковныхъ попечительствъ не доходили. Никто этихъ постановленій въ прежнее время не только не утверждалъ, но даже не разсматривалъ. Въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ приходы дѣйствовали совершенно самостоятельно, при чемъ размѣръ этой дѣятельности, а равно размѣръ взимаемыхъ для удовлетворенія различнаго рода приходскихъ потребностей местныхъ сборовъ были въ различныхъ приходахъ въ высшей степени разнообразны, завися отъ доброй воли прихожанъ-членовъ конвента и отъ средствъ прихода.

При полномъ отсутствіи надзора за дѣятельностью мелкихъ приходскихъ учрежденій и крайней неопредѣленности органическаго законодательства, опредѣляющаго порядокъ ихъ функционированія, въ дѣятельности при-

*) Полн. собр. законовъ 1863 г. (39619).

ходовъ естественно стали появляться различныя укло-
ненія и неправильности, заставившія лифляндскаго гу-
бернатора, получившаго въ последнее время въ лицѣ
чиновъ уѣздной полиціи и комиссаровъ по крестьянскимъ
дѣламъ органы наблюденія за земскимъ хозяйствомъ
страны, принять надлежащія мѣры какъ для поставленія
въ законныя рамки этой дѣятельности, такъ и для воз-
можнаго объединенія ея по всей губерніи. Такимъ
образомъ, примѣняясь къ ст. 122. II ч. св. мѣстн. узак.,
въ силу коей всѣ положенія, касающіяся общихъ (земскихъ)
дѣлъ, подлежатъ утвержденію губернскаго начальства, —
въ 1890 году сдѣлано было распоряженіе*) о томъ,
чтобы всѣ постановленія конвентовъ, коими на плательщи-
ковъ возлагаются какія либо повинности, представлялись
предварительно на разсмотрѣніе и утвержденіе губерн-
скаго правленія. Правило это нынѣ соблюдается во всей
строгости, при чемъ получается полная для губернскаго
начальства возможность наблюдать за тѣмъ, чтобы:

- 1) повинности изымались лишь на такія надобности,
которыя составляютъ предметы земскаго хозяйства, зако-
номъ опредѣленные; 2) чтобы онѣ разскадывались между
плательщиками равномерно и согласно съ существую-
щими законамъ.

Вышнимъ земскимъ учрежденіемъ лифляндской гу-
берніи слѣдуетъ считать губернскія, такъ называемыя
дворянскія учрежденія. Изъ числа ихъ распоряди-
тельными являются ландтагъ, собирающійся разъ въ
три года, и дворянскій конвентъ, замѣняющій это

*) Печатные указы лифляндскаго губернскаго правленія 1891 г.
за №№ 117 и 158.

собрание въ періодъ времени между двумя ландтагами и собирающийся два раза въ году. На основаніи 122 ст. 2 ч. св. мѣстн. узакон. губерні. оста. всѣ постановленія ландтага и дворянскаго конвента, касающіяся земскихъ дѣлъ, предварительно ихъ выполненія, представляются на утвержденіе губернатора и безъ этого утвержденія никакой силы не имѣютъ.

Вслѣдствіе незнакомства со внутреннимъ устройствомъ прибалтійскихъ губерній, въ русской публикѣ существуетъ мнѣніе, что ливондскій ландтагъ есть учрежденіе вполне соответствующее губернскому дворянскому собранію внутреннихъ губерній, каковое мнѣніе возбуждало нареканіе на земское устройство ливондской губерніи въ томъ, что якобы мѣстнымъ закономъ всѣ прочія сословія удалены отъ участія въ земскихъ дѣлахъ, которыя будто бы за сими предоставлены вѣдѣнію одного лишь кореннаго дворянства (рыцарства) губерніи. Мнѣніе это посылитъ ошибочно. Ливондскій ландтагъ въ сущности есть не дворянское, а земское учрежденіе. Таковымъ онъ былъ съ самаго начала своего установленія. Въ первомъ положеніи о ландтагахъ *), утвержденномъ

16-3

*) Ландтага въ Ливондіи существовали и ранѣе 1647 г., ранѣе даже покоренія Ливондіи Швеціей и Польшею, и именно во времена орденскія. Но какъ тогда ландтаги эти являлись верховнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, то въ настоящемъ изслѣдованіи о нихъ не можетъ быть и рѣчи. По завоеваніи Ливондіи Польшею, польскіе короли, какъ извѣстно, не дали себѣ никакого труда во введеніи порядка во внутреннюю организацію вельможнаго управленія. Преставляя исключительны политическія (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) дѣла, польское правительство старалось лишь въ разрушеніи прежнихъ порядковъ, установившихся въ Ливондіи, не создавъ новыхъ. Поэтому точно также сохранившіеся во времена польскаго владычества ландтаги, называвшіеся тогда „Conventus nobilitatis publicae sive“, не могутъ представлять никакого либо интереса какъ земскія учрежденія. Тѣмъ образомъ, первымъ законодательнымъ актомъ, давшимъ организацію ландтагамъ, совершенно справедливо считается шведское положеніе 1647 г.

въ царствованіе королевы Ядвиги Элеоноры, шведскимъ генералъ-губернаторомъ Лифляндіи Г. Оксенштерномъ 5 сентября 1647 года, какъ видно изъ текста этого положенія, ландтагъ долженъ быть собираемъ генералъ-губернаторомъ для обсужденія мѣръ, клонящихся къ ищему преуспѣванію страны (zu mehrerer Beförderung des Landes Wohlfahrt) и къ устраниенію встрѣчающихся недостатковъ въ ея управленіи (Remedierung der vorfallenden Mängel). Участіе на ландтагѣ, согласно этому положенію, подѣ страхомъ денежнаго штрафа за неявку, должны были принимать не вѣ землевладѣльцы (alle im Lande Eingesessene). Въ своихъ появленіяхъ въ ландтагу шведское правительство всегда обращалось ко не вѣ землевладѣльцамъ, постоянно называя ихъ: „Ritterschaft und Landschaft“, и эти два сословія Ritterschaft и Landschaft, а никакъ не одно дворянство какъ отдѣльное сословіе, во времени шведскаго владычества и представляемы были ландтагомъ. Просматривая послѣдующую исторію литовскаго земскаго законодательства за 250 лѣтъ, истекшихъ со времени появленія перваго положенія о ландтагахъ, нельзя встрѣтить ни одного закона, который хотя сколько нибудь напомнилъ бы первоначальный составъ и значеніе этого учрежденія *). Точно такъ же и на основаніи нѣмѣ дѣйствующаго положенія о ландтагахъ

*) Неизмѣненъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать указъ имп. сената 30 декабря 1783 г., явившій въ царствованіе Императрицы Екатерины II введенъ въ Лифляндіи общія дворянскія учрежденія. Такихъ образцовъ въ періодъ времени съ 1783 г. по 1796 г. ландтаги вовсе собираемы не были, а на мѣсто ихъ созывались дворянскія собранія. Какъ видно отсюда, уже въ то время понятія о ландтагахъ и дворянскихъ собраніяхъ сближались русскимъ правительствомъ, которое заблужденіе сохранилось въ русской публикѣ и понынѣ.

въ собраніи этомъ принимаютъ участіе не одни только дворяне, но всѣ вообще владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, къ какому бы сословію они не принадлежали*). Дворяне же, даже матрикулованные, но не владѣющіе дворянскими вотчинами, на ландтагъ голоса не имѣютъ, какиѣ бы имущественнымъ цензомъ они ни обладали**).

Вслѣдствіе историческаго образованія лифляндскаго землевладѣнія, огромное большинство землевладѣльцевъ дѣйствительно принадлежить къ дворянскому сословію, почему дворянство всегда имѣло господствующее значеніе на ландтагахъ. Предсѣдательствъ на ландтагъ былъ почти всегда дворянинъ (дворянскій предводитель***). Кроме того, въ лифляндскомъ дворянствѣ, въ особенности со времени сформированія его въ корпорацію, существовало постоянное стремленіе присвоить себѣ привилегію исключительнаго обладанія землею въ Лифлядіи. Стремленіе это, въ зависимости отъ случайнаго вліянія дворянства на правительство, убіивалось иногда большимъ, иногда меньшимъ успѣхомъ, и бывали моменты въ жизни Лиф-

*). Ст. 63, 2 ч. св. жстн. узак. губ. оств. Въ существующемъ положеніи о ландтагахъ противу положенія 1647 г. сдѣлано лишь одно весьма важное измѣненіе въ этомъ отношеніи. По закону 1647 г. всѣ землевладѣльцы обязаны были являться на ландтагъ подъ страхомъ пени. По существующему положенію, незамысловатому изъ положенія 1759 года, такое участие обязательно лишь для коренныхъ дворян. Владѣльцы вотчинъ, не принадлежащихъ къ матрикулованному дворянству, могутъ посѣщать сѣзды ландтага, но участіе это для нихъ необязательно и штрафу за неявку они не подвергаются.

**). Исключеніемъ является участіе этихъ лицъ при постановленіяхъ объ исключеніи дворянина изъ матрикулы и о принятіи его въ число матрикулованныхъ дворянъ.

***). Единственнымъ исключеніемъ была періодъ времени съ 1694 по 1710 годъ, когда вслѣдствіе распоряженія шведскаго правительства (корпелевое повелѣніе Карла XI, отъ 20 декабря 1694 г.) предсѣдательствовали на ландтагъ генералъ-губернаторы или губернаторы.

ляндій, когда правительство дѣлало въ этомъ отношеніи столь большія уступки, что понятіе о дворянствѣ и понятіе о землевладѣніи почти отождествлялись*). Въ эти обстоятельства была причиной возникновенія того въ сущности ошибочнаго мнѣнія, что ландтагъ есть собраніе дворянское, случайно и незаконно захватившее въ свои руки управленіе земскими дѣлами губерній. Образованію этого ошибочнаго мнѣнія не мало способствовало и появленіе въ 1846 году перваго свода хѣстныхъ узаконеній для губерній остатейскихъ. Сводъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ оконченъ, при чемъ законодательство ограничилось изданіемъ лишь трехъ томовъ, въ которыхъ земское устройство не нашло себѣ мѣста, но въ одномъ изъ нихъ, именно во II томѣ, помѣщены законы о состояніяхъ. Такъ какъ на ландтагахъ искони производились и дворянскіе выборы и, кромѣ ландтаговъ, никакихъ дворянскихъ собраній въ Лифляндіи никогда не существовало, то естественно, что въ этомъ томѣ и именно въ главѣ: „о правахъ и преимуществахъ кореннаго дворянства въ составѣ общества“, и помѣщено положеніе о ландтагахъ. Помѣщеніе положенія о земскомъ учрежденіи въ главѣ „о правахъ и преимуществахъ дворянства“, — причѣмъ главная основная идея положенія о ландтагахъ, вѣдѣныя такой кодификаціи, естественно ступенывалась, — и составляла едва ли не главную причину, почему ландтагъ принимается за губернское дворянское собраніе. Въ дѣйствительности же, и несмотря

*) Въ особенности велика была эта уступка съ переходомъ Лифляндіи подъ русское владычество, имѣя объ этомъ сказано будетъ ниже.

на неудачную кодификацію, лифляндскій ландтагъ продолжаетъ быть прежнимъ шведскимъ ландтагомъ, представляя собою „Ritterschaft und Landschaft“ (дворянство и земство), причемъ главное и существеннѣйшее для страны назначеніе его, также какъ и прежде, состоитъ въ томъ, чтобы быть земскимъ собраніемъ, представляя собою не случайно, а по коренному старинному земскому праву всю землю, т. е. и дворянскія вотчины (Rittergüter), заключающія въ себѣ во времена изданія свода мѣстныхъ узаконеній какъ всю мызную, такъ и всю крестьянскую землю.

Такъ какъ дворянскія вотчины принадлежатъ преимущественно дворянамъ, то для того, чтобы не собирать дворянъ два раза, — одинъ разъ на дворянское, а другой на земское собраніе, — оба эти собранія собираются одновременно, разрѣшая сначала земскія дѣла при участіи всѣхъ землепашцевъ, а за сѣмъ и дворянскія — при участіи однихъ только дворянъ.

Вполнѣ правильная и согласная съ коренными основаніями лифляндскаго земскаго права, первоначальная идея ландтага, какъ земскаго учрежденія, въ значительной степени нарушается существованіемъ второго распорядительнаго земскаго собранія, а именно дворянскаго конвента. Въ организаціи этого послѣдняго учрежденія уже ясно проглядываетъ намѣреніе сосредоточить завѣдываніе земскими дѣлами въ рукахъ лицъ, которымъ это завѣдываніе поручается не только въ силу ихъ правъ какъ землепашцевъ, но также и въ силу ихъ правъ сословно-дворянскихъ.

Появленіе дворянскаго конвента какъ земскаго учреж-

денія слѣдуетъ отнести къ 1694 году, когда шведское правительство, послѣдствіе оппозиціи, оказываемой ливонскими дворянствомъ съ ландратами во главѣ, по повелѣнію предпринятыхъ королемъ Карломъ XI мѣръ, клонящихся къ стѣсненію дворянскаго землевладѣнія, порѣшило совершенно упразднить должность ландратовъ и предписало ливонскому генераль-губернатору назначать, во время ландтаговъ*), отъ каждого округа (уѣзда) по нѣскольку дворянъ, извѣстныхъ своей честностью, опытностью и умомъ (*die an Verstand, Bescheidenheit und Redlichkeit die Vortrefflichsten seien***). Эти лица, набираемые лишь на время ландтага и какъ бы предназначенныя замѣнять прежнихъ пожизненно назначаемыхъ ландратовъ, и должны были составить такъ называемый „*Ritterschafts-Ausschuss*“, помогая генераль-губернатору вести председательствуемый имъ ландтагъ. Вскорѣ послѣ того Ливонія покорена была Россіей, причемъ должность ландратовъ была возстановлена. Въ лицѣ ландратовъ и членовъ „*Ritterschafts-Ausschuss*“, получившихъ въ то время названіе дворянскихъ депутатовъ, образовалось такимъ образомъ готовое земское представительство, которому, въ виду затрудненія собирать ландтагъ, весьма удобно было поручать вѣдѣніе земскими дѣлами.

Устройство въ такомъ видѣ дворянскаго конвента, впервые регламентированное приложеніемъ къ положенію

*) Въ этотъ періодъ времени, послѣдствіе сильнаго недоверія къ дворянамъ, председательство на ландтагахъ передано было генераль-губернатору или губернатору. (См. королевское повелѣніе Карла XI отъ 20 декабря 1694 г. п. IV).

**) См. корол. повел. Карла XI отъ 20 декабря 1694 г. п. VI.

о ландтагахъ 1759 года*) инструкціею для дворянскихъ чиновниковъ, съ небольшими лишь измѣненіями, вошло и въ положеніе о ландтагахъ 1827 г., а отсюда и во II часть св. хвсти. узак. губ. оста., на основаніи каковаго закона литовскій дворянскій конвентъ, состоя изъ председателя дворянства, двѣнадцати дворянскихъ депутатовъ и двѣнадцати ландратовъ, къ которымъ прибавлено было еще два депутата дворянской кассы, несетъ слѣдующія обязанности по земскому управленію**):

- а) готовить, какъ выше сказано, вопросы внесенные на обсужденіе ландтага;
- б) обсуждать земскія дѣла, требующія неотложнаго рѣшенія въ періодъ времени между двумя ландтагами, причѣмъ однако компетенція конвента менѣе нежели компетенція ландтага, и рѣшенія требующія новаго земскаго обложенія обсужденію конвента не подлежатъ. Ландтагу, сверхъ того, предоставлено право давать большія или меньшія полномочія конвенту по тому или другому земскому вопросу;

*) Ни положеніе о ландтагахъ 1759 г., ни приложенная къ нему инструкція никогда правительственною властью утверждены не были. Въ то время организація земскихъ учреждений, вслѣдствіе установившихся отношеній русскаго правительства къ Литовліи не считалась, по крайней мѣрѣ, сравнительными дѣломъ. Первое, утвержденное русскими правительствомъ и именно прибавійскими генералъ-губернаторомъ наместникомъ Падуччи, положеніе о ландтагахъ, основанное на Высочайше подтвержденныхъ Императоромъ Николаемъ I, 9 февраля 1827 года, привилегій литовскаго дворянства, появилось въ 1827 году (Печатный указъ литовскаго губернскаго правленія 17 августа 1827 г. № 3465).

**) Св. хвсти. узак. губ. оста. ч. II ст. 133—170. О сферѣ дѣятельности дворянскаго конвента, а равно и прочихъ литовскихъ учреждений собственно по основнымъ дворянскимъ дѣламъ въ настоящемъ изслѣдованіи не упоминается.

- в) согласовывать разномыслия, могущія произойти по земским дѣламъ между очереднымъ ландратомъ и предводителемъ дворянства.

Исполнительнымъ земскимъ органомъ въ эстонской губерніи считается номинально, состоящая изъ 12 ландратовъ, избираемыхъ пожизненно изъ числа патрикуютанныхъ дворянъ, такъ называемая ландратская коллегія, въ дѣйствительности же является имъ очередной ландратъ, дѣятельность котораго, при помощи оказываемой ему дворянскими депутатами, отчасти совпадаетъ съ дѣятельностью земскихъ управъ внутреннихъ губерній.

Лифляндская ландратская коллегія представляетъ въ высшей степени оригинальное учрежденіе, о роли котораго существуетъ въ русской публикѣ весьма неясное понятіе. Коллегія эта есть одно изъ самыхъ старыхъ учреждений лифляндіи. Въ теченіе своей продолжительной жизни, вслѣдствіе измѣненій въ правительствахъ, вслѣдствіе измѣненій въ программахъ и отношеніяхъ правительствъ къ провинціи, она многократно и сама измѣнила какъ свое значеніе, такъ и роль занимаемую относительно края, причѣмъ однако роль эта всегда отличалась крайней неопредѣленностью.

Официальное учрежденіе ландратской коллегіи относится къ 1647 году*), при чемъ она была учреждена въ видѣ особаго совѣта при генераль-губернаторѣ, состоя изъ шести членовъ**) — наполовину шведскихъ и на-

*) Резолюціи королевы Христіны 4 іюня 1643 г. н. 1. Въ дѣйствительности нѣчто въ родѣ ландратской коллегіи существовало еще ранѣе, даже во времена польскаго владычества (XVI в.), когда она по-видимому исполняла роль верховнаго трибунала.

**) Вслѣдствіемъ числа ландратовъ увеличено было до двенадцати. (См. резолюцію королевы Христіны 17 августа 1648 г., п. 2).

половину лифляндскихъ дворянъ-землепослѣдѣвъ, назначаемыхъ генералъ-губернаторомъ по представленію дворянства. Назначеніе ея состояло въ томъ, чтобы: 1) содѣйствовать генералъ-губернатору во всемъ касающемся благосостоянія края; 2) наблюдать за исполненіемъ дворянами военной службы, и 3) принимать жалобы въ убѣдахъ и доводить ихъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора.

Такимъ образомъ ландратская коллегія вовсе не была органомъ земскаго управленія въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово понимается нынѣ. Она была однимъ изъ органовъ общаго управленія провинціей во всѣхъ ея отрасляхъ. Не имѣя, однако, какъ совѣтъ при генералъ-губернаторѣ, свободы дѣйствій, ландратская коллегія не могла приобрести и полной самостоятельности, почему степень вліянія ея на дѣла провинціи въ различные періоды жизни Лифляндіи была въ высшей степени разнобразна, завися преимущественно отъ личности генералъ-губернатора и отъ измѣненія во взглядахъ шведскаго правительства, допускавшаго иногда большую, иногда меньшую автономію Лифляндіи. Бывали моменты въ жизни этой провинціи, когда шведскіе короли сами старались возвысить значеніе ландратской коллегіи. Такъ въ 1660 году послѣдовало королевское повелѣніе*), вѣщавшее генералъ-губернаторамъ въ обязанность имѣть по всѣмъ дѣламъ края совѣщанія съ ландратами и выслушивать ихъ совѣты. Бывали обратно, моменты — въ особенности во время короля Карла XI, когда шведское правительство стѣсняло права ландратовъ. Когда же,

*) Резолюція правительницы Нидригъ Элеоноры 26 Ноября 1660 г. п. 6 и 9.

опираясь на свое влияние в стране, ландграфы, по поводу reductions дворянских имений в Лифляндию, вошли в явную оппозицию со шведским правительством, в 1694 году, незадолго до завоевания Лифляндии Россией, должность ландграфов была совсем упразднена *).

Съ поступленіемъ Лифляндіи въ подданство Россіи, по ходатайству лифляндскаго дворянства учрежденіе это вновь возстановилось на основаніи вкорднихъ пунктовъ 4 іюля 1710 года, коими возвращались дворянству всѣ его бывшія привилегіи и даже тѣ, которыя уничтожены въ послѣдніе годы XVII столѣтія королемъ Карломъ XI. Это возстановленіе коллегіи санкціонировано было резолюціями Императора Петра I отъ 12 октября 1710 г. **) и 1 марта 1712 года, причемъ Императоръ, не считая возможнымъ имѣливатъ въ внутреннія дѣла вновь завоеванной, въ высшей степени своеобразной и мало ему извѣстной провинціи, опредѣлять кругъ дѣятельности и компетенціи коллегіи въ самыхъ общихъ чертахъ ***). Вслѣдствіе неопредѣленности этихъ указаній и установившейся традиціонной политики послѣдующихъ монарховъ не нарушать извѣстной и притомъ весьма значительной автономіи прибалтійскаго края, вновь возобновленная

*) Резолюція короля Карла XI, 20 декабря 1694 г. п. I.

**) Полное собр. зак. 1710 г. № 2304.

***) Лифляндское дворянство въ 1712 г. просило о допущеніи ландграфовъ къ участию во всѣхъ дѣлахъ управленія лифляндіи. Императоръ Петръ I положилъ на этомъ прошеніи слѣдующую резолюцію: „Когда жеменія будутъ случаться дѣла, тогда имѣютъ всегда ландграфы, противъ ихъ привилегіи, къ тому допущены быть, равно какъ въ шведскіи времена въ обыкновеніи было. А чтобы онымъ судить и опредѣленія въ дѣлахъ чинить, того имъ позволять не можно“. (Полн. собр. зак. 1712 г. № 2496).

ландратская коллегія, лишенная отливъ иностранныхъ постороннихъ элементовъ, стала приобретать все большее и большее влияние какъ на правительство, такъ и на страну. Подъ конецъ она образовала изъ себя совершенно самостоятельное, весьма мало зависящее отъ мѣстной правительственной власти и неизмѣвшее гдѣ либо и когда либо подобнаго себѣ, учрежденіе. Коллегія эта стала какъ бы дворянскимъ органомъ, заведующимъ всеми безъ исключенія отраслями гражданскаго управленія, органомъ дѣйствовавшимъ параллельно съ органами правительственными. Это было какъ бы второе правительство, съ той же сферой дѣятельности и если не *de jure*, то *de facto*, съ тою же, а иногда и большею властью, нежели та, которая предоставлена была генераль-губернаторамъ и губернаторамъ, но руководствовавшееся при управленіи страною особыми принципами, имѣвшими очень чisto весьма мало общаго съ принципами правительства центрального.

Такое въ высшей степени своеобразное значеніе ландратской коллегіи, созданное политикою русскаго правительства, не имѣло никакой законодательной санкціи до начала нынѣшняго столѣтія. Лишь послѣ 1796 г., когда, упраздненная вторично Императрицей Екатериной II, ландратская коллегія была вновь восстановлена закономъ, не дававшимъ изъ какихъ либо подробности Высочайшимъ повелѣніемъ Императора Павла I*), приступлено было къ составленію статута, доживающе-

*) Высочайшее повелѣніе Императора Павла I ограничивается словами, что ландратская коллегія восстанавливается. (Полн. собр. зак. 1796 г. № 17564).

важнаго ближайшимъ образомъ опредѣлить назначеніе и кругъ дѣятельности этого учрежденія. Это и было исполнено въ 1827 году. Ландтагомъ выработано было, на основаніи всѣхъ предъидущихъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій, положеніе о ландратской коллегіи, которое и было утверждено прибалтійскимъ генераль-губернаторомъ маркизомъ Пауллучи*), подъ названіемъ „инструкціи для дворянскихъ чиновниковъ“. По весьма понятнымъ причинамъ въ новомъ законѣ не представлялось возможности съ полной откровенностью высказать дѣйствительное значеніе ландратской коллегіи, каковымъ оно создавалось попустительствомъ правительства. А посему въ вышеупомянутой инструкціи значеніе это опредѣлено было нѣсколько иносказательно. Такое опредѣленіе назначеній ландратской коллегіи и круга ея дѣятельности, въ той же почти редакціи, нашло себѣ мѣсто въ издаваемомъ въ 1845 году первомъ сводѣ мѣстныхъ узаконеній, гдѣ оно изложено слѣдующимъ образомъ: „Назначеніе ландратской коллегіи есть обязательное отеческое попеченіе объ охраненіи правъ и преимуществъ учреждений и постояннымъ обычаемъ установленныхъ правилъ дворянскаго общества^{a, **)} Охранять же эти права и преимущества приходилось во всѣхъ отрасляхъ управленія губерніей; почему ландратамъ и предоставленъ былъ доступъ къ весьма вліятельному участію въ каждомъ отдѣлѣ провинціального управленія.

*) Указъ змел. губ. приложеніи 17 августа 1827 г. № 3463.

**) Сводъ мѣстн. узак. для губ. остз. ч. II ст. 563.

Такъ, по части управленія духовными дѣлами — одинъ изъ ландратовъ назначался президентомъ люфляндской евангелическо-лютеранской консисторіи, и всѣ мѣста главныхъ церковныхъ попечителей занимаютъ ландратами.

По части школьнаго управленія — четыре ландрата главныхъ церковныхъ попечителя составляютъ высшій комитетъ для управленія народными школами (Ober-Landschulbehörde).

По части управленія судебнаго дѣла — ландраты были непремѣнными и поглавными членами люблинскаго герберихта (соединенной уголовной и гражданской Палаты).

По части управленія земскими дѣлами — всѣ двѣнадцать ландратовъ состоятъ членами дворянскаго конвента, составляя половину общаго числа его членовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ ландратовъ избирается дворянствомъ въ очередные ландраты*) (wechselnde Landrath), сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю исполнительную власть по распоряженію губернскими земскими повинностями.

Наконецъ, если принять въ соображеніе, что, пользуясь огромнымъ значеніемъ въ ландтагѣ, ландраты имѣли рѣшительное вліяніе при выборахъ дворянскихъ чиновниковъ на мѣста полицейскія, судебныя, крестьянскія и пр., то высказанное выше положеніе, что въ дѣлахъ

*) По закону (ст. 539 — II части св. вѣсти. уѣзд.) двѣнадцать ландратовъ поочередно въ теченіи одного мѣсяца въ году управляютъ текущими дѣлами, но такъ какъ такое управленіе сопряжено съ большими неудобствами, то на основаніи второй части вышеупомянутой статьи съ 1869 года принято приходить очереднаго ландрата избирать на три года.

общаго управленія губерніей вліяніе ландратской коллегіи часто было сильнѣе вліянія губернатора, едва ли можно считать преувеличеннымъ. Изъ всего вышесказаннаго явствуесть, что ландратская коллегія никогда не была тѣмъ, что принято называть земскимъ учрежденіемъ. Это было учрежденіе правительственное, имѣвшее дѣйствительно значительное вліяніе на земскія дѣла лишь потому, что оно имѣло столь же сильное вліяніе во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго управленія. Вліяніе это основано было не на текстѣ закона, а на подробностяхъ существовавшаго устройства прибалтійскаго края и на известной политической программѣ русскаго правительства по отношенію къ этому краю. Съ измѣненіемъ этихъ подробностей путемъ реформъ, произведенныхъ въ край въ послѣдніе годы, съ измѣненіемъ правительственной программы, вліяніе ландратской коллегіи быстро сократилось. Едва 5 лѣтъ прошло съ начала преобразованій. Въ числѣ этихъ преобразованій ни одно не было прямо направлено противъ ландратской коллегіи. А между тѣмъ учрежденіе это нѣмѣ потеряло почти всякое значеніе, обратившись въ ичѣто въ родѣ совѣта при очередномъ ландратѣ для составленія докладовъ, вносимыхъ на разсмотрѣніе ландтага. Нынѣ президентомъ евангелическо-лютеранской консисторіи состоитъ не ландратъ, а лицо по назначенію правительства. Съ преобразованіемъ судебныхъ учреждений не можетъ быть и рѣчи о вліяніи ландратской коллегіи на ходъ правосудія. Не можетъ быть рѣчи и о вліяніи ея на дѣла полицейско-административныя, ибо всѣ чиновники по этому вѣдомству назначаются правительствомъ. Одного земскаго устройства

не коснулась еще преобразовательная деятельность русского правительства. Но и здесь, вследствие измѣненія въ политической программѣ правительства, вліяніе ландратской коллегіи значительно парализовано тою весьма важной статьёй существующаго земскаго устройства, которая даётъ право губернатору останавливать каждое положеніе земскихъ собраній.

Ландратская коллегія была не земскимъ, какъ выше сказано, а дворянскимъ учрежденіемъ, какъ бы специально устроеннымъ для обезпеченія вліянія дворянства на общее управленіе краемъ. Она имѣла свой смыслъ, пока дворянство молчаливымъ соглашеніемъ самого правительства признавалось правящимъ страной классомъ. Нынѣ, съ измѣненіемъ этого взгляда, она является отжившимъ, почти разрушеннымъ учрежденіемъ. Въ силу этихъ причинъ, даже функціи ея, какъ исполнительнаго земскаго органа, также исчезли, тѣмъ болѣе что по свойству работъ исполнительнаго характера коллегіальное учрежденіе является для этой цѣли непригоднымъ. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается причина, почему исполнительнымъ органомъ земскаго управленія слѣдуетъ нынѣ считать не ландратскую коллегію, а очереднаго ландрата, дѣятельность котораго по земскому дѣлу дѣйствительно весьма обширна. Она заключается:

- 1) въ завѣдываніи, подъ ближайшимъ руководствомъ губернскаго правленія, такими земскими повинностями, которыя, не будучи вызваны мѣстною насущною потребностью приходовъ, имѣютъ значеніе для всей губерніи, или же возложены на

страну правительственной властью, какъ напр. содержаніе государственныхъ шоссеиныхъ дорогъ, содержаніе почтовыхъ станцій и т. п., а равно и взиманіе губернскаго земскаго сбора на содержаніе воинскихъ присутствій, губернскаго статистическаго комитета, на полицію и т. п., — такими однимъ словомъ повинностями, которыя изложены въ ст. 12 и 13 уст. о земск. пов. (св. зак. т. IV изд. 1857 г.);

- 2) въ составленіи раскладки по землѣ всѣхъ губерnskихъ денежныхъ земскихъ повинностей, съ представленіемъ ея на утвержденіе губернскаго правленія;
- 3) въ веденіи для этой цѣли подробныхъ земельныхъ и окладныхъ книгъ;
- 4) въ управленіи многочисленными почтовыми станціями и вообще конными почтами, и —
- 5) въ исполнительныхъ работахъ по такимъ предметамъ земскаго хозяйства, которые, по свойству своему, по обширности требующихся для выполненія ихъ средствъ и по значенію ихъ для данной мѣстности, не могутъ быть поручены приходскимъ попечителямъ и вообще силамъ прихода. Сюда относятся: постройка и ремонтъ большихъ мостовъ, устройство и ремонтъ первоклассныхъ дорогъ, требующихъ большихъ расходовъ и имѣющихъ значеніе для всей или по крайней мѣрѣ для большей части губерніи, содержаніе шоссеиныхъ дорогъ и т. д.

Изъ числа этихъ функций особенную дѣятельность вызываютъ обозначенныя въ п.п. 3 и 4.

Составленіе ежегодной раскладки въ 180—190 тыс. рублей денежныхъ губернскихъ земскихъ сборовъ, падающихъ на губернію, съ разсылкой по имѣніямъ окладныхъ листовъ, не представляеть особыхъ затрудненій, такъ какъ въ эту сумму входитъ преимущественно такъ называемые обязательные расходы, производимые по заранѣе опредѣленнымъ штатамъ и потому изъ года въ годъ не мѣняющіеся, а исполнительная часть заключается въ передачу собранныхъ суммъ въ соответствующія расходующія учрежденія. На оборотъ чрезвычайно много труда требуетъ исполненіе обязанностей, упомянутыхъ въ п. 3, т. е. составленіе подробныхъ земельныхъ и окладныхъ книгъ, въ виду раздробленности поземельной собственности вследствие существованія въ Лифляндіи подворного владѣнія. Поземельныя книги или такъ называемые Grundbücher составляютъ 27 огромныхъ фолиантовъ, гдѣ съ величайшей подробностью и точностью регистрируются всѣ поземельныя недвижимости, находящіяся въ губерніи, съ подробной оцѣнкой этихъ недвижимостей по существующей талерной системѣ, и съ точнымъ до сотыхъ долей лаштеля обозначеніемъ свойства земли въ каждой хозяйственной единицѣ. Книги эти, въ которыхъ одновременно отмѣчаются всѣ измѣненія, происходящія въ составѣ каждой изъ 50 сѣншомъ тысячъ хозяйственныхъ единицъ губерніи, составляютъ полную, образцово веденную статистику поземельной собственности, веденіе которой требуетъ дѣятельныхъ исполнителей и значительныхъ денежныхъ расходовъ, въ копѣ въпрочемъ, на счетъ земскихъ суммъ не относится ни копѣйки, ибо всѣ они подають исключительно на дворянскую кассу.

Точно также весьма сложную хозяйственную операцию представляет управленіе конными почтами, содержимыми по лифляндской губерніи въ образцовомъ порядкѣ. Особенность лифляндской и эстляндской губерній заключается между прочимъ въ томъ, что содержаніе ихъ безъ исключенія почтовыхъ станцій относится не на казенный счетъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ прочихъ губерніяхъ, а на счетъ земскій; для каковой цѣли установлены особыя, такъ называемыя почтовые повинности. Повинности эти заключаются въ постройкѣ и ремонтированіи станціонныхъ домовъ и доставленіи на нихъ фуража и дровъ. Таковое отнесеніе государственной повинности на земскій счетъ является, съ одной стороны, большой выгодой для казны, избавляя ее отъ расходовъ по содержанію конныхъ почтъ, а съ другой — немаловажной несправедливостью относительно названныхъ губерній, несущихъ такія повинности, отъ которыхъ всѣ остальные губерніи освобождены. Такимъ образомъ лифляндское земство содержитъ 24 почтовыхъ станцій, и сверхъ того 45 станцій земскихъ (Fahrgelegenheiten), на которыхъ всего содержится 819 лошадей*).

Изъ вышеизложеннаго не трудно вывести характеристическія черты существующаго земскаго устройства лифляндской губерніи. Вся губернія состоитъ изъ множества мелкихъ территоріальныхъ земскихъ единицъ (на материкѣ Лифляндіи 108 приходовъ), представляемыхъ учрежденіями, въ рукахъ которыхъ находится вполне самостоятельное заведеніе всѣми земско-хозяйственными мѣстными по-

*) Кроме того, въ городахъ Ригѣ и Черновѣ содержится почтовая станція на городской счетъ.

требностями. Церковное и школьное дѣло, дорожная и врачебная часть, устройство сельской почты и т. д. — все это сосредоточено въ приходахъ, которые сами совершенно самостоятельно изыскиваютъ средства для удовлетворенія этихъ потребностей и сами, собственными силами, приводятъ свои предположенія въ исполненіе. Въ приходахъ сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ земская дѣятельность по отношенію къ губерніи и лишь небольшая ея доля выполняется губернскими земскими учрежденіями. Надъ многочисленными приходскими управленіями, въ качествѣ наблюдающаго и объединяющаго органа, стоитъ губернское правленіе, дающее санкцію каждому распоряженію приходскаго собранія, безъ которой ни одно распоряженіе не приводится въ исполненіе.

Посредствующихъ инстанцій между губернскимъ и приходскими земскими учрежденіями почти не существуетъ. Хотя въ числѣ провинціальныхъ учреждений, основанныхъ на мѣстномъ законѣ, находятся и уѣздныя учрежденія, а именно: главные церковныя попечительства и уѣздныя дворянскія собранія, но на практикѣ земская ихъ дѣятельность оказывается совершенно ничтожною. Главныя церковныя попечительства, учрежденныя еще въ 1671 году, существованіе которыхъ санкціонировано ст. 632, 637—639 — 1 ч. XI т. св. зак. 1857 г., собственно по управленію земскими дѣлами имѣютъ значеніе апелляціонной инстанціи для разбора жалобъ на постановленія приходскихъ конвентовъ, окончательно разрѣшаемыхъ губернскимъ правленіемъ, и сверхъ того посредствующаго органа при

сообщенія между губернскимъ начальствомъ и приходскими учрежденіями, органа въ этомъ отношеніи весьма полезнаго въ виду большого числа ливонскихъ приходовъ. При полной самостоятельности, приданной ливонскимъ земскимъ устройствомъ приходскимъ управленіямъ, главныя церковныя попечительства не имѣютъ ни надобности, ни возможности вмѣшиваться въ дѣятельность приходовъ, тѣмъ болѣе, что канцелярскія средства этихъ попечительствъ крайне ограничены. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ школьное дѣло, которое, по специальности, своей а главное по важности его значенія для будущности страны, правившіе въ прежнее время страной классы не рѣшались довѣрить приходскимъ управленіямъ. Всѣ постановленія по дѣламъ этого рода проходятъ черезъ канцелярію главнаго церковнаго попечительства и не иначе получаютъ силу, какъ по его утвержденію. Засимъ хотя по мѣстнымъ положеніямъ*) главный церковный попечитель и является управляющимъ (Director) уѣзда, но такъ какъ на ландтагѣ, имѣтъ съ церковными попечителями, присутствуютъ и съ одинаковымъ правомъ голоса представляютъ уѣздъ всѣ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, то это званіе директора въ сущности лишь почетное званіе, заключающееся въ весьма общемъ наблюденіи или вѣрнѣе сказать — созерцаніи дѣятельности приходскихъ конвентовъ и попечителей.

Столь же малое значеніе для земскаго хозяйства имѣютъ и уѣздныя дворянскія собранія. По закону**)

*) Указъ ливонскаго ландтага 1805 года.

**) Статья 167 — П. ч. св. мѣст. узак.

вѣдѣнію этихъ собраній подложить разсмотрѣніе дѣлъ, касающихся пользы и нужды всего уѣзда, но издавна сосредоточившаяся въ приходахъ земская жизнь мѣстнаго населенія на практикѣ совершенно уничтожила значеніе этой статьи. Разсматривая за многіе годы постановленія дворянскихъ уѣздныхъ собраній, нельзя не убѣдиться, что неѣ почти постановленія касались назначенія и раскладки дворянскихъ уѣздныхъ складовъ, каковыя сборы въ прежнее время исключительно шли на прибавку къ содержаніямъ, получаемымъ различными дворянскими чиновниками, какъ-то: ордунигерихтерами, ландрихтерами, крейсрихтерами и т. п. Собственно же земскими дѣлами, за рѣдкими исключеніями *), уѣздныя собранія не занимаются.

Близкайшее знакомство съ земской жизнью ландтагской губерніи не можетъ, впрочемъ, не убѣдить, что разъ приходскія управленія облечены полной въ дѣствіяхъ своихъ самостоятельностью, здѣсь нѣтъ мѣста для дѣятельности уѣздныхъ учреждений. Въ какихъ либо посредствующихъ органахъ между губернскими и приходскими земскими учрежденіями страны не нуждается. Засѣдающіе въ приходскихъ конвентахъ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ поголовно ссылаются на обыкновенные и чрезвычайные ландтаги, внося въ дѣятельность ландтага тѣ же принципы, тѣ же взгляды, которыми руководствуется

*) Таковыми исключеніями слѣдуетъ назвать работы уѣздныхъ собраній въ 1858 году по общей таксаціи дорогъ, а равно и работы по дорожной части, имѣвшія мѣсто въ послѣдующіе годы и продолжавшіяся коннымъ по сплавленію свѣи земскихъ дорогъ съ полнымъ ихъ издѣлствомъ. Всѣ таковыя работы исполнены весьма хорошо и съ большою для страны пользою.

дѣятельность приходонъ. Ландтагъ и приходскія собранія неминуемо дѣлаются такимъ образомъ вполне между собою солидарными. Этой организаціи земскихъ собраній и слѣдуетъ преимущественно приписать ту замѣчательную стройность и единообразіе въ дѣйствіи сотни нисколько повидимому между собой не связанныхъ и вполне децентрализованныхъ приходскихъ учреждений.

Для полноты этого описанія земскаго устройства ливляндской губерніи необходимо присовокупить, что города не принимаютъ никакого участія въ общемъ земскомъ хозяйствѣ губерніи и не несутъ никакихъ земскихъ повинностей, каковая особенность объясняется историческимъ развитіемъ этихъ городовъ, а равно и тѣмъ, что значительная часть городовъ имѣетъ свои патримоніальные округа, въ которыхъ городскія управленія содержатъ дороги, мосты и т. п., то есть выполняютъ повинности, по существу своему считающіяся земскими. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ нѣкоторыя лишь статьи губернскаго земскаго бюджета, касающіяся общихъ всей губерніи нуждъ, какъ - то: содержаніе губернскаго статистическаго комитета, разѣздныя и квартиры судебныхъ слѣдователей и т. п., каковыя расходы относятся на общій счетъ городовъ и земства, причемъ распредѣленіе этихъ расходовъ между городами и земствомъ производится губернскимъ правленіемъ особо по каждой статьѣ расхода. Въ большей части случаевъ принято нормою расходы эти распредѣлять такимъ образомъ, что $\frac{1}{3}$ расходовъ уплачиваютъ города пропорціонально оцѣнкѣ городскихъ недвижимостей, а остальныя $\frac{2}{3}$ — земство.

Вышеизложенный краткій очеркъ формъ земскаго устройства, исторически создавшагося въ лифляндской губерніи, требуетъ еще дополненія характеристикой тѣхъ необходимыхъ для земскаго управленія элементовъ, которые нынѣ въ состояніи представить мѣстное населеніе.

По установившимся въ прибалтійскомъ краѣ началамъ, исключившимъ города отъ участія въ земскомъ управленіи, въ управленіи этомъ могутъ принимать участіе лишь владѣльцы культурной земли. Владѣльцами этими являются: съ одной стороны — мѣстное дворянство, которому принадлежатъ почти вся мызная земля и нѣкоторая часть крестьянской — право распоряженія которой ограничивается однако же существующими аграрными законами *), — съ другой — крестьянское сословіе, которому принадлежитъ большая часть земли повинностной.

Характеристическія черты лифляндскаго дворянства, какъ элемента для самоуправленія, достаточно извѣстны, чтобы стоило о нихъ распространяться. Не касаясь политическаго направленія этого класса населенія, справедливость требуетъ признать за лифляндскимъ дворянствомъ многія весьма хорошія качества, какъ-то: трудолюбіе, вѣономность, участливое отношеніе къ общественнымъ дѣламъ, рѣдкая привязанность къ своему краю, глубокое пониманіе его потребностей и вообще серьезное

*) По закону помѣщикъ не вѣдствуетъ ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какою предлогомъ, ни непосредственно, ни какимъ способомъ пользоваться крестьянскою землею иначе, какъ посредствомъ отдачи ее въ арендное содержаніе или продажи членамъ крестьянскихъ обществъ. Ст. 101 арест. полож. 1880 г.

отношеніе къ его интересамъ. До послѣдняго времени (1885 г.) земское управленіе стравой находилось всецѣло въ рукахъ дворянства, и достигнутые, — несмотря на нѣкоторыя крайне невыгодныя для дѣятельности мѣстныхъ земскихъ учрежденій условія, о которыхъ изложено будетъ ниже, — собственно въ экономическомъ отношеніи результаты служатъ достаточнымъ ручательствомъ въ умѣлости дворянства вести земское дѣло. Всѣ вышеупомянутыя качества дѣлаютъ это сословіе, при надлежащемъ контролѣ со стороны правительства, чрезвычайно полезнымъ матеріаломъ для земскаго управленія.

Гораздо менѣе извѣстенъ другой изъ этихъ элементовъ: сословіе ливонскихъ крестьянъ. По отношенію къ этому сословію въ русскомъ обществѣ существуютъ крайне неопредѣленныя и смутныя понятія, благодаря, во-первыхъ, перенесенію на крестьянъ прибалтійскаго края мнѣній, выработавшихся на основаніи наблюденій надъ жизнью крестьянъ губерній внутреннихъ, а главное вслѣдствіе большой страстности, которая постоянно вносила была въ обсужденіе крестьянскаго вопроса въ прибалтійскомъ краѣ. Вопросъ этотъ обсуждался въ русской печати преимущественно съ политической точки зрѣнія. Надлежащаго же изслѣдованія экономическаго положенія крестьянъ до настоящаго времени не было, если не считать изданныхъ въ періодъ времени съ 1881 до 1885 г. ливонскою ландратскою коллегіей: „матеріаловъ къ изученію аграрныхъ условій ливонской губерніи“.*)

*) Изданіе это, на основаніе котораго положены труды извѣстнаго статистика Юнга-Штизмнга, заслуживаетъ особеннаго вниманія по пол-

Огромное число безземельных крестьянъ въ прибалтійскомъ краѣ, каковое явленіе, устранимое можетъ быть при системѣ общиннаго землеуладѣнія, составляетъ неабѣжное и неотвратимое послѣдствіе установившагося въ прибалтійскомъ краѣ владѣнія подворнаго, — породило въ средѣ русской публики убѣжденіе въ томъ, что положеніе крестьянскаго сословія въ этихъ губерніяхъ, — самое жалкое. Прибалтійскіе крестьяне представлялись сословіемъ, находящимся въ сильнѣйшей экономической зависимости отъ помѣщиковъ и потому лишеннымъ всякой самостоятельности. При изображаемомъ такимъ образомъ угнетенномъ положеніи этого класса населенія, очевидно, нельзя было рассчитывать найти въ немъ сколько нибудь надежный элементъ для земскаго управленія страной, которое засимъ всецѣло предоставлено было бы одному дворянству, а посему и приобрѣло бы исключительно дворянскій, тѣсно сословный, несоотвѣтствующій видамъ правительства, характеръ. На сколько справедливо мнѣніе о приниженности и подавленности безземельнаго крестьянства въ прибалтійскихъ губерніяхъ, объ этомъ не можетъ быть рѣчи въ настоящемъ изслѣдованіи, посвященномъ земскому устройству страны, такъ какъ очевидно безземельные крестьяне никакого участія въ земскомъ управленіи принимать не могутъ. Но при рѣшеніи вопроса о возможности участія крестьянъ въ земскомъ управленіи прибалтійскихъ губерній дѣлается постоянно одна капитальная ошибка — именно не принимается въ соображеніе классъ крестьянъ-землеуладѣльцевъ, крестьянъ-

потъ помѣщиковъ въ немъ данныхъ. Къ сожалѣнію, изданіе это очень мало известно въ русской публикѣ.

хозяева (Wirth), ошибка весьма естественная, такъ какъ ничего подобнаго этому классу въ русскомъ крестьянствѣ не существуетъ. Между тѣмъ, въ Лифляндіи въ настоящее время считается слишкомъ 40,000 такихъ крестьянъ, которые собственно и составляютъ главную массу уѣзднаго населенія, образуя собой крестьянское земледѣльчье. О степени самостоятельности этого класса и о способности его къ земскому управленію можетъ дать понятіе слѣдующій краткій историческій очеркъ экономическаго развитія лифляндскаго крестьянства*).

Вся крестьянская земля лифляндской губерніи заключаетъ въ себѣ 1,414,466 **) десятинъ удобной земли, раздѣленной на 32,916 полноправныхъ крестьянскихъ усадебъ ***). Крестьяне освобождены были въ Лифляндіи отъ крѣпостной зависимости въ 1819 году, причемъ освобожденіе ихъ послѣдовало безъ земельнаго паѣла. Хотя правила, опредѣляющія порядки выкупа крестьянской земли, установлены были впервые крестьянскими положеніемъ 1849 г. и отчасти даже положеніемъ 1804 г., но въ дѣйствительности выкупъ земли этой въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ начался лишь съ шести-

*) Въ цѣлы, приведенныя ниже, относятся лишь къ материковой части губерніи. Островъ Эзель (аренбургскій уѣздъ) не ваятъ въ расчетъ, ибо статистическія данныя для этого уѣзда не обследованы. Въ сему необходимо присовокупить, что около половины эзельскихъ вотчинъ принадлежатъ казнѣ. Казенныя же крестьяне на основаніи закона 12 іюня 1886 года обязательно выкупили свои земли.

**) Изъ числа 3,155,311 десят., составляющихъ общую пащадъ удобной земли въ Лифляндіи.

***) Не включаются въ число крестьянскихъ усадебъ участки земли малоземельные — менѣе 10 талеровъ, которыхъ также считается нѣсколько тысячъ преимущественно на земляхъ казенныхъ помѣстій, а также на мытной землѣ въ жившихъ частныхъ.

десятихъ годовъ, такъ что до второй эпохи всѣ почти крестьяне губерніи были безземельные. Съ начала выкупной операціи прошло такимъ образомъ съ небольшимъ 30 лѣтъ. Между тѣмъ аграрная статистика показываеъ, что въ настоящее время помѣщичьими крестьянами выкуплено по волевой цѣнѣ 993,890 десятинъ крестьянской земли, заключающейся въ 19,865 усадьбахъ. Кроме того, на выноной землѣ выкуплено 2874 крестьянами 116,635 десятинъ, и наконецъ по закону 10 марта 1869 г., а болышею частью по закону 12 іюня 1886 года, (т. е. обязательно) 6489 крестьянъ-холодѣ казенныхъ имѣній выкупили 254,610 десятинъ. Въ результатѣ выходитъ, что за этотъ сравнительно небольшой промежутокъ времени крестьянами выкуплено 1,365,135 десятинъ на сумму 62,088,164 рублей*). Въ счетъ этой покупной суммы они уже выплатили 45,182,877 рублей**). Слѣдуетъ припомнить, что въ теченіи этихъ 30 лѣтъ крестьяне выплачивали сверхъ того значительные арендные платежи, не урегулированные никакимъ положеніемъ и въполнѣ зависящіе отъ усмотрѣнія помѣщиковъ. Они же несли болышую часть всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ земельныхъ повинностей, уплачивали весьма значительные въ финляндской губерніи волостные сборы, а также казенный подушный налогъ до его упраздненія. Трудно, конечно, опредѣлить точную цифру всѣхъ этихъ платежей,

*) Въ эту цифру не включена выкупная сумма, слѣдующая съ крестьянъ казенныхъ имѣній, ибо выкупъ земли въ этихъ имѣніяхъ этихъ производится посредствомъ ежегодныхъ взносовъ платежей (30% прибавки къ платимымъ крестьянами аренднымъ платежамъ).

**) Въ эту сумму также не включена сумма, уплаченная крестьянами казенныхъ имѣній.

такъ какъ значительная часть ихъ (напр. поземельная аренда и волостные сборы) мѣнялась изъ года въ годъ, но по самому умѣренному расчету все эти платежи составляли въ суммѣ около $4\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей въ годъ*). Если прибавить сюда натуральныя повинности, т. е. исправленіе слишкомъ десяти тысячъ верстъ искусственныхъ дорогъ, содержаніе 126 приходскихъ школъ и 108 пасторатовъ, реальныя повинности на содержаніе лютеранскаго духовенства, цѣнность которыхъ при переводѣ на деньги, составитъ также около ста тысячъ въ годъ**), то въ полномъ смыслѣ этого слова слѣдуетъ называть изумительнымъ, такимъ образомъ 334,799 ренизскихъ душъ материковой части лифляндской губерніи, исполнивъ въ 30 лѣтъ разныхъ повинностей на сумму свыше ста милліоновъ руб., могли накопить еще болѣе 45 милліоновъ на покупку земель. Да и эта цифра далеко не представляетъ количество всѣхъ сбереженій, которыми умѣлъ накопить этотъ трудолюбивый, экономный и харак-

*) Эта сумма въ $4\frac{1}{2}$ милліона получается слѣдующимъ образомъ:

а) казенный подушный налогъ, вычитъ отъѣмный	557,195 руб.
б) арендная плата за невыкупленную землю (цифры эти опредѣлены особыми разсѣдowanіемъ, произведеннымъ въ 1870, 1880 и 1881 г.)	1,492,802 "
в) волостныхъ сборовъ, около	800,000 "
г) земскія сборы выдѣтъ съ «урожайной повинностью», не включая сюда сборовъ приходскихъ	230,000 "
д) проценты за неуплаченную еще выкупную сумму по 5% годовыхъ приблизительно . . .	1,500,000 "

**) Особой комиссіей, учрежденной на повелѣніи Высочайшаго повелѣнія отъ 30 іюля 1882 года, вычислено, что постоянныя церковныя (реальныя) повинности, нынѣ существующія въ лифляндской губерніи, при перечисленіи на деньги составляютъ сумму въ 127,025 рублей въ годъ, изъ которыхъ 91,727 руб. падаетъ на крестьянское населеніе.

тепный классъ. Въ теченіе почти этого же періода времени крестьянское сословіе сумѣло сформировать богатые волостныя правленія. Къ настоящему времени имущество волостей ливондской губерніи составляетъ:

а) волостныхъ строеній различнаго рода, какъ-то: волостныхъ домовъ, школъ, магазиновъ, общественныхъ земель и пр. на сумму	4,800,000 руб.
б) волостныхъ капиталовъ . . .	3,279,340 "
в) хлѣба въ продовольственныхъ магазинахъ на сумму . . .	4,265,000 "
Итого	12,344,340 руб.

Если прибавить къ сему значительныя сбереженія, накопленныя крестьянами и положенныя наклады въ многочисленныя, существующія въ губерніи сберегательныя кассы, сумма годовыхъ вкладовъ по изслѣдованіямъ, произведеннымъ еще въ 1883 году, достигала 6 милліоновъ*), — то окажется, что, несмотря на чувствительное отягощеніе ихъ земли земскими и прочими повинностями, несмотря на высокую арендную плату за похѣщичью землю и прочія повидному неблагоприятныя условія, общее количество сбереженій сдѣланныхъ ливондскими крестьянами за 30 лѣтъ достигаетъ огромной суммы свыше 60 милліоновъ.

Цифры эти достаточно краснорѣчиво говорятъ о безпримѣрной силѣ, устойчивости и характерности

*) Сумма эта конечно опредѣлена приблизительно, ибо не всегда возможно произведенію кассы опредѣлить сословіе вкладчиковъ. Во всякомъ случаѣ она далеко ниже действительной, такъ какъ въ означенную сумму вошли тѣ только вклады, которые несомнѣнно принадлежатъ крестьянамъ.

лифляндскаго крестьянства, представляющаго такихъ обрѣзомъ всѣ ручательства къ тому, что въ земскомъ управленіи они могутъ играть весьма замѣтную роль. Кромѣ этихъ 29,228 хозяевъ-собственниковъ, лифляндская губернія можетъ выставить около двадцати тысячъ крестьянъ хозяевъ-арендаторовъ*), изъ которыхъ большая часть владѣетъ усадьбами на основаніи арендныхъ контрактовъ, заключенныхъ на продолжительные сроки (12 лѣтъ и даже 24 года). Огромное большинство этихъ арендаторовъ можетъ быть также отнесено къ классу людей вполне обезпеченныхъ и вполне самостоятельныхъ.

Отъ правительства зависитъ еще болѣе усилить самостоятельность крестьянскаго элемента. Согласно постановленію общаго собранія членовъ, лифляндское дворянское кредитное общество вошло въ министерство финансовъ съ ходатайствомъ объ измѣненіи своего устава въ томъ смыслѣ, чтобы обществу предоставлено было право выдавать крестьянамъ ссуды подъ залогъ выкупной пни земли изъ 4⁰/₀ роста, съ выдачей притомъ покупщику на руки накопившагося отъ залога крестьянскихъ земель въ этомъ обществѣ погасительнаго фонда, доля каковаго фонда, падающая собственно на крестьянскія земли, составляетъ свыше 7 милліоновъ рублей. Столь выгодныя условія выкупа земли едва ли когда либо предоставлялись были крестьянскому сословію. Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ только лифляндское кредитное общество получитъ надлежающее разрѣшеніе правительства

*) Изъ числа этихъ крестьянъ 5257 находятся арендаторами на крестьянской, остальные на мѣсной и животной землѣ.

на производство вышеупомянутыхъ ссудъ, операція выкупа крестьянскихъ земель въ губерніи сильно подвинется и по всей вѣроятности въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ окончена. Для той же цѣли, т. е. для усиленія экономической самостоятельности крестьянъ-хозяевъ казенныхъ имѣній вынѣ обязательно выкупили свою землю. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ крестьяне 11 имѣній Высочайше пожалованныхъ лифляндскому и эзельскому дворянству. Такъ какъ названные имѣнія въ сущности такія же казенныя имѣнія, какъ и прочія, съ тою лишь разницею, что пользованіе ими первою властью предоставлено лифляндскому и эзельскому дворянству для спеціальныхъ цѣлей, то казалось бы совершенно послѣдовательнымъ распространить обязательный выкупъ также на пожалованныя дворянству имѣнія, на условіяхъ особо для сей цѣли выработанныхъ. Наконецъ, совершенно правильнымъ казалось бы установить обязательный выкупъ крестьянской земли 73 пасторскихъ имѣній, снабженныхъ этою землею, а равно и нѣхъ городскихъ имѣній. Въ результатъ такихъ правительственныхъ распоряженій, къ осуществленію которыхъ никакихъ препятствій не видится, ибо они истекаютъ изъ общаго историческаго хода аграрнаго законодательства, было бы образованіе сильнаго сословія въ 40 саянкомъ тысячъ крестьянъ-собственниковъ, сословія совершенно самостоятельнаго, отъ какихъ бы то ни было экономическихъ давленій имѣло бы независимое, которое вълѣдствіе природныхъ своихъ качествъ въ

высшей степени способно къ завѣдыванію отдѣльными отраслями земскаго хозяйства, ручательствомъ чѣму служить какъ образцовое веденіе собственнаго хозяйства, такъ и испытанное ея участіе въ существующихъ земскихъ учрежденіяхъ: церковныхъ и приходскихъ конвентахъ.

Вышеприведенный очеркъ можетъ дать достаточно данныхъ, чтобы судить, возможно ли перенести понятія, очерпнутыя изъ наблюденія надъ жизнью крестьянъ внутреннихъ губерній, на крестьянъ ливонскихъ. Насколько различны были судьбы этихъ двухъ группъ населенія Имперіи, на столько же различны и получившіеся результаты. Ливонскій крестьянинъ несколько не похожъ на русскаго крестьянина. Устаринное, вѣковое, исторически развивавшееся аграрное законодательство постоянными, продолжительными своими воздѣйствіями, положило рѣзкія черты на его фیزیономію. Основанная на законодательствѣ о томъ недѣлимость крестьянскихъ усадебъ способствовала увеличенію ихъ размѣра*), что въ свою очередь дало крестьянамъ-хозяевамъ столь высокую степень благосостоянія, о которой не можетъ и думать крестьянинъ внутренней губерніи. Пройди суровую школу бароновъ-помѣщиковъ, собственнымъ безъ всякой посторонней помощи тяжелымъ трудомъ и продолжительными лишеніями пріобрѣтшій свой земельный надѣлъ, принужденный выдерживать постоянную конкуренцію болѣе совершенной хозяйственной системы

*) Средній размѣръ крестьянской усадьбы въ Ливоніи составляетъ около 10 десятинъ.

крупныхъ землевладѣльцевъ, литовскій крестьянинъ привыкъ сосредоточивать все свои силы на матеріальныхъ интересахъ. Отсутствие общиннаго землевладѣнія, никогда не имѣннаго примѣненія въ прибалтійскомъ край, воспитало въ крестьянинѣ убѣжденіе, что ни на кого онъ надѣяться не долженъ, кромѣ самого себя, способствуя такимъ образомъ, съ одной стороны, развитію въ немъ индивидуальности и эгоистическихъ наклонностей, съ другой — возвысивъ его самостоятельность. Уровень его образованія, ограничивающійся волостной, рѣдко приходской школой (литовскій крестьянинъ обыкновенно читать умѣетъ, но писать по большей части, за недостаткомъ практики, разучивается), весьма невысокъ. Этотъ невысокій уровень образованія тѣмъ не менѣе вполне законченъ и потому не позволяетъ ему сосредоточиваться на чемъ либо иномъ, кромѣ своей паши и своего крестьянскаго двора. Литовскіе крестьяне-землевладѣльцы суть именно тѣ трудолюбивые, алчные до наживы, экономные, неспособные къ отвлеченнымъ стремленіямъ, а исключительно сосредоточивающіеся на матеріальныхъ интересахъ люди, кругозоръ которыхъ не простирается далѣе предѣловъ своего прихода, — тотъ, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, консервативный элементъ, участіе котораго наиболѣе важно для матеріальнаго устройства страны. Никто лучше, непосредственнѣе (безъ всякихъ изворотливостей) не пойметъ потребности своего угла; никто лучше крестьянина не ищетъ средствъ, какъ удобнѣе, проще и дешевле удовлетворить этой потребности; а главное, ни чей личный интересъ такъ сильно, видимо и понятно не связанъ съ интере-

самыя благосостоянія прихода, какъ интересъ крестьянина. Само собою разумѣется, что для предоставленія крестьянскому элементу наиболѣе активнаго участія въ земскихъ учрежденіяхъ необходимымъ условіемъ является сосредоточеніе земскаго хозяйства въ мелкихъ земскихъ единицахъ; каковыми въ ливондской губерніи являются существующіе въ теченія столѣтій, исторически образовавшіеся приходы.

Глава II.

Критическое исследование достоинствъ и недостатковъ существующаго земскаго устройства Лифляндіи. Достоинства существующей системы. Связь между приходскими и губернскими земскими учрежденіями. Зависимость земства отъ мѣстной правительственной власти. Отсутствие сословнаго начала въ организаціи земскаго управленія. Ограниченность примѣненія выборовъ въ организаціи всенародныхъ учреждений. Бесплатная служба органовъ земскаго управленія. Удачный выборъ земской единицы.

Критически относясь къ изложенной въ предыдущей главѣ организаціи земскаго устройства лифляндской губерніи, слѣдуетъ признать, что въ этой весьма оригинальной и въ то же время крайне простой организаціи есть свои очень хорошіе стороны, причемъ, однако, немало и сторонъ дурныхъ.

Исходи изъ точки зрѣнія, изложенной въ началѣ этого исследования, а именно: что органическій законъ долженъ воздерживаться отъ импровизацій, что нельзя мѣнять складъ земской жизни, установившійся въ теченіе нѣкоихъ, — задача перестроиванія земскаго устройства лифляндской губерніи должна заключаться въ отстраненіи изъ существующей системы земскаго управленія всего того, что дурно, съ сохраненіемъ, по возможности, ея хорошихъ сторонъ. Новый законъ призывается не ломать существующее земское устройство, а лишь внести въ него порядокъ, котораго тамъ нынѣ не существуетъ, и отстранить тѣ уклоны отъ государственныхъ, правовыхъ и

экономическихъ принциповъ, которыя въ теченіе долгаго времени, когда прибалтійскій край былъ, такъ сказать, безъ призора правительства, постепенно приняли въ нѣмъ дѣйствующую систему управленія.

Это соображеніе обуславливаетъ необходимость выяснить ближайшимъ образомъ все какъ хорошія, такъ и дурныя стороны существующей земской организаціи.

Хорошими ея сторонами слѣдуетъ признать:

I.

Искусное установленіе надлежащей связи между приходскими и высшимъ губернскимъ, а земскими учрежденіями, налоговая связь, обезпечиваетъ: единство и стройность въ управленіи земскимъ дѣломъ. Достигается эта связь, какъ подробно изложено на страницѣ 31, тѣмъ, что все представители мызной земли, состоя одновременно членами и приходскихъ и губернскаго (ландтагъ) земскихъ собраній, вносятъ въ нихъ одни и тѣ же взгляды, одинъ и тѣ же цѣли и стремленія. Въ столь же значительной степени эта связь обезпечивается однородностью личнаго состава земскаго представительства. Огромное большинство въ этомъ представительствѣ состоитъ изъ ливляндскихъ дворянъ. Принадлежа къ одной и той же корпораціи, воспитанные въ однихъ и тѣхъ же традиціяхъ, даже въ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, они естественно одинаково смотрятъ на земское дѣло.

II.

Подчиненіе дѣятельности земскихъ учреждений сильнѣйшему контролю губернскаго начальства, откуда истекаетъ полная зависимость земства отъ известной

правительственной власти. Какъ сказано въ предыдущей главѣ, губернское правленіе разсматриваетъ каждое постановленіе какъ ландтага, такъ и приходскихъ собраний, каждую ихъ раскладку, и ни одно распоряженіе по земской части не можетъ быть приведено въ дѣйствіе безъ согласія и утвержденія губернатора, которому, при отсутствіи закона, опредѣляющаго должнымъ образомъ его отношенія къ земству, равно какъ и кругъ дѣятельности и предѣлы компетенціи земскихъ учреждений, въ дѣйствительности предоставлено discretionaryное право утверждать или не утверждать это распоряженіе.

Столь сильное подчиненіе ландтагскихъ земскихъ учреждений власти губернатора по первому взгляду покажется весьма страннымъ въ виду установившагося въ русскомъ обществѣ неправильнаго убѣжденія въ совершенной независимости земства прибалтійскихъ губерній отъ власти губернскаго начальства и полной свободы, закономъ якобы предоставленной мѣстнымъ земскимъ, преимущественно дворянскимъ учреждениямъ въ устройствѣ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Таковое убѣжденіе произошло отъ незнакомства трактовавшихъ по этому предмету съ мѣстнымъ земскимъ правомъ, которое, какъ это видно изъ вышеизложеннаго, подчиняетъ земство прибалтійскихъ губерній губернскому начальству въ такой сильной степени, въ которой, конечно, губернатору не подчинено ни одно земство гдѣ бы то ни было. Законъ ставящій дѣйствительность постановленій ландтага въ зависимость отъ согласія губернатора — не новый. Онъ фигурируетъ еще въ первомъ положеніи о ландтагахъ 1647 г. Шведское правительство ясно понимало необходимость

сильнѣйшаго контроля черезъ правительственныхъ органовъ дѣятельности земства, состоящаго изъ иноплеменныхъ элементовъ; посему во время шведскаго владычества не только никогда не была ослаблена сила этого закона, но объ исполненіи его постоянно напоминалось генералъ-губернаторамъ^{*)}. Съ покореніемъ Лифляндіи Россіей законъ этотъ также никогда отменяемъ не былъ, и если на практикѣ лифляндскія земскія учрежденія въ прежнее время высвобождались изъ-подъ вліянія правительства, то причину этого надо искать никакъ не въ законѣ и не лифляндскомъ въ земскомъ правѣ, а въ совершенно постороннихъ условіяхъ. Таковыхъ условій было не мало. Главными изъ нихъ слѣдуетъ считать прежде всего незваніе правителями мѣстнаго земскаго права, познакомиться съ которыми дѣйствительно трудно, ибо право это не только никогда кодифицировано, но даже приведено въ систему не было, и изучить его возможно лишь полутно съ изученіемъ исторіи Лифляндіи и развитія ея земскихъ учреждений.

Другой причиной слѣдуетъ считать издавна, съ Петра Великаго, усвоенную русскимъ правительствомъ систему невмѣшательства во внутреннія дѣла прибалтійскаго края, съ предоставленіемъ управленія его внутренней жизнью исключительно мѣстныхъ элементамъ. Послушные этой программѣ, представители мѣстной власти дѣйствительно удерживались отъ какого либо вмѣшательства, и брошенная генералъ-губернаторами и губернаторами власть подобрана была ландраатской коллегіей, причемъ есте-

^{*)} См. королевскую резолюцію Карла XI отъ 20 дек. 1694 г.

ственно настоящимъ хозяиномъ губерніи стать, вопреки закону, не губернаторъ, а очередной ландратъ.

Наконецъ, третьей причиною этого противузаконнаго явленія была организація губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учреждений, ставившая губернатора въ совершенно безпомощное состояніе, такъ какъ въ губерніи у него не было ни одного не только исполнительнаго, но даже наблюдательнаго органа. Для веденія земскаго дѣла въ странѣ, гдѣ такъ сильно бьется пульсъ земской жизни, гдѣ надо просматривать по существу постановленія 242 церковныхъ и приходскихъ конвентовъ, гдѣ окладныя книги составляютъ 27 толстыхъ фолиантовъ, гдѣ оцѣночныя карты дорогъ составляютъ нѣсколько сотъ сажень листовъ, — нужно не мало средствъ. Между тѣмъ ливондскій губернаторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь губернское правленіе такой же силы, какъ и губернскаго правленія внутреннихъ губерній, а канцелярію по составу даже меньшую, нежели канцелярія самой покойной, напр. исковской губерніи. Естественно, что управленіе земскимъ дѣломъ перешло къ очередному ландрату, который, имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя суммы, собираемыя при помощи такъ называемыхъ дворянскихъ вкладовъ, въ состояніи былъ справиться съ такими сложными работами. Къ тому же всѣ безъ исключенія полицейскія и по крестьянскимъ дѣламъ должности въ уѣздахъ замѣщались по выбору отъ дворянства, платившаго имъ и значительную долю содержанія. При столь сильной зависимости отъ дворянства и вѣстныхъ чиновниковъ, какое бы распоряженіе ни дѣлалъ губернаторъ, — если оно противорѣчило

взгляду ландратской коллегіи, привыкшей въ теченіи долговременнаго періода системы невмѣтельности смотрѣть на свою незаконную власть какъ на присвоенное ей и освященное обычаемъ право, — распоряженіе это вовсе не исполнялось, о чемъ губернаторъ, не имѣя своихъ органовъ въ уѣздѣ, даже и не зналъ. Впрочемъ еслибы губернаторъ и замѣтилъ по какой-нибудь случайности эту неисполнительность *de jure*, но не *de facto* подчиненныхъ ему исполнительныхъ чиновниковъ, то онъ ничего не могъ сдѣлать. Уволить такого чиновника было крайне затруднительно, а въ большей части случаевъ и невозможно. Да еслибы наконецъ этотъ чиновникъ и былъ уволенъ, то на мѣсто его выбирался дворянствомъ другой, который столь же сильно зависѣлъ отъ дворянства и въ матеріальномъ, и въ служебномъ отношеніяхъ. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ законъ, предоставлявшій губернатору столь большую власть по отношенію къ земскимъ дѣламъ, оставался мертвою буквою. Въ настоящее время положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. По державной волѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III прежняя политическая относительно прибалтійскаго края программа оставлена. Способъ и порядки управленія прибалтійскими губерніями въ значительной мѣрѣ подведены подъ общіе порядки управленія внутренними губерніями. Съ преобразованиемъ въ 1888 и 1889 году полицейскихъ и крестьянскихъ учреждений, губернскае начальство получило въ свое распоряженіе достаточное число какъ наблюдательныхъ, такъ и исполнительныхъ органовъ, исполнѣ ему подчиненныхъ. И еслибы нынѣ, при такихъ условіяхъ, земство высвобо-

дилось из-под влияния губернской правительственной
власти, то явление это свидетельствовало бы лишь о
бездѣйствіи власти или слабости губернатора.

111.

Отсутствіе сословнаго начала въ организаціи земскихъ учреждений. Таковое утѣреніе такъ же, какъ и предыдущее, покажется страннымъ по сопоставленію его съ господствующимъ убѣжденіемъ, что въ области земскихъ дѣлъ прибалтійскихъ губерній дворянскому сословію закономъ предоставлено полное верховенство сравнительно съ прочими сословіями. При ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, это послѣднее мнѣніе окажется далеко не вполне правильнымъ. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, въ приходахъ, гдѣ главнѣйшимъ образомъ сосредоточивается земское хозяйство, законъ поставилъ условіемъ равенство голосовъ представителей мѣстной и крестьянской земли, такъ что тамъ о рѣшительномъ преобладаніи дворянства, при той весьма значительной самостоятельности крестьянскаго элемента, о которой упомянуто въ предыдущей главѣ, не можетъ быть и рѣчи. Но и въ губернскихъ, такъ называемыхъ дворянскихъ учрежденіяхъ если и замѣчается преобладаніе дворянскаго сословія, то явленіе это случайное, образовавшееся вслѣдствіе побочныхъ причинъ. Преобладаніе это не лежитъ, такъ сказать, въ корнѣ, въ основаніи земскаго устройства. Напротивъ, пропущенное искусственнымъ путемъ, оно противно основнымъ началамъ земскаго и аграрнаго устройства Лифляндіи. Лифляндское земское право и основанное на немъ зем-

ское устройство сосѣмъ не признаеть сословій. Оно знаетъ лишь землю. Земля, а не люди, пользуется представительствомъ въ лифляндскомъ земствѣ. Землѣ, а не людямъ, лифляндское земское право предоставляетъ или другія права. — Земля же въ лифляндской губерніи, для предоставленія ей земскаго представительства, можетъ быть сформирована лишь въ двухъ типахъ хозяйственныхъ единицъ: дворянской вотчины (Rittergut) и крестьянской усадьбы (Bauerbesitz). Разъ какъ земли не подходятъ ни къ тому, ни къ другому типу, разъ что она не совмѣщаетъ въ себѣ условій, требуемыхъ законами отъ дворянскихъ вотчинъ и крестьянскихъ усадебъ, никакимъ представительствомъ она въ земскихъ учрежденіяхъ пользоваться не можетъ, каково бы ни было положеніе и сословіе ея владѣльца.

Познакомивъ съ духомъ лифляндскаго аграрнаго законодательства и подробностями внутренняго устройства страны очень часто, будучи не въ состояніи отрѣшиться отъ терминологіи и понятій, господствующихъ во внутреннихъ губерніяхъ, придаютъ терминамъ „дворянская и крестьянская земля“ (Hofland und Bauerland) то же самое значеніе, которое имѣютъ термины: помѣщичья и крестьянская земля во внутреннихъ губерніяхъ. Въ этомъ смѣшеніи понятій кроется много недоразумѣній, вносящихъ величайшую путаницу въ толки о земскихъ учрежденіяхъ лифляндской губерніи. Не распространясь о специфическихъ свойствахъ помѣщичьей и крестьянской земли во внутреннихъ губерніяхъ (общинное пользованіе крестьянской земли и т. п.), совершенно чуждыхъ губерніямъ прибалтійскимъ, въ данномъ случаѣ слѣдуетъ

установить характеристическія черты, отличающія мызную и крестьянскую землю въ лифляндской губерніи.

Что такое лифляндская мызная земля или лучше сказать дворянская вотчина (Rittergut)? Это вовсе не есть участокъ земли, долженствующій вѣрному принадлежать дворянину, какъ многіе думаютъ. Нѣтъ, это есть такая земля, которая можетъ принадлежать дворянину, крестьянину, мѣщанину — безразлично, но которая по закону (ст. VI и VII крест. полож. 1860 г.) не можетъ быть сформирована въ хозяйственныя единицы меньшія 900 дошителей (300 десятинъ), не считая водъ, болотъ и иныхъ неудобныхъ земель, и изъ коихъ по крайней мѣрѣ 300 дошителей должны быть подъ пашней; причемъ при каждой вотчинѣ должно находиться соответствующее количество крестьянской земли. Ни одна изъ существующихъ дворянскихъ вотчинъ, гласитъ законъ, не можетъ быть раздроблена посредствомъ продажи или раздѣла дѣльскаго размѣра указаннаго выше, а потому всякій актъ, вносящійся въ отдѣленію какой либо доли отъ дворянской вотчины, уже достигшей по пространству своему указаннаго наименьшаго размѣра, признается недействительнымъ*). Сколько бы вы купили себѣ земли въ Лифляндіи то или другое лицо, земля эта не даетъ этому лицу представительства въ мѣстныхъ земскихъ учрежденіяхъ, пока она не будетъ зачислена установленнымъ порядкомъ въ дворянскія вотчины.

Если поставить такимъ же образомъ вопросъ: что такое лифляндская крестьянская земля? то мы увидимъ,

*) Ст. VIII крест. полож. 1860 года.

что и крестьянская земля прибалтійскихъ губерній вовсе не то, что крестьянская земля губерній внутреннихъ. Между тѣмъ какъ въ послѣднихъ отличительная черта крестьянской земли заключается въ принадлежности ея непременно крестьянскому сословію и состояніи ея въ составѣ общиннаго владѣнія, свойства крестьянской земли въ прибалтійскихъ губерніяхъ опредѣляются ст. 221 крест. полож. 1860 г., на основаніи которой земля эта, такъ же какъ и земля мызава, безразлично, можетъ принадлежать лицу какова бы то ни было сословія, причемъ однако участокъ земли этой, одному лицу на правахъ полной и неограниченной собственности въ предѣлахъ одной и той же волости принадлежащій, не долженъ превышать одного гака. Размѣръ этотъ долженъ быть восстановленъ даже и въ томъ случаѣ, когда собственнику крестьянскаго участка достанется по наслѣдству въ той же самой волости другое недвижимое имущество и вслѣдствіе того принадлежащая ему поземельная собственность преизойдетъ въ сложности указанную мѣру. Въ такомъ случаѣ собственникъ обязанъ продать въ теченіи двухъ лѣтъ излишекъ, образовавшійся противъ установленнаго крайняго высшаго размѣра. Съ другой стороны, на основаніи 114 ст. того же положенія, крестьянская земля ни въ какомъ случаѣ, ни для отдачи въ аренду, ни для продажи не можетъ быть раздробляема на участки менѣе $\frac{1}{8}$ доли гака. Засимъ, лѣтъ закона, возбраняющаго лицу какова бы то ни было сословія (также и дворянамъ) приобретать въ свою собственность крестьянскую землю. При этомъ однако покупщикъ, кто бы онъ ни былъ, обязанъ вступить въ волостной союзъ и

подчиняться по владѣнію землею условіямъ, изложеннымъ выше, подобно тому какъ и крестьянинъ имѣетъ право купить дворянскую вотчину, которая съ переходомъ въ собственность крестьянина пользуется тѣми же правами и несетъ тѣ же обязанности, какъ еслибы она принадлежала дворянину.

Изъ всего вышеизложеннаго не трудно видѣть коренную разницу въ аграрномъ и земскомъ устройствѣ прибалтійскихъ и внутреннихъ губерній. Во внутреннихъ губерніяхъ сословныя права владѣльца опредѣляютъ характеръ и права земли, ему принадлежащей, а равно и право владѣльца на земское представительство. Въ прибалтійскихъ, на оборотъ, права землевладѣльца на это представительство опредѣляются характеромъ и правами земли ему принадлежащей. Сословными правами, если такъ можно выразиться, по отношенію къ земскому представительству пользуется такимъ образомъ въ Лифляндіи не землевладѣлецъ, а сама земля. Дворянинъ, купившій крестьянскую усадьбу, тѣмъ самымъ становится членомъ крестьянскаго общества. Крестьянинъ, купившій дворянскую вотчину, тѣмъ самымъ получаетъ право голоса на ландтагъ, считающемся дворянскимъ собраніемъ. Такимъ образомъ, мышая земля въ лифляндской губерніи есть какъ бы воплощеніе принципа крупнаго землевладѣнія, а крестьянская земля представляется воплощеніемъ принципа мелкаго землевладѣнія. Но дворянскаго и крестьянскаго землевладѣнія въ значеніи внутреннихъ губерній въ прибалтійскомъ краѣ нѣтъ и по духу мѣстнаго аграрнаго законодательства и земскаго права быть не можетъ. Если же на практикѣ замѣчается,

что крупное землевладѣніе перешло въ дворянскія руки и стало дворянскимъ землевладѣніемъ, а мелкое — крестьянскимъ, то явление это слѣдуетъ объяснить частью исторіей страны, а частью причинами политическими и во всякомъ случаѣ стоящими внѣ земскаго устройства. Пока Лифляндія принадлежала Швеціи, о захватѣ мѣстнымъ дворянствомъ землевладѣній не могло быть и рѣчи. Несмотря на постоянныя и усиленныя домогательства лифляндскаго дворянства передъ шведскимъ правительствомъ о пріобрѣтеніи собою привилегіи исключительнаго владѣнія землями въ Лифляндіи, домогательства эти постоянно были отклоняемы, и во времена шведскаго правительсва не только ишмъ шведскимъ подданнымъ безразлично, но и рижскимъ бюргерамъ предоставлено было право безпрепятственно покупать ишмъ въ Лифляндіи *). Стѣсненіе дворянства въ его правахъ и притязаніяхъ на землевладѣніе, систематически проводимое шведскимъ правительствомъ за все время его управленія Лифляндіей, имѣло началомъ не политическія, а чисто соціальныя соображенія. Свидѣтельствомъ этому служить то обстоятельство, что всѣ эти мѣры прилагались не въ одному только лифляндскому, но едва ли не въ большей степени и въ дворянству шведскому. Еще задолго до покоренія шведами Лифляндіи три, кромя дворянскаго, сословія Швеціи: духовенство, городскіе обыватели и крестьянство, успѣли пріобрѣсти значительное

*) Графъ Густавъ Адольфъ городу Ригѣ 25 сентября 1621 г. п. 26; королевская резолюція датіа г. Ригѣ 31 октября 1662 г. п. 4—6. Другія резолюціи того же года в числѣ на просительные пункты дворянства п. 18.

вліяніе на правительство, сообщивъ его внутренней политикѣ демократическое направленіе. Подъ вліяніемъ этихъ идей въ Швеціи еще въ 1604 году*) начались со стороны шведскаго правительства стѣсненія дворянскаго на шведской территоріи землевладѣнія. Только въ концѣ XVII столѣтія это демократическое направленіе перевесено было**) и на покоренныя Швеціей страны, и между прочимъ на Ливляндію, гдѣ съ 1681 года приняты были самыя рѣшительныя и крайнія въ этомъ направленіи мѣры, выразившіяся въ такъ называемой редукаціи, въ силу которой $\frac{5}{6}$ всѣхъ дворянскихъ имѣній должны были перейти въ казну, такъ какъ дворянство владѣло этими имѣніями не по вотчинному, а по ленному праву.

Система эта рѣзко перемѣнилась съ переходомъ Ливляндіи подъ владычество Россіи, которой демократическія доктрины въ то время были совершенно чужды. Еще Петромъ Великимъ были сдѣланы некоторыя весьма значительныя уступки по вышеозначеннымъ домогательствамъ дворянства***). Съ каждымъ новымъ царствованіемъ уступки эти становились все болѣе и болѣе значительными. Въ особенности же большія привилегіи получило прибалтійское дворянство въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, не задолго до изданія пераго свода имѣстныхъ узаконеній для губерній остатейскихъ и одновременно съ окончательнымъ сформированіемъ кор-

*) Постановленія рурхенбергскаго сейма 1604 г. п. 14.

**) Постановленія стокгольмскаго сейма 1681 года.

***) Резолюція Императора Петра I, 1 января 1712 г. (Изд. собр. зак. № 2496 изд. 9 и 10).

порядинаго устройства кореннаго (матрикулованнаго) дворянства*). Такъ, появился законъ, на основаніи котораго дворянскія вотчины не могли быть приобретаемы лицами, не принадлежащими къ дворянскому сословію (ст. 1493, II ч. св. мѣстн. уз. губ. ост.). Мало того, на основаніи 876 ст. той же части даже потомственные дворяне, если они не записаны въ матрикулу, ограничались въ правахъ собственности дворянскими вотчинами, потому что матрикулованнымъ дворянамъ предоставлялось право выкупать всякое поступившее къ незаписанному въ мѣстную матрикулу дворянину имѣніе въ теченіи одного года, шести мѣсяцевъ и трехъ дней, считая со дня судебного объявленія о продажѣ оного. Законъ этотъ отмѣненъ лишь въ 1866 году**), менѣ тридцати лѣтъ тому назадъ, причемъ нельзя не указать на тотъ весьма замѣчательный фактъ, что отмѣна этого закона послѣдовала послѣдствіе ходатайства лифляндскаго дворянства по постановленію ландтага 1866 года. Мудрено ли, что, при существованіи законовъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, лифляндское крупное землевладѣніе стало дворянскимъ землевладѣніемъ, и стоитъ ли послѣ этого примѣра приводить еще множество другихъ примѣровъ такихъ дѣйствій правительства, которые клонились къ отождествленію крупнаго землевладѣнія съ землевладѣніемъ дворянскимъ.

*) Наибольшія привилегіи по землевладѣнію оставились дворянству по основаніи Высочайше утвержденного 1841 года июля 20 доклада II отдѣленія Собетственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

**) См. Высочайшія повелѣнія 18 февраля 1866 г. (43031), 5 ноября 1866 г. (43817) и 30 мая 1869 г. (47152).

IV.

Слѣдующимъ, весьма важнымъ преимуществомъ лифляндскаго земскаго устройства надлежитъ признать крайне ограниченное примѣненіе выборнаго начала въ организаціи земскихъ учрежденій. Члены главныхъ распорядительныхъ земскихъ собраній, а именно: приходскихъ конвентовъ и ландтаговъ участвуютъ въ нихъ не по выбору, а по своему личному праву. Въ приходскихъ конвентахъ членами состоятъ все владѣльцы дворянскихъ вотчинъ и все волостные старшины. Въ ландтагѣ — все владѣльцы дворянскихъ вотчинъ. Таковой организація нельзя не приписать рѣшающаго значенія, и къ ней въ значительной степени слѣдуетъ отнести весьма удовлетворительное состояніе земскаго хозяйства въ лифляндской губерніи.

Нерѣдко случается встрѣчаться съ мнѣніемъ, будто самоуправленіе и управленіе черезъ выборныхъ и уполномоченныхъ въ сущности одно и то же; но это едва ли справедливо. Самоуправленіе и управленіе черезъ выборныхъ суть вещи весьма различныя и иногда даже трудно совмѣстимыя. Весьма часто одно исключаетъ другое. Гдѣ общія дѣла попорены выборнымъ, тамъ далеко не всегда можно найти хозяйскаго отношенія къ общему дѣлу, и слѣдовательно трудно достигнуть и хорошаго самоуправленія. Съ выборами на муниципальныя должности, а въ особенности на должности оплачиваемыя, всегда почти соединены искательства и интриги, на которыхъ обыкновенно основывается пріобрѣтеніе общей благосклонности — такъ называемой популярности. Но чѣмъ достойнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе одиренъ онъ

свойствами искательства. Трудно ожидать какого либо прова отъ учрежденія, которое допустить слишкомъ широкое, не вызываемое предѣлами крайней необходимости, развитіе выборнаго начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и столь же широкое развитіе сопутствующаго ему искательства. Не только само учрежденіе подергается тогда коренной и существенной порчѣ, — оно и вокругъ себя распространяетъ заразу. Вообще сомнительно, можно ли называть самоуправленіемъ такую систему, гдѣ органами его служатъ люди не въ силу своего хозяйскаго права, какъ въ Лифляндіи, а въ качествѣ делегатовъ и уполномоченныхъ. Исключеніи изъ этого правила можно ожидать развѣ лишь въ средѣ особенно развитой, въ которой воспитаніемъ и культурой въ сильной степени развиты чувства патриотизма и преданности общему дѣлу.

Въ силу этихъ соображеній ограниченность выборовъ въ лифляндскомъ земскомъ устройствѣ слѣдуетъ признать большимъ для страны благодѣяніемъ и огромнымъ преимуществомъ, которое при будущемъ переустройствѣ земской части желательнo по возможности сохранить. Конечно, при обширности губернной системы эту невозможно провести во всей чистотѣ. Часть должностей, въ особенности исполнительныхъ, неминуемо придется замѣщать посредствомъ выборовъ. И нынѣ въ Лифляндіи есть таковыя выборныя должности. Достаточно, если при проведеніи земской реформы участіе въ общемъ управленіи земскими дѣлами по личному праву будетъ принято за правило, а управленіе черезъ выборныхъ — какъ исключеніе, подобно тому какъ это имѣетъ нынѣ мѣсто въ Лифляндіи.

V.

Вышеизложенное преимущество лифляндской земской организаціи еще усиливается другимъ непосредственно изъ пераго вытекающимъ, а именно существованіемъ правила, въ силу котораго большинство земскихъ органовъ никакого содержанія не получаютъ, а служатъ земству даромъ. Не говоря уже о членахъ комитетовъ и ландтага, содержанія не получаютъ ни приходскіе, ни церковные попечители, ни члены главныхъ церковныхъ попечительствъ, ни ландраты, ни уѣздные депутаты, на которыхъ очередной ландратъ возлагаетъ иногда весьма сложныя порученія по земскому дѣлу. Такимъ образомъ земская организація въ Лифляндіи не стоитъ земской кассѣ ни копѣйки. Лишь губернское земское управленіе, а именно: очередной ландратъ и его обширная канцелярія, въ которой ведутся поземельныя книги, оладные листы, дорожныя карты съ оцѣнкой всѣхъ дорогъ и т. д., т. е. вся въ высшей степени сложная земская статистика, а равно и управленіе почтовыми станціями, содержатся на деньги, причемъ однако содержаніе ландрата и его канцелярія относится не на земскій, а на дворянскій счетъ. Эта сторона лифляндскаго земскаго устройства составляетъ весьма важное достоинство существующей земской организаціи. Только при существованіи системы бесплатной службы въ земскихъ учрежденіяхъ возможно экономное веденіе хозяйства. Въ Лифляндіи къ земскому дѣлу, въ особенности въ приходскихъ учрежденіяхъ, привлекаются сотни дѣятелей изъ числа лицъ, живущихъ на мѣстѣ, личный интересъ которыхъ непосредственно и тѣснѣй-

шимъ образомъ связанъ съ благосостояніемъ земской единицы. Самое дѣло организовано при этомъ такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ, живя въ своемъ имѣніи, занимаясь собственнымъ хозяйствомъ, не нарушая слѣдовательно своихъ личныхъ интересовъ, всегда имѣетъ возможность употребить на земскую службу нѣсколько часовъ въ недѣлю. При большомъ числѣ лицъ, привлеченныхъ къ земской дѣятельности, при сильномъ общеніи ихъ между собою, поддерживаемомъ конвентами, въ суммѣ составляется огромная масса въ высшей степени плодотворнаго труда, который земству ничего не стоитъ. Въ Лифляндіи, совершенно правильно, жалованіе получаютъ такіе только участвующіе въ общественномъ управленіи лица, которыя по причинѣ сложности и множества занятій по этому управленію совершенно лишены возможности заниматься собственными своими дѣлами. Система эта, при которой усиліяхъ земской дѣятельности основаны на числѣ дѣятелей, которыхъ можетъ выставить само земство (при высокомъ уровнѣ образованія лифляндскихъ землевладѣльцевъ число это весьма велико), — на настоящее число не можетъ расчитывать привѣтствіе, платящее жалованіе каждому служащему, — и есть система наиболѣе подходящая и одна ли не единственно возможная для правильного веденія земскаго дѣла. При существующихъ экономическихъ условіяхъ нашихъ земствъ, расходы необходимыя для содержанія наемной земской администраціи слишкомъ обременительны для ихъ бюджетовъ. Основанное на дѣятельности выборно-платныхъ чиновниковъ управленіе земскимъ хозяйствомъ никогда не будетъ настоящимъ земскимъ управленіемъ. Лучшее

вовсе не устраивать земства, нежели устраивать земство съ такимъ бюрократическимъ характеромъ. Разъ что успѣхъ дѣла обеспечивается не непосредственною связью между интересами исполнительныхъ органовъ и интересами самаго земства, а размѣромъ содержанія, получаемого этими органами, нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы чиновники содержимые земствомъ вели дѣло лучше, нежели чиновники содержимые правительствомъ, только потому, что первые получаютъ содержаніе изъ земскаго сундука, а послѣдніе — изъ казеннаго. Очевидно, что яснымъ вся разность между этими двумя родами исполнителей будетъ лишь въ способѣ ихъ назначенія. Въ предыдущемъ параграфѣ указано, какія вредныя послѣдствія неизбѣжно поведетъ за собой широкое развитіе выборнаго начала, въ особенности при существованіи оплачиваемыхъ должностей, и если при такихъ условіяхъ поставить вопросъ, — какіе чиновники представляютъ больше гарантій въ своей благонадежности, выборные или назначаемые отъ правительства, — то едва ли не слѣдуетъ признать, что при сильномъ, самостоятельномъ, независимомъ отъ политическихъ партій правительствѣ въ большей части случаевъ преимущественно въ этомъ отношеніи останутся за правительственными чиновниками, какъ зависящими отъ одной правительственной воли, а не отъ цѣлой массы вліяній, которыя обуславливаются всякіе выборы. Въ ливляндской губерніи, при существующей организаціи земскихъ учрежденій, успѣшность земской дѣятельности основана не на размѣрѣ содержанія, получаемого исполнительными органами, а на той непосредственной связи, которая существуетъ между личными

интересами исполнителей и интересами земства. Эта связь представляет, конечно, несравненно больше гарантій для благосостоянія земства, чѣмъ размѣръ содержанія, уплачиваемаго изъ земской кассы.

VI.

Наконецъ, послѣднимъ и притомъ наиболѣе заслуживающимъ вниманія преимуществомъ ливляндскаго земскаго устройства, слѣдуетъ считать удачный выборъ земской территоріальной единицы (приходъ). Въ этомъ выборѣ заключается одно изъ главнѣйшихъ различій въ формахъ организаціи ливляндскаго земства и земства внутреннихъ губерній, гдѣ таковой единицей является уѣздъ. Въ выборѣ этомъ нельзя въ то же время не видѣть наиболѣе существенной причины процвѣтанія земства въ ливляндской губерніи и вѣрнѣйшаго залого дальнѣйшаго его преуспѣянія. Всѣ вышеизложенныя достоинства системы земскихъ учрежденій ливляндской губерніи находятся въ тѣснѣйшей связи съ размѣромъ существующей земской единицы. При всякомъ другомъ размѣрѣ они едва ли достижимы.

Во внутреннихъ губерніяхъ уѣздъ сталъ земской единицей совершенно случайно. Въ эпоху введенія земскихъ учрежденій въ Россіи существовали земскія повинности, но онѣ взиались преимущественно для удовлетворенія потребностей, признаваемыхъ правительствомъ государственными, очень мало касаясь прямыхъ надобностей населенія. Было организовано управленіе и земскими повинностями, посредствомъ особаго съ правительственнымъ характеромъ органа, но управленія

земскимъ хозяйствомъ не было, потому что не было самого земскаго хозяйства. Такимъ образомъ, когда въ шестидесятыхъ годахъ правительствомъ рѣшило ввести земскія учрежденія съ предоставленіемъ имъ обязанностей самими заботиться о нуждахъ населенія, готовой земской единицы въ наличности не оказалось, почему правительство и принуждено было приурочить ее къ существовавшей административной и полицейской единицѣ — уѣзду, случайно такимъ образомъ принявшему роль единицы земской.

Въ лифляндской губерніи видимъ совершенно иное. Здѣсь искони земская жизнь предоставлена была естественному своему развитію. Здѣсь никогда она не нарушалась какими либо вышними насильственными вліяніями и вмѣшательствами. Въ то же время, вслѣдствіе историческихъ условій, о которыхъ упомянуто выше, нашла она почву весьма благопріятную для своего развитія, и задолго до образованія сколько нибудь твердыхъ административныхъ и полицейскихъ единицъ самою силою вещей образовалась земская единица — приходъ. Но и помимо условій происхожденія земскихъ единицъ въ Лифляндіи, представляющихъ немаловажное ручательство въ рациональности земско-приходскаго устройства, какъ явленія историческаго, превосходство такого устройства замѣчается при ближайшемъ разсмотрѣніи всѣхъ почти подробностей дѣятельности его органовъ.

Имѣя въ своихъ рукахъ компетенцію по всѣмъ отраслямъ земскаго управленія, приходское управленіе вѣдаетъ лишь небольшую по пространству территорію (средній размѣръ прихода около тридцати тысячъ де-

сятинъ и около восьми тысячъ жителей), и потому управленіе это находится въ наиболѣе непосредственной связи съ населеніемъ, зная потребности котораго, органы приходскаго управленія являются и вѣрнѣйшими его представителями. Въ приходскихъ конвентахъ каждый членъ конвента видитъ причины, вызвавшія ту или другую раскладку, и пользу, которую тотъ или другой расходъ приноситъ. Каждый членъ такового собранія имѣетъ возможность съ полной сознательностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла рѣшить вопросъ о томъ, нужно ли или не нужно и какъ нужно ремонтировать то или другое приходское зданіе, тотъ или другой приходскій мостъ, рѣшить вопросъ о наймѣ повивальной бабки, фельдшера, письмоносца и всѣ вообще тому подобныя мелочи (*intérêts du clocher*), которыя, наиболѣе затрагивая интересы населенія, въ дѣйствительности и составляютъ существо земскаго хозяйства. Всѣ вышеозначенныя условія дѣятельности приходскаго управленія особенно благопріятствуютъ развитію въ обществѣ способности къ самообложенію, каковое качество слѣдуетъ считать наиболѣе драгоцѣнными и наиболѣе трудно достигаемыми. — Только при столь маломъ размѣрѣ земской единицы, земскія учрежденія, сильно заинтересованныя въ удовлетвореніи потребностей, вызвавшихъ расходъ, относятся къ нему сочувственно. Только при такомъ размѣрѣ земской единицы выработанныя земствомъ положенія по школьному, дорожному, врачебному и т. п. дѣламъ получаютъ ту жизненность, которая способствуетъ дѣйствительному пруспѣванію страны. Къ удовлетворенію, состоящихъ исключительно изъ мелочей, земскихъ

потребностей естественнымъ образомъ привлекаются тысячи дѣятелей, исполняющихъ эту мелочную, кропотливую, скучную работу, съ тѣмъ интересомъ и напряженіемъ, которые свойственны людямъ самостоятельно работающимъ свое личное дѣло, работающимъ на самихъ себя. Именно этой, какъ бы муравьиной работѣ слѣдуетъ приписать плодотворность дѣятельности земскихъ учреждений ливляндской губерніи и удовлетворительное состояніе большаго числа отраслей земскаго хозяйства.

Не то оказывается въ губерніяхъ, имѣющихъ уѣздную земскую организацію. Въслѣдствіе обширности такой земской единицы, обыденныя нужды каждой мѣстности уѣзда не могутъ быть хорошо знакомы всѣмъ гласнымъ, которые естественно относятся къ нимъ часто крайне равнодушно. Въ особенности нельзя требовать участливаго отношенія къ этимъ нуждамъ со стороны гласныхъ крестьянъ. Будучи въ состояніи очень хорошо дѣйствовать въ той сферѣ, подробности которой они ощущаютъ непосредственно, по малому образованію своему крестьяне не въ состояніи составить себѣ правильнаго понятія о нуждахъ мѣстности, лежащей въ 60—80 и больше верстахъ отъ ихъ мѣста жительства, въ такой мѣстности, однимъ словомъ, гдѣ они никогда не бывали. Во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ уѣздныя земства существуютъ около 30 лѣтъ, уѣздная организація мало имѣла себѣ популярности. Много разъ въ литературѣ нашей появлялись заявленія о необходимости учрежденія болѣе мелкихъ земскихъ единицъ, напр. всесловенныхъ волостей, которыя въ сущности были бы ничто иное какъ ливляндскій земскій приходъ. Заявленія эти

прямо указывают на то, что тамъ земская единица слишкомъ крупна, что тамъ земскіе дѣатели поставлены слишкомъ далеко отъ всѣхъ мелочей обыденной жизни страны. Не въ этомъ ли отдаленіи отъ мѣстныхъ нуждъ населенія слѣдуетъ искать причины довольно часто появлявшихся нареканий на наши земскія собранія, заключающихся въ томъ, что собранія эти иногда обращаются въ какіе то парламенты — говорильни, гдѣ вмѣсто того, чтобы заботиться объ удовлетвореніи прямыхъ потребностей земской жизни, обсуждаются различные вопросы, не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ земскимъ нуждамъ. Несостоятельность уѣздныхъ земскихъ учреждений еще недавно высказалась во время постигнувшаго внутренняго губерній послѣдняго неурожая. Когда пришлось кормить многочисленное голодающее населеніе и заботиться объ организованіи для нихъ запасовъ, въ высшей степени почувствовалась потребность мелкихъ хозяйственныхъ единицъ, которыя непосредственно завыдывали бы удовлетвореніемъ нуждъ населенія. Потребности эта вызвала въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сознаніе о необходимости въ моментъ бѣдствія импровизировать такія мелкія единицы въ видѣ волостныхъ попечительствъ, причемъ попечители назначались уѣздными земскими собраніями изъ числа гласныхъ, а когда оказалось, что число гласныхъ не соответствуетъ числу требующихся попечителей, то изъ числа постороннихъ лицъ, иногда даже и не владѣвшихъ лично землей, но по роду своихъ занятій стоявшихъ болѣе близко къ крестьянству, напр. управляющихъ имѣніями и т. д. Вслѣдствіе необходимости произвести эту реорганизацію въ разгарѣ дѣла, очевидно,

новая организація не могла быть вполнѣ удачной. Тѣмъ не менѣе дѣятельность даже этихъ далеко несовершенныхъ органовъ оказалась настолько полезной, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ установилось убѣжденіе въ необходимости сохраненія этихъ попечительствъ навсегда, ибо только такія мелкія хозяйственные единицы могутъ хорошо и дешево заведывать многоразличными отраслями земскаго хозяйства, какъ-то: попеченіемъ о народномъ продовольствіи, попеченіемъ о немощныхъ, о народномъ здоровіи, о постройкѣ и ремонтѣ дорогъ и т. п.

Существованіе приходской организаціи въ ливляндской губерніи слѣдуетъ считать причиной, почему въ губерніи этой при удовлетвореніи земскихъ потребностей до настоящаго времени имѣютъ столь большое примѣненіе н а т у р а л ь н ы я п о в и н н о с т и, каковыя, обратно, примѣняются весьма рѣдко въ земскомъ хозяйствѣ внутреннихъ губерній, гдѣ земства перешли по большей части на повинности денежные, крайне невыгодныя для страны съ весьма незначительнымъ денежнымъ обращеніемъ, каковой слѣдуетъ признать Россію. Въ Ливляндіи до настоящаго времени большая часть приходскихъ повинностей — натуральныя. Не говоря о дорожной повинности, которая, заключааясь въ содержаніи 11,000 верстъ искусственныхъ дорогъ, въ сущности представляетъ огромную хозяйственную операцію, — на натуральныя повинности въ значительной степени отнесена постройка и содержаніе многочисленныхъ земскихъ зданій, какъ-то: пасторатовъ, приходскихъ школъ, докторатовъ (лечебный пунктъ), почтовыхъ станцій и т. д. Большая часть этихъ зданій до настоящаго

времени строится и ремонтируется на основаніи ст. 519 крест. пол. 1849 и ст. 550 крест. пол. 1860 г., въ силу коихъ помещики обязаны ставить весь матеріалъ, а крестьяне ставить рабочихъ. Такимъ образомъ, и матеріалъ и работу земство получаетъ по настоящей, дѣйствительно въ данную минуту существующей въ губерніи цѣнѣ, не приплачивая коммисіонныхъ расходовъ, расходовъ на рискъ по операціи и т. п., каковыми постоянно сопровождаются подобныя операціи при исполненіи ихъ на деньги, т. е. подряднымъ способомъ. Чтобы убѣдиться, какой огромный разсчетъ составляетъ примѣненіе натуральной повинности вмѣсто денежной, достаточно обратиться вниманіе на дорожную повинность. Для ежегоднаго ремонта 11,000 верстъ финляндскихъ дорогъ, каковой ремонтъ производится помощью подсыпки на полотно дороги гранта два раза въ годъ, очищенія канавъ и выравниванія колеи, требуется по приблизительному, самому умѣренному разсчету 380,000 копейныхъ и 660,000 пѣшихъ рабочихъ дней. При переводѣ этой повинности на денежную, полагая минимальную цѣну рабочему дню: конному 60, а пѣшему 30 копѣекъ — стоимость этой повинности, не считая исправленія мостовъ, выразится огромной суммою въ сличныхъ 400,000 руб., уплата которой наличными деньгами была бы непосильна крестьянамъ. Между тѣмъ, натурою дорожная повинность выполняется сравнительно легко, потому что исправленіе дорогъ по существующему положенію производится въ такой періодъ времени, когда рабочія лошади крестьянъ стоятъ безъ дѣла, когда конный рабочий день крестьянина ему самому почти ничего не стоитъ.

То же самое явленіе наблюдается и при выполненіи строительной повинности по постройкѣ и ремонту пасторатовъ, докторатовъ, школъ и прочихъ многочисленныхъ приходскихъ зданій. Здѣсь также матеріалы эти, поставляемые потчипникомъ въ настоящей, дѣйствительной цѣнѣ ихъ, подвозятся въ таковой періодъ времени, когда подвоза крестьянину ничего не стоитъ. И работу, и матеріалъ земство получаетъ такимъ образомъ по настоящей, минимальной и притомъ совершенно безобидной для поставщиковъ цѣнѣ. Практика натуральныхъ повинностей до такой степени укоренилась въ лифляндской губерніи, что, помимо различныхъ сооружений, натуральныя повинности въ большомъ размѣрѣ примѣняются и къ удовлетворенію другихъ земскихъ потребностей, напр. къ отопленію земскихъ зданій и даже къ уплатѣ содержанія лицамъ, по земству служащимъ, напр. пасторамъ, кистерамъ, приходскимъ учителямъ, приходскимъ врачамъ и т. д. Лица эти, кромѣ денежнаго содержанія, получаютъ содержаніе, или какъ его называютъ въ Лифляндіи „депутатъ“ — различными припасами, какъ-то: хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ, солохой, дровами и пр., причемъ пропорціонально количеству ставимыхъ припасовъ уменьшается денежное содержаніе. При этомъ точно также получается выгода какъ для служащихъ лицъ, приобретающихъ эти необходимые для нихъ припасы, которые они все равно должны были купить по настоящей минимальной цѣнѣ, такъ и для плательщиковъ, которые, избавляясь отъ денежныхъ уплатъ, по совершенно безобидной для себя цѣнѣ отдаютъ произведеніе своего хозяйства. Система натуральныхъ по-

винностей представляет такимъ образомъ огромную эпопэю для земства.

Не трудно убѣдиться, что этотъ способъ отбыванія повинностей можетъ найти столь широкое примѣненіе, какое онъ имѣетъ въ Лифлядіи, лишь при мелкихъ земскихъ единицахъ. Можно построить вышесказаннымъ способомъ приходскій, напр. докторатъ, когда поставщики матеріала и работы живутъ на небольшомъ отъ него разстояніи, но едва ли возможно, безъ нарушенія справедливости въ обложеніи, примѣнять этотъ способъ къ уѣзднымъ земскимъ постройкамъ. Поставка столь тяжелыхъ матеріаловъ, какъ матеріалы строительные, а равно и сельскихъ припасовъ (хлѣба, овса, сѣна, дровъ и пр.), будучи вовсе не обременительна для крестьянъ, когда она производится на малыхъ разстояніяхъ, въ предѣлахъ прихода, станетъ для нихъ невыгодной, если эти матеріалы нужно доставить на разстояніи 60—80 верстъ, когда хозяину приходится отлучать подводу съ рабочими изъ дома на 2 или на 3 дня, оставляя ее безъ всякаго призора.

Опытъ лифляндской губерніи неоднократно доказывалъ справедливость такого предположенія. Примѣромъ тому можетъ служить, между прочимъ, 1892 годъ, когда по поводу появленія въ губерніи холерной эпидеміи поднятъ былъ вопросъ объ усиленіи института приходскихъ врачей и докторатовъ. Въ безъ исключенія земскіе органы высказались за постройку докторатовъ, на основаніи 519 ст. крест. под. 1819 г. Относительно же почтовыхъ станицъ, которыя расположены не въ каждомъ приходѣ, а напротивъ разбѣлены по приходамъ

крайне неравномерно, наблюдается обратное явление. Здѣсь ясно замѣчается стремленіе превратить исконно отправляемую натуральнымъ порядкомъ строительную и фуражную повинность на деньги, что по всей вѣроятности въ самомъ скоромъ времени и будетъ выполнено. При крупныхъ земельныхъ единицахъ примѣненіе натуральныхъ повинностей невыгодно уже потому, что раскладки ихъ представляетъ огромныя затрудненія, ибо при этомъ приходится принимать въ соображеніе разстоянія, свойства дорогъ и прочіе факторы, трудно поддающіеся точной оцѣнкѣ, законная между тѣмъ необходима для производства справедливой раскладки повинности между плательщиками.

Глава III.

Недостатки существующаго земскаго устройства. Нераціональность системы обложенія земель. Способъ оцѣнки земли по шведской системѣ на талеры. Препятствование вывозу земель изъ откомненій отбыванію земскихъ повинностей. Двойственность органовъ губернскаго земскаго обложенія. Существованіе двухъ земскихъ кассъ. Почтовая касса. Существованіе церковныхъ повинностей влѣкъ коммунностей земскихъ. Неопредѣленность и неполнота вѣдомствительства, устанавливающаго организацію земскихъ учреждений. Роль губернскаго правленія. Непригодность состава дворянскаго комитета. Отсутствие на мѣстахъ представителей мѣснаго земледѣлія.

Изложивъ въ предыдущей главѣ достоинства существующаго земскаго устройства ливонской губерніи, необходимо обратиться къ изслѣдованію и его недостатковъ, насколько они выяснились практикой управленія губерніей за послѣдніе годы, т. е. за тотъ періодъ времени, когда управленіе прибалтійскихъ краевъ было кореннымъ образомъ реформировано, когда отстранены были незаконныя вліянія мѣстныхъ элементовъ на ходъ управленія земскими дѣлами, и теченіе этихъ дѣлъ представлено было исторически выработавшемуся земскому законодательству подъ сильнѣйшихъ контролей правительственной власти. Такихъ недостатковъ также не мало, причемъ въ числѣ ихъ есть настолько важныя, что существованіе ихъ парализируетъ почти все хороша

стороны настоящего земского устройства ливондской губернии, поставляя непреодолимые преграды къ дальнѣйшему развитію благосостоянія страны.

Критическій разборъ этихъ недостатковъ долженъ составить существеннѣйшую часть настоящаго изслѣдованія, ибо устраненіе ихъ въ дѣйствительности и составляетъ главную, едва ли не единственную задачу при перестроеніи ливондскаго земского устройства.

Недостатки эти слѣдующіе:

I.

Неправильность системы обложенія земли. Нападающіе на землю земскіе сборы въ ливондской губернии взились до сихъ поръ лишь съ культурной земли, оцѣниваемой по старинной шведской системѣ, выработанной еще въ XVIII столѣтіи. Оцѣнка всей земли приведена къ одной единицѣ — „талеру“, т. е. такому количеству земли, которое по обработкѣ даетъ чистой прибыли, за вычетомъ сѣмянъ, прокормленія рабочихъ, уплаты публичныхъ повинностей и т. п., одну бочку ржи^{*)}. Критеріумомъ земельной оцѣнки служатъ такимъ образомъ одни лишь геологическія свойства земли. Лучшая земля, дающая большій урожай, оцѣнена дороже, худшая — дешевле. Въ старинныя времена, когда не было путей сообщенія, когда не было организованной торговли хлѣбомъ и доходъ съ земли служить непосредственно для прокормленія населенія, система эта была совершенно правильной, такъ какъ лишь одна хлѣбородность земли

^{*)} По старинной шведской мѣрѣ бочка ржи равнялась двумъ локтямъ, составляла приблизительно $\frac{2}{3}$ четверти ржи.

опредѣляла ея доходность, а следовательно и цѣнность. Но въ настоящее время, съ усовершенствованіемъ путей сообщенія, съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, съ развитіемъ хлѣбной торговли, свойства почвы имѣютъ иногда меньшее значеніе въ смыслѣ цѣнности земли, нежели другія условія, какъ-то: большая или меньшая близость ея къ большимъ торговымъ центрамъ, большая или меньшая близость къ желѣзнодорожной станціи и т. п. Въ прежнее время талеръ земли по всей губерніи имѣлъ одинаковую цѣнность. Нынѣ, если прослѣдить покупныя цѣны на землю, то легко убѣдиться, что иногда талеръ земли продается по 150 руб., а иногда по 300—400 и даже 600 рублей. Сѣнокосы и перелогъ, при помощи перевода цѣнъ собиравшаго съ нихъ сѣна на цѣны ржанна, также оцѣнены на талеры; но выгоны, лѣса, рыбныя ловли и тому подобныя угодья оцѣнены не подвергались, да при существующей системѣ и оцѣнены быть не могутъ, потому что ни одного фунта ржи произвести они не въ состояніи. За невозможностью оцѣнить ихъ по существующей въ Ливоніи талерной системѣ оцѣнки, угодья эти вовсе не оцѣнивались, и вслѣдствіе того никакими земскими сборами не облагались и до настоящаго времени не облагаются. Точно также по существующей системѣ нельзя оцѣнить и другія дачи, иногда весьма большой доходъ владѣльцу недвижимости. Большой и богатый заводъ, напрыкъ, или фабрика, или другой какой либо центръ, около котораго случайно образовалось болѣе или менѣе многочисленное поселеніе, несомнѣнно въ значительной степени возвышаетъ доходность земли, на которой поселеніе

это построено. Между тѣмъ, дорогая земля эта никакихъ повинностей не платитъ, потому что на талеры ее оцѣнить нельзя. Напротивъ, земля эта является источникомъ раззоренія для земской кассы, ибо съ усиленіемъ населенія въ такихъ пунктахъ требуется со стороны земства увеличеніе расходовъ, какъ-то: постройка новыхъ дорогъ, усиленный ремонтъ ихъ, усиленіе полиціи и т. п. Это же замѣчаніе въ равной степени относится къ подгороднымъ землямъ, за которыя платятся самыя высокія аренды; но такъ какъ земли эти обращаются обыкновенно подъ постройки, а не подъ пашни, то и они оцѣнкѣ подлечь не могутъ, а потому освобождаются отъ земельныхъ сборовъ. Наиболѣе разительнымъ, безъ выбора взятымъ изъ многихъ другихъ, примѣромъ въ высшей степени несправедливаго освобожденія отъ обложенія земельными повинностями весьма доходныхъ недвижимостей можетъ служить, пользуясь большою извѣстностью во всей Россіи, расположенное въ рижскомъ уѣздѣ такъ называемое рижское наморье, куда каждымъ лѣтомъ стекаются десятки тысячъ дачниковъ. На протяженіи слишкомъ 14 верстъ морскаго берега, наморье сплошь застроено дачами, дающими весьма значительный доходъ ихъ владѣльцамъ, такъ какъ нѣкоторыя дачи стоятъ по 40, 50 и 60 тысячъ рублей. Тѣмъ не менѣе владѣльцы земель и недвижимостей рижскаго наморья въ земскую кассу не платятъ ни копѣйки. При шведской системѣ оцѣнки земель, къ обложенію ихъ является, такимъ образомъ, величайшая несправедливость, ибо такіе дорогіе угодья, какъ лѣса на сплавныхъ рѣкахъ, случайныя поселенія и т. п.

ускользаютъ отъ обложенія, и всю тяжесть земскихъ повинностей несетъ исключительно культурная земля. Въ лифляндской губерніи, слѣдовательно, земскими сборами обложена не столько земля, сколько земледѣліе. Въ провинціи, принадлежащей земледѣльческому русскому государству, такая система обложенія исключительно земледѣльческаго труда должна быть признана совершенно нераціональной и крайне невыгодной въ экономическомъ отношеніи. Несообразность таковой системы обложенія станетъ еще очевиднѣе, если принять въ соображеніе, что хотя всѣ земли лифляндской губерніи и оцѣнены по шведской системѣ, но оцѣнка эта производилась разновременно и притомъ съ большими промежутками времени, такъ что некоторыя имѣнія оцѣнены еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Съ теченіемъ времени, въ данномъ имѣніи, когда либо оцѣнкою, угодья перемѣняются своей нудъ, неудобныя земли распахиваются и преобразуются въ культурную землю, и дѣйствительное число талеровъ въ имѣніи значительно увеличивается противъ обозначеннаго въ земскомъ спискѣ. Но такъ какъ переоцѣнка производится на счетъ владѣльца, такъ какъ она вообще весьма часто для него невыгодна въ томъ отношеніи, что съ увеличеніемъ числа талеровъ ему приходится платить больше земскихъ сборовъ, то безъ особенной надобности (напримѣръ, для продажи имѣнія или для залога его въ кредитное общество) никто къ переоцѣнкѣ своей земли не приступаетъ. Въ то же время не существуетъ закона, который бы обязывалъ владѣльца въ извѣстные сроки переоцѣнивать свое имѣніе, а вслѣдствіе этого постоянно бывають случаи, что,

по одному и тому же земельному списку, большее и больше доходное, по ранге оцененное имение заключаетъ въ себѣ меньшее число талеровъ, нежели другое хотя и менѣе доходное, но оцененное позже. Отсутствие обязательной періодической переоценки земель въ особенности ощутительно относительно наведенныхъ имений, которыя оценены были лишь одинъ разъ, именно въ 1832 году, и съ тѣхъ поръ никогда не переоценивались. Съ 1832 года въ хозяйствахъ имений этихъ произошли существенныя перемѣны, и пакетахъ 1832 года такого имения иногда вовсе не даетъ понятія о количествѣ культурной земли, существующей тамъ нынѣ; тѣмъ не менѣе, за невозможностью произвести переоценку таковыхъ имений, они платятъ земельныя повинности по оценкѣ 1832 года, между тѣмъ какъ значительная часть прочихъ (частныхъ) имений облагается сборами по позднѣйшимъ спискамъ 1878, 1881 и 1891 годовъ. Въ натуральная повинности въ губерніи и повинности раскладываются по списку 1832 г.; а принимая въ соображеніе, что, согласно издѣльному, большая часть земельныхъ повинностей отираемыхъ ливляндской губерніей — натуральная, оказывается, что въ настоящее время главнымъ основаніемъ для раскладки земельныхъ повинностей въ губерніи принятъ оценка, произведенная въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что производство оценки земли по шведской системѣ обходится весьма дорого, ибо стоимость этой операціи зависитъ отъ личности свободныхъ техническихъ землеустроителей въ губерніи. Принимая въ соображеніе, что оценка

эта обыкновенно обходится отъ 45 до 60 коп. съ десятины, едва ли не слѣдуетъ признать ее наиболѣе дорогою изъ всѣхъ существующихъ способовъ оцѣнки.

II.

Несправедливость въ системѣ раскладки земскихъ повинностей значительно усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что, вслѣдствіе эгонистическаго стремленія дворянства, владѣвшаго крупной земельной собственностью, влияние котораго на законодательную власть было въ прежнее время весьма сильно, нарушилась равномѣрность въ производствѣ раскладки земскихъ повинностей между мызой и крестьянской землей и въ области ихъ отправления привилегія привилегія, въ силу которой значительная часть земли стала свободной отъ земскихъ повинностей. Этотъ второй недостатокъ, который слѣдуетъ признать едва ли не самымъ существеннымъ, касается вовсе не въ литовскомъ земскомъ правѣ, не въ старинномъ аграрномъ законодательствѣ, зорко слѣдившемъ за охраненіемъ правъ крестьянскаго сословія, а въ причинахъ случайныхъ: въ уступчивости правительства давленіямъ мѣстныхъ правящихъ классовъ, а главное — въ недостаточномъ знакомствѣ законодательныхъ органовъ съ условіями мѣстной аграрной жизни. Привилегированность земель по отношенію къ отправленію земскихъ повинностей появилась въ Литовіи сравнительно очень недавно. Въ эстляндской и курляндской губерніяхъ и даже на островѣ Эзель, — основныя земскаго устройства которыхъ весьма сходны съ такими же основами, существующими для губерній лит-

ландской, — никогда не было и до сихъ поръ нѣтъ привилегированныхъ земель.

Для выясненія, какимъ образомъ въ Ливоніи появилась эта привилегія, необходимо обратиться къ исторіи ся аграрнаго законодательства. Въ прежнія времена не было сколько нибудь рѣзкаго раздѣленія между повинностями государственными, земскими и общественными. Всѣ онѣ смѣшивались между собой подъ общими названіемъ повинностей публичныхъ^{*)}; разумія подъ словомъ этия всѣ повинности, возлагаемыя на населеніе правительственной властью, т. е. или общими государственнымъ закономъ или мѣстными законами. Такъ какъ первоначально, еще во времена шведскаго владычества, количество крестьянской земли въ вѣждомъ имѣніи опредѣлено было въ зависимости отъ численности принадлежащаго къ имѣнію крестьянскаго населенія, то безземельныхъ крестьянъ въ то время почти не было, почему не могло и существовать разности между подушнымъ и поземельнымъ обложеніемъ. Всѣ публичныя повинности и даже тѣ, которыя нынѣ принято называть волостными, налагались такимъ образомъ въ дѣйствительности на землю. Ограничиваясь самыми необходимыми потребностями, повинности эти были исключительно натуральныя и приводились къ тому или другому числу кон-

^{*)} По формѣ напечатаннаго, приложеннаго къ крестьянскому положенію 1804 года, таковыми повинностями признавались: поставка рекрутъ, подушная подать, исправленіе дорогъ, поставка подводъ, препровожденіе арестантовъ, поставка матеріаловъ и рабочихъ для постройки и ремонта приходскихъ и вообще левскихъ зданий, поставка фуража и хлѣба на почтовые станціи, повинности въ пользу пасторовъ и священно-служителей лютеранской церкви, повинности въ пользу школьнаго учителя и содержаніе общественнаго мѣстнаго.

ныхъ или пѣшихъ рабочихъ дней или къ доставленію тѣхъ или другихъ матеріаловъ и припасовъ, производимыхъ землей. Денежныхъ публичныхъ повинностей въ то время никакихъ не было. При такомъ способѣ отправленія земскихъ повинностей, очевидно, отправлять ихъ могли исключительно-населенныя или, другими словами, крестьянскія земли. Мышны же земли, какъ неоселенныя и обрабатываемыя или барщиной или крѣпостными кнехтами, никакихъ публичныхъ повинностей несли не могли. Поэтому цѣнность имѣнія и размѣръ уплачиваемыхъ съ него повинностей опредѣлялись исключительно количествомъ крестьянской земли, находящейся въ имѣніи. Такъ какъ вся земля какъ мышная, такъ и крестьянская принадлежала помѣщику, ибо сами крестьяне были крѣпостные, то податной единицей являлась дворянскіи вотчина, т. е. совокупность мышныхъ и крестьянскихъ земель, каковой единицей, по закону, она продолжала считаться и по настоящее время *). При такихъ условіяхъ, въ регулированіи раскладки повинностей между мышной и крестьянской землей даннаго имѣнія не было никакой надобности. Повинности, строго говоря, отправлялъ одинъ помѣщикъ, который ставилъ какъ всѣ матеріалы, необходимыя для той или другой земской потребности, такъ и крѣпостныхъ своихъ рабочихъ. Въ огражденіе же крестьявъ отъ излишнихъ притѣсненій со стороны помѣщика, во времена шведскаго владычества, учреждены были такъ называемые накенбухи, фиксировавшіе арендную за землю плату; причемъ, чѣмъ больше

*) См. ст. 51 крест. вол. 1860 года.

рабочихъ дней требовалось отъ крестьянина для исполненія публичныхъ повинностей, тѣмъ меньше былъ размѣръ арендной платы или барщины, поставляемой крестьянскимъ дворомъ. Начала, положенныя шведскимъ правительствомъ въ основаніе аграрнаго устройства Ливляндіи, получили окончательное развитіе въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія — въ крестьянскомъ положеніи 1804 г., причѣмъ особой межевой ревизіонной комиссіей регулированы были все почти дворянскія имѣнія ливляндской губерніи и для каждаго имѣнія составлены вакенбухи*).

Положеніе дѣла мало измѣнилось съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, имѣвшемъ мѣсто

*) Направленное къ огражденію крестьянъ отъ произвола вотчинниковъ, учрежденіе вакенбуховъ слѣдуетъ признать въ высшей степени раціональной и исполненной съ высочайшей добросовѣстностью и глубокимъ знаніемъ дѣла правительственной мѣрой. Вакенбухи, установленныя крестьянскимъ положеніемъ 1804 года, были нѣчто иное какъ книги, изображающія, такъ сказать, хозяйственный балансъ каждаго крестьянскаго двора. На лѣвомъ листѣ этой книги (отдѣлъ: „credit“) помѣщалось подробное описаніе земель каждаго усадьбы съ оцѣнкой ея въ талерахъ и грошахъ. Напримѣръ, усадьба NN заключаетъ въ себѣ: столько-то доштелей огородной земли, цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей; столько-то доштелей пашни такого-то класса, цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей; столько-то доштелей сѣноноса, цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей и такъ далѣе — помѣняемыя нѣш угодья, заключающіяся въ усадьбѣ. А всего въ усадьбѣ состоитъ столько-то талеровъ и грошей земли. На правомъ листѣ (отдѣлъ: „debit“) точно также помѣщено было подробное описаніе всѣхъ повинностей, платимыхъ арендаторомъ. Такъ какъ повинности въ то время были исключительно натуральныя, то закономъ установленны были оцѣны въ талеры и гроши (другими словами — на цѣны ржи) не только рабочаго (коннаго и лижнаго) дня, но и всего безъ исключенія сельскихъ припасовъ и предметовъ сельскаго общаго обихода, которые взимались съ арендатора, какъ-то: хлѣба ржаного рода, льна, конопля, керевовъ, гусей, куръ, рыбы и проч. Такимъ образомъ въ отдѣлѣ „debit“ происходило: за пользованіе дворомъ NN арендатора обiazанъ ставить ежегодно: столько-то годовыхъ или на такой-то срокъ рабочихъ (конныхъ или лижныхъ) дней, цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей, столько-

въ 1819 году, ибо крестьяне отпущены были на волю безъ земли. Земской податной единицей, по прежнему, осталось дворянское имѣніе съ его мыаной и крестьянской землей. По прежнему, падающія на имѣніе земскія повинности отпращивались крестьянами за землю, получаемую ими въ аренду (денежную или издѣльную) отъ помѣщиковъ, съ тою лишь разницей, что размѣръ этихъ повинностей закономъ отнынѣ болѣе не опредѣлялся. По прежнему, наконецъ, количество крестьянской земли или, лучше сказать, количество крестьянскаго въ данномъ имѣніи населенія служило мѣриломъ податной способности всего имѣнія. Когда же, съ цѣлью возстановленія правильности въ раскладкѣ земскихъ повинностей по имѣніямъ губерніи, приступлено было въ 1819 году

то четвертой ржи или овса, или другаго какого либо хлѣба, или же столько-то пудовъ соломы, льна и т. п., цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей, столько-то штукъ куръ или цыплятъ, или рыбы и т. п., цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей и т. д. Переписывались, однимъ словомъ, все безъ исключеній предметы, которые, по условію съ помѣщиками, крестьяншъ обязаны ставить за арендуемую ими землю, съ включеніемъ въ этотъ списокъ и публичныхъ повинностей. Такъ какъ во многихъ случаяхъ точное перечисленіе и оценка этихъ послѣднихъ сопряжены были съ значительными затрудненіями, то изъ старыхъ наисбухихъ прикималось правиломъ: съ всѣхъ повинностей, платимыхъ помѣщику за землю, въ вознагражденіе за исправленіе публичныхъ повинностей сбавлять извѣстный процентъ (обыкновенно 8%). Зисамъ подъ сикскомъ повинностей подводился итогъ въ талерахъ и грошахъ. Сумма талеревъ и грошей, составляющая итогъ „credit“, должна была равняться суммѣ итога „debit“. Такимъ образомъ никакихъ излишнихъ повинностей вотчинника налагать на крестьянина не хогъ. Вслѣдствіи, когда съ обнародованіемъ крестьянскихъ положеній 1819, 1849 и 1860 годовъ, разхѣръ арендной платы за землю предоставленъ былъ добровольному соглашенію вотчинника и арендатора, второй отдѣлъ (debit) ваденауха естественно долженъ былъ сократиться. Такимъ образомъ ищипшнѣ вадсбухн содержатъ въ себѣ лишь описаніе земельныхъ угодій каждой крестьянской усадьбы, съ оценкой ихъ въ талеры и гроши.

къ общему межеванію имѣній, то измѣренію и таксациі подверглись лишь однѣ крестьянскія земли. Составленный, на основаніи этихъ работъ, первый земскій списокъ, опубликованный лишь въ 1832 году*), заключающій въ себѣ лишь оцѣнку крестьянской земли. Мызуемую же землю, какъ венаселенную, по свойству существовавшихъ въ то время земскихъ повинностей не могущую ихъ использовать, оцѣнивать и помѣщать въ земскій списокъ было излишне.

Въ 1849 году появилось новое крестьянское положеніе, которымъ вновь восстановлена была демаркаціонная черта между крестьянской и мызною землей, уничтоженныя положенія 1819 года; причемъ право собственности помѣщика на крестьянскую землю было ограничено на тѣхъ же почти основаніяхъ, на какихъ оно было ограничено шведскимъ крестьянскимъ положеніемъ и положеніемъ 1804 года**). При ограниченіи правъ помѣщика на крестьянскую землю, при имѣвшемся на основаніи новаго положенія въ виду начатіи выкупной операціи и полнаго ликвидированія отношеній между помѣщиками и крестьянами, при восстановленіи вновь крестьянской земли, какъ опредѣленнаго контингента земель, размѣръ которыхъ отнынѣ выкупомъ образомъ уменьшенію не подлежалъ, появилась необходимость разрѣшить нако-

*) Земскій списокъ 1832 года до настоящаго времени служилъ основаніемъ для распредѣленія между различными вѣтвяхъ натуральныхъ земскихъ повинностей, какъ то: дорожной, почтовой, подводной и пр.

**) Ограниченіе это, какъ изложено въ примѣчаніи на страницѣ 33, заключается въ томъ, что вотчинникъ лишился права пользоваться землей своею иначе какъ черезъ продажу или отдачу ея въ продажу лицу, принадлежащему къ крестьянскому обществу (ст. 101 крест. пол. 1860 года).

несть вопросъ о распредѣленіи повинностей, падающихъ на каждое имѣніе, между его мызой и крестьянской землей, — вопросъ первостепенной важности, потому что отъ разрѣшенія этого зависѣло хозяйственное развитіе крупнаго и мелкаго землевладѣнія въ губерніи. Вопросъ этотъ и разрѣшенъ былъ крестьянскимъ положеніемъ 1849 года, но къ сожалѣнію съ явнымъ нарушеніемъ справедливости. Въ виду практики предыдущаго времени, когда земельныя повинности, по причинамъ наложеннымъ выше, исполнялись силами крестьянской земли, положеніе 1849 г. раздѣлило всѣ земли на двѣ категоріи: податныя и неподатныя. На основаніи 119 ст. неподатная земля (вся мызная, за исключеніемъ крѣпостной), независимо отъ личности владѣльца, во всѣхъ случаяхъ и навсегда свободна отъ всякихъ бы-то ни было повинностей*). Напротивъ того, податная земля во всѣхъ случаяхъ подлежитъ повинностнымъ обязанностямъ. Понудя податныя и неподатныя земли принадлежали одинаково помѣщику, и крестьянину, заарендовавшая землю, знала какими земскими повинностями обременена его земля и слѣдовательно могъ соразмѣрно съ долей лежащихъ на арендованномъ участкѣ тягостей предложить и арендную плату, — такое раздѣленіе не нарушало справедливости. Но оно стало въ высшей степени неспра-

*.) Эта статья повторена была и въ крестьянскомъ положеніи 1860 г. (ст. 83 и 94), причемъ она дополнена ст. 49, разъясняющей, что публичныя повинности, коими обременяется податная земля, признаются всѣ повинности, на основаніи общихъ законовъ имѣній налагаемыхъ и слѣдовательно, по точному смыслу закона, имѣющія быть и въ будущемъ наложены на губернію, подъ именемъ земскихъ, по распоряженію правительства.

педявнымъ съ того момента, когда усилилась выкупная операція и значительная часть крестьянской земли частныхъ имѣній перешла въ руки крестьянъ. Продавая крестьянину землю исключительно податную, помещикъ, такъ сказать, продавалъ и обязанность нести повинности, лежащія по закону на всемъ имѣнии, и притомъ не только тѣ, которыя существовали въ моментъ продажи, но и тѣ, которыя въ будущемъ могли быть возложены на землю распоряженіями правительства. Оставшаяся же въ его рукахъ доля вотчины, заключающаяся въ мызной землѣ, становилась затѣмъ навсегда свободною отъ какихъ бы-то ни было земскихъ повинностей. Но мѣриломъ слѣдовательно обложенія повинностями данной вотчины стала крестьянская земля, какъ это установило историческое развитіе земскаго законодательства, а предметъ обложенія. Освобожденіе крупнаго землевладѣнія отъ участія въ земскихъ расходахъ, съ перенесеніемъ этого обложенія на землевладѣніе мелкое, какъ оно ни было несправедливо въ принципѣ, не представляло, однако, практическихъ затрудненій въ то время, когда крестьянской земли продано было мало, да и самый земскій бюджетъ былъ крайне ограниченъ, тѣмъ болѣе, что, какъ изложено въ I главѣ, большая часть земскихъ потребностей удовлетворялась не изъ счетъ губернскаго земскаго сбора, а средствами приходовъ. Но когда крестьяне выкупали большую часть крестьянской земли, когда правительство, въ особенности начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, стало налагать на земство многіе расходы, до сего времени удовлетворявшіеся изъ государственнаго казначейства, когда приступлено было къ

преобразованію судебныхъ, крестьянскихъ и полицейскихъ учрежденій и появилась необходимость въ новыхъ и весьма значительныхъ расходахъ со стороны земства на содержаніе этихъ дорогихъ учреждений, тогда и обнаружилась полная несостоятельность существующаго законодательства, устанавливающаго привилегированность мызныхъ земель. Возлагая новые и, какъ выше сказано, весьма значительные расходы на земскія средства, правительство, будучи мало-знакомымъ съ аграрнымъ законодательствомъ страны, полагало, что расходъ этотъ будетъ нести вся губернія. Въ действительности же несла его лишь одна крестьянская земля, составляющая по протяженію съ небольшимъ $\frac{1}{3}$ всей площади земли.

Такое затруднительное положеніе заставило ландтагскаго губернатора предложить собранию въ 1889 г. ландтагу на обсужденіе: не найдетъ ли ландтагъ возможнымъ, въ виду столь стѣсненнаго положенія губерніи, отказаться за мызныя земли отъ привилегій, предоставляемой этимъ землямъ закономъ, и при составленіи земской раскладки облагать мызныя земли губернскимъ земскимъ сборомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и податныя, т. е. по числу талеронъ земли той и другой категоріи. Предложеніе это встрѣчено было ландтагомъ съ большимъ сочувствіемъ, причемъ сдѣлано было и соответственное постановленіе*), пропущенное губернскимъ правленіемъ, такъ что съ 1890 года мызныя земли облагаются денежными земскими повинностями на тѣхъ же

*) Постановленіе ландтага 23 октября 1889 года.

основанійхъ, какъ и крестьянскія, т. е. пропорціонально числу талеровъ, заключающихся въ этой землѣ.

Привилегія мызовыхъ земель въ отпращиваніи губернскихъ земскихъ повинностей никогда не существовала по отношенію къ повинностямъ приходскимъ, налагаемымъ на населеніе не правительственными распоряженіями, а постановленіями мѣстныхъ земскихъ учрежденій. Распределеніе этихъ повинностей между мызой и крестьянской землей, со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, установилось на совершенно иныхъ основаніяхъ. Распределеніе это, впервые санкціонированное крестьянскимъ положеніемъ 1819 года*), исполнялось согласно старинному принципу, въ силу коего мызная земля ставила всѣ матеріалы, за исключеніемъ соломы, а крестьяне должны были подвозить эти матеріалы, ставить солому и рабочихъ. Что же касается до денежныхъ расходовъ, мызынваемыхъ удовлетвореніемъ земской повинности, то расходы эти должны были дѣлиться пополамъ, изъ коихъ одну половину платили мызы пропорціонально числу талеровъ**), заключающихся въ податной землѣ имѣнія, а другую — крестьяне. Но какъ крестьяне въ то время земли въ своей собственности не имѣли, да и крестьянская земля въ строгомъ смыслѣ этого слова перестала существовать, ибо на основаніи положенія 1819 года помѣщики могли пользоваться ею по своему произволу и даже цѣлкомъ присоединять къ мызѣ, то

*) См. ст. 519 вѣст. пол. 1819 г.

**) Любавинскій такъ заключаетъ изъ себя 80 талеровъ земли.

доля денежных приходских повинностей, падающая на крестьянъ, распределялась между имѣніями прихода пропорціонально числу ревизскихъ душъ каждого имѣнія. Перенесеніе приходскихъ (земскихъ) повинностей на ревизскія души не представляло особенныхъ практическихъ затрудненій въ то время, когда, согласно сказанному выше, всѣ почти крестьяне владѣли землею и ревизская душа представляла собой извѣстный крестьянскій дворъ. Но съ увеличеніемъ численности населенія и образованіемъ, вслѣдствіе поощремой закономъ недѣлимости крестьянскихъ дворовъ, многочисленнаго класса безземельныхъ крестьянъ, появилось весьма много неправильностей въ обложеніи крестьянъ приходскими повинностями. Раскладка повинностей этихъ, какъ и всѣхъ прочихъ, по закону положена на волостныя общества, завися отъ усмотрѣнія сходотъ выборныхъ. Такимъ образомъ, въ однихъ волостяхъ сходы эти, руководствуясь стариннымъ обычаемъ, совершенно правильно налагали эти сборы лишь на однихъ дворохозяевъ; въ другихъ же волостяхъ, наоборотъ, приходскія денежные повинности вводились въ общую волостную раскладку и распределялись на всѣхъ плательщиковъ волости, включая въ число ихъ и безземельныхъ крестьянъ. Столь несправедливое обложеніе земскими сборами безземельныхъ крестьянъ обратило на себя вниманіе губернскаго начальства, почему въ 1891 году и сдѣлано было распоряженіе *) объ исключеніи изъ волостныхъ раскладокъ всѣхъ сборовъ, возлагаемыхъ на волости по постановленіямъ приходскихъ

*) Печатные указы лѣтисчислительнаго губернскаго управленія 1891 года №№ 117 и 158.

конвентовъ, съ тѣмъ чтобы сборы эти, по существу своему составляющіе сборы земскіе, вѣдѣлись исключительно съ земли. Такимъ образомъ приходскія повинности раскладываются опять исключительно между дворохозяевами пропорціонально величинѣ (числу тяловъ*) принадлежащихъ имъ на правѣ аренды или собственности земель, съ освобожденіемъ отъ этихъ налоговъ крестьянъ безземельныхъ.

Вышеупомянутый способъ раскладки денежных приходскихъ повинностей, — причеиъ половина расходовъ возлагалась на мызы, а другая на волости, — по точному смыслу крестьянскаго положенія 1819 года устанавливаеиъ исключительно для возведенія и ремонта церковныхъ построекъ — единственной существовавшей въ то время земской повинности. Съ теченіемъ времени, однако, стали появляться въ приходахъ и другія потребности и, между прочимъ, такия, которыя, не заключаеиъ въ производствѣ построекъ, могли быть удовлетворены только денежными сборами, какъ наприиѣръ, содержаніе приходскихъ учителей, страхованіе зданій и т. п. За неимѣніемъ спеціального закона относительно способа раскладки этихъ сборовъ, практика установила, что и эти повинности раскладываются такимъ же образомъ какъ сказано выше. Въ крестьянскомъ положеніи 1849 года вновь возбужденъ былъ вопросъ о производствѣ земскихъ, или, какъ они тогда назывались, публичныхъ построекъ, причеиъ 599 статьею этого положенія устанавлиеиъ было, что вышеупомянутый способъ раскладки, определенный

*} Въ жезенныхъ мѣтахъ — пропорціонально размеру шатныхъ крестьянами выкупныхъ платежей.

статьею 519 крест. под. 1819 года, относится лишь къ церковнымъ постройкамъ. Что же касается до прочихъ публичныхъ построекъ, то требующіеся для возведенія и ремонта ихъ наличные расходы должны нести одна лишь мызная земля. Статьи эта, значительно облегчающая обложеніе мелкаго землевладѣнія, въ той же почти редакціи нашла себя мѣсто также и въ крестьянскомъ положеніи 1860 года*).

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ отношеніи раскладки денежныхъ земскихъ повинностей между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ въ ливондской губерніи существуютъ въ настоящее время два разныхъ способа: губернскія повинности раскладываются пропорціонально числу талеровъ, заключающихся въ мызной и крестьянской землѣ; приходскія же исполняются двойно — въ зависимости отъ свойства расхода: въ однихъ случаяхъ повинность дѣлится пополамъ, причемъ одну половину платятъ волости, а другую мызы. въ другихъ случаяхъ все денежные расходы несетъ одна мызная земля.

Упомянутая на стр. 88 и 89 мѣра, вслѣдствіе которой упраздненіи привилегія мызныхъ земель по отношенію къ отправленію денежныхъ губернскихъ по-

*) См. ст. 550 крест. под. 1860 г. Печатнымъ указомъ губернскаго правленія 11 декабря 1870 г. за № 138 разъяснено, что правила исполненія стипендіальной повинности, заключающіяся въ этой статьѣ относятся постройки и ремонта приходскихъ построекъ, распространяются также и на постройки церковныя. Но разъясненіе это до такой степени противорѣчитъ точному смыслу 550 ст., что законность этого указа нельзя не признать крайне сомнительной. Это противорѣчіе указъ губернскаго правленія съ неотмѣненными законами въ значительной степени затрудняетъ губернское начальство при утвержденіи приходскихъ раскладокъ.

винностей, въ значительной степени сглаживаетъ несправедливость въ земскомъ обложеніи, устанавливаемую мѣстными крестьянскими положеніями. Тѣмъ не менѣе надлежащей равномерности въ раскладкѣ губернскихъ повинностей между мызною и крестьянскою землею нѣтъ и понышѣ.

Изложенное въ предыдущемъ отдѣлѣ несовершенство системы земскаго обложенія (по талерамъ) отражается на обложеніи крестьянской земли гораздо чувствительнѣе, нежели на обложеніи земли мызной. Крестьянская земля, заключаая въ общей площади своей весьма мало выгоновъ и почти лишенная лѣса, по большей части вся культурная. Почти вся она оцѣнена на талеры и, слѣдовательно, почти вся она платитъ земскія повинности, между тѣмъ какъ мызная земля заключаетъ въ себѣ огромное количество неоцѣненной, хотя и доходной земли, никакому обложенію не подвергающейся. Въ результатѣ выходитъ, что крестьянская земля частныхъ, пасторатскихъ и патримоніальныхъ имѣній материковой части ливонской губерніи, обнимая собою площадь въ 1,145,601 десятину, оцѣнена въ 513,419 талеровъ, а мызная съ площадью въ 1,587,587 десятинъ — всего въ 320,412 талеровъ*).

Наконецъ, постановленіемъ ландтага 1889 года уличено привилегія мызной земли только по отношенію къ денежнымъ повинностямъ. Но въ Ливоніи, какъ мыше сказано, въ значительной степени господствуютъ

*) Въ это число десятинъ не вошли владѣнія пивніи, обнимающія площадь въ 422,124 десятины. Приведенное въ текстѣ число талеровъ взято изъ земскаго списка 1891 года.

повинности натуральныя, изъ числа коихъ наиболѣе отяготительной для крестьянскаго населенія слѣдуетъ считать дорожную повинность по ремонту 11 тысячъ верстъ искусственныхъ дорогъ, содержимыхъ земствомъ. Эта повинность лежитъ преимущественно на крестьянской землѣ*). Разъ какъ мызная и крестьянская земля уравниваемы, — по крайней мѣрѣ въ принципѣ относительно денежныхъ повинностей, казалось бы — нѣтъ основаній не уравнивать ее относительно повинности дорожной**). Справедливость требуетъ прибавить, что такому уравниванію повинностей лифляндское дворянство препятствій не дѣлало, и если-бы губернаторъ далъ предложеніе ландтагу уравнивать между мызной и крестьянской землей дорожную повинность точно такъ же какъ уравнива повинность денежная, то ландтагъ несомнѣнно принялъ бы это предложеніе и выразилъ бы на него свое согласіе. Препятствія къ такому переложенію встрѣчались со стороны правительства и именно вслѣдствіе незнакомства съ аграрнымъ и земскимъ законодательствомъ лифляндской губерніи и вслѣдствіе перенесенія на эту губернію

*) Участіи мызной земли выражаются лишь въ отпускѣ матеріаловъ для постройки мостовъ. Цѣнность этихъ матеріаловъ далаго, конечно, не можетъ быть приравнена къ цѣности рабочихъ дней, которые крестьяне должны употребить на исправленіе дорогъ и мостовъ.

**) Подвозная повинность постановленіемъ ландтага 1888 года (циркулярное предписаніе лифляндскаго губернатора 9 декабря 1888 г. за № 7567) переведена нѣтъ на деньги и включена въ число губернскихъ земскихъ повинностей; слѣдовательно возложена также и на мызную землю. Фуражно-почтовая повинность нѣтъ переводится на деньги, причемъ предполагается въ самомъ непродолжительномъ времени привлечь къ участию въ ней мызные земли на общихъ основаніяхъ. Почтово-строительная повинность въ значительной степени также переведена на деньги и разложена на мызные и крестьянскія земли по способу, принятому для разкладки приходскихъ повинностей.

условія жизни губерній внутренних, таковыя условія Лифляндіи совершенно чужды. Говоря о натуральных повинностях въ лифляндской губерніи — термину этому придаютъ обыкновенно то же значеніе, которое онъ имѣетъ въ губерніяхъ внутреннихъ; между тѣмъ эти два понятія сходнаго имѣютъ очень мало. По смыслу имперскаго закона о земскихъ повинностяхъ*), натуральной повинностью называется такая, которая исполняется натурою по нарядамъ или очередяхъ или иному установленному для того порядку. Натуральная повинность есть такимъ образомъ повинность личного труда, личной работы, напоминающая барщину, отправляемую населеніемъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Нужно напр. исправить дорогу — полиція наряжаетъ рабочихъ отъ полости, принимая въ случаѣ надобности принудительныя мѣры для притока этихъ рабочихъ и понужденія ихъ къ работѣ. Привилегированные классы (дворянство) по сословнымъ правамъ своимъ освобождены отъ такихъ нарядовъ, отъ такого принудительнаго личного труда, а потому, естественно, что весь этотъ принудительный трудъ, вся тяжесть натуральныхъ повинностей падаетъ на крестьянское населеніе. Въ Лифляндіи наблюдается совсѣмъ иное. Хотя начало натуральныхъ повинностей и здѣсь также лежало въ принудительномъ крестьянскомъ трудѣ, но такъ какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости имѣло здѣсь мѣсто гораздо ранѣе, нежели во внутреннихъ губерніяхъ, то связь между сословными правами земле-

*) См. ст. 2 т. IV св. зак. 1857 года (указъ о земскихъ повинностяхъ).

владѣльца и обязанностью его по исполненію натуральных повинностей въ Лифляндіи давно уже исчезла. Подобно тому какъ въ отношеніи права представительства за землю сословныя права землевладѣльца не имѣютъ никакого значенія, какъ это изяснено на стр. 55, точно также не имѣютъ значенія эти сословныя права и по отношенію къ выполненію обязанностей (попийностей). Не состояніе землевладѣльца даетъ права представительств и налагаетъ обязанности на принадлежащую ему землю, а на оборотъ — сама земля по своимъ свойствамъ даетъ права землевладѣльцу и налагаетъ на него повинности. Крестьяне въ Лифляндіи несутъ натуральную повинность не потому, что они крестьяне, а потому, что они владѣютъ крестьянской землей (мелкое землевладѣніе). Дворяне освобождены отъ этихъ повинностей не потому, что они дворяне, а потому, что они владѣютъ дворянскими вотчинами (крупное землевладѣніе). Крестьянинъ, купившій дворянскую вотчину, какъ это случается отъ времени до времени, тѣмъ самымъ освобождается отъ натуральных повинностей. Дворянинъ, приобретающій крестьянскую усадьбу, какъ это бываетъ весьма часто, тѣмъ самымъ налагаетъ на себя натуральную повинность. Большая часть такъ называемой крѣпостной земли (земли податной) принадлежитъ и нынѣ дворянству, но эта принадлежность не избавляетъ крѣпостную землю отъ исполненія натуральных повинностей, которыя дворяне-землевладѣльцы исполняли съ 1849 года и нынѣ исполняютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ исполняютъ ихъ крестьяне. Къ тому же связь между понятіемъ о барщинѣ и понятіемъ о натуральной повинности до такой степени исчезла въ

Лифляндіи, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о томъ порядкѣ принудительнаго выполненія этихъ повинностей, какой имѣеть мѣсто во внутреннихъ губерніяхъ. Такая-то полость не выполняла своей доли дорожной повинности по исправленію участковъ приписаннаго къ волости дорожнаго контингента. Начальнику уѣзда или бывшему ордингерихтеру, на отвѣтственности котораго лежитъ исправное состояніе дорогъ, не могло и въ голову придти выгнать волость изъ нарядъ для исправленія этихъ участковъ. Полиція ограничивается напominаніемъ волостному старшинѣ о понужденіи крестьянъ къ выполненію своей обязанности, налагаетъ изысканія на старшину (въ Курляндіи до послѣдняго времени полиція имѣла право налагать денежные штрафы на неисправныхъ крестьянъ), и въ крайнемъ случаѣ ремонтъ дороги производится на счетъ виновнаго*). Таковыя понудительныя мѣры предлагаются до настоящаго времени ко всемъ владѣльцамъ податныхъ земель безразлично: принадлежатъ ли онѣ дворянамъ или крестьянамъ, и лифляндское дворянство черезъ это нисколько не чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ своихъ сословныхъ правахъ.

Если послѣ подобнаго разъясненія поставить вопросъ: имѣется ли какое-нибудь основаніе къ освобожденію мытной земли отъ выполненія натуральныхъ повинностей, то, забывши о сословныхъ правахъ крестьянъ и дворянъ, слѣдуетъ поставить этотъ вопросъ такъ: есть ли основаніе, въ виду существующихъ аграрныхъ условій страны, давать канія-либо и притомъ особенно важныя

*) Печатный указъ имп. губ. правл. № 115 — 1867 г. Ст. 412 крест. вол. 1860 г.

преимущества и привилегіи крупному землевладѣнію? Всякій знакомый съ аграрными условіями Лифляндіи неминуемо дастъ отвѣтъ, что крупное землевладѣніе поставлено здѣсь столь самостоятельно и столь солидно, что оно не нуждается въ какихъ либо привилегіяхъ. Посему нынѣ существующая привилегія мызной земли относительно отпращиванія натуральныхъ повинностей не только есть несправедливость въ смыслѣ нравственномъ, но и составляетъ положеніе невыгодное въ экономическомъ отношеніи. Такимъ образомъ уравненіе въ отношеніи исполненія натуральныхъ повинностей мызной и крестьянской земли является неотложной необходимостью; причемъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, никакихъ практическихъ затрудненій для осуществленія этой мѣры не предвидится, ибо она ни въ чемъ не противорѣчитъ духу лифляндскаго земскаго права.

III.

Третьимъ недостаткомъ существующаго земскаго устройства Лифляндіи слѣдуетъ считать двойственность въ порядкахъ взиманія и расходованія земскихъ суммъ. Въ лифляндской губерніи существуютъ двѣ, независимыя другъ отъ друга, земскія кассы. Произошло это слѣдующимъ образомъ. До 1881 года, когда поднятъ былъ вопросъ о введеніи въ Лифляндію мировыхъ учреждений, единственнымъ предметомъ земскаго обложенія была земля, облагаемая какъ сызгано выше. Изъ сборовъ, взимаемыхъ съ земли, удовлетворялись всѣ крайне ограниченныя губернскія земскія потребности, общая сумма которыхъ, вслѣдствіе существованія

въ губерніи, въ большомъ масштабѣ, натуральнаго способа выполненія этихъ повинностей, а равно и вследствие перенесенія удовлетворенія большей части земскихъ потребностей на приходскія учрежденія, была весьма ограничена. Она не превышала въ то время 150—170 тысячъ рублей въ годъ; выключая отсюда 16 тыс. руб., т. е. ту долю земскихъ повинностей, которая падаетъ на казенные имѣнія, составляющія изъ общей сложности приблизительно $\frac{1}{10}$ всѣхъ дворянскихъ имѣній, оставшая сумма выразится цифрой 135—155 тысячъ руб. При раскладкѣ этой суммы на 620,000 талеровъ податной земли частныхъ имѣній, на каждый талеръ приходилось по 22—25 копѣекъ — налогъ нисколько не обременительный для столь сравнительно богатой и культурной губерніи, какова лифляндская. Смытъ на расходованіе этого сбора составлялась очереднымъ ландратомъ и утверждалась губернскимъ правленіемъ. Сборщикомъ земскихъ податей былъ тотъ же ландратъ, рассылавшій окладные листы по имѣніямъ и принимавшій сборы въ земскую кассу. Изъ этихъ денегъ удовлетворялись всѣ расходы по содержанію уѣздной полиціи, тюремъ, воинскихъ присутствій, квартирнаго и разѣднаго довольствія судебныхъ слѣдователей, по пересылкѣ арестантовъ и пр. Такъ взимаются и расходуются эти деньги и по-нынѣ. Но когда зашла рѣчь о введеніи въ Лифляндію мировыхъ учрежденій, когда на земскій счетъ отнесено содержаніе этихъ учрежденій, а также приказа общественнаго призрѣнія и помѣщеній для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей, — каковыя расходы требуютъ до 284,000 рублей въ годъ, — сухому это очевидно не было

22-25

возможности отнести на сборъ, собираемый съ одной лишь земли, въ особенности если принять въ соображеніе условія обложенія, т. е. что облагалась лишь культурная и притомъ одна только крестьянская земля. Посему и оказалось необходимымъ распространить на прибалтійскія губерніи правило, существующее для внутреннихъ губерній, въ силу котораго въ земскіе сборы поступаютъ также сборы съ торговли и промышленности, съ патентовъ на продажу крепкихъ напитковъ, съ городскихъ недвижимостей и проч., на основаніяхъ изложенныхъ въ прилож. къ ст. 6 положенія о земскихъ учрежденіяхъ (см. зак. т. II часть I по продолж. 1892 г.). Такъ какъ правительство не рѣшилось довѣрить эти послѣдніе сборы тѣмъ крайне неопредѣленнымъ и центральному правительству почти неизвѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ, которыя нынѣ существуютъ въ ливондской губерніи, то взиманіе и расходваніе этихъ сборовъ возложено на правительственные учрежденія, а именно на особое присутствіе губернскаго правленія*) и на казенную палату. Такимъ образомъ, какъ сказано выше, въ ливондской губерніи имѣются двѣ земскія кассы и два способа взиманія и расходванія земскихъ суммъ. Сборы съ торговли и промышленности взимаются по окладнымъ листамъ, рассылаемымъ казенной палатой, и поступаютъ въ казначейства, откуда и расходуются по трехъ-годичнымъ сметамъ, утверждаемымъ въ законодательномъ порядкѣ, на содержаніе мировыхъ учрежденій, арестныхъ домовъ и приказа общественного призрѣнія,

*) Прим. 4 къ ст. 27 устава о земскихъ повинностяхъ. Т. IV см. зак. по прод. 1893 года.

подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ губерніяхъ, неимѣющихъ земскаго устройства. Сборы на удовлетвореніе прочихъ земскихъ потребностей взимаются съ кулятурной земли очереднымъ ландратомъ, поступаютъ въ особую, состоящую при ландратской коллегіи, земскую кассу и расходуются по годовымъ сѣткамъ, составляемымъ той же коллегіей и утверждаемымъ губернскимъ правленіемъ, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ губерніяхъ земскихъ.

Кромѣ этихъ двухъ кассъ существуетъ третья, почтовая касса, куда поступаютъ денежные сборы по отправленію почтовой: фуражной и строительной повинности, кановые сборы также, какъ и общіе земскіе, взимаются и расходуются очереднымъ ландратомъ при посредствѣ особаго почтового управленія, содержащаго на счетъ дворянства. Отдѣленіе почтовой кассы отъ земской въ прежнее время имѣло основаніе. До 1851 года фуражная повинность отбывалась натуральной поставкой крестьянамъ овса, сѣна, соломы и дровъ въ разъ навсегда для каждаго пмѣнія установленномъ и не подлежащемъ измѣненію размѣрѣ, причемъ размѣръ этотъ*) опредѣленъ еще въ прошломъ столѣтіи, когда имѣнія въ Лифляндіи вовсе не были оцѣнены и не было никакихъ земскихъ списковъ, такъ что о равномерности

*) Общій размѣръ этихъ повинностей составлялъ 14,673 четверти овса, 146,942 пуда сѣна, 13,195 пудовъ соломы и 3,686 сажень дровъ. Изъ этого числа нынѣ сталины 5,764 четверти овса, 31,623 пуда сѣна и всѣ дрова, волости же — 8,908 четвертей овса, 115,318 пудовъ сѣна и всѣ солому. Подвозъ всѣхъ этихъ припасовъ, какъ поставленныхъ мыземъ, такъ и волостями, ввозаглася на крестьянскую землю (см. печ. укр. лист. губ. правл. отъ 29 сентября 1851 г. за № 60/8612).

этой раскладки не может быть и рѣчи. Повинности эти считаются реальными *). Фуражъ и строительные материалы ставились населеніемъ непосредственно на почтовыхъ станціи, для чего всѣ имѣнія губерніи были росписаны по почтовымъ станціямъ, образуя особые почтово-строительные округа. Денежныхъ почтовыхъ повинностей въ то время вовсе не было, почему не могло быть и почтовой кассы. Въ 1860 году, т. е. съ постройкой риги-дининской желѣзной дороги, нѣкоторыя изъ почтовыхъ станцій были сняты, вслѣдствіе чего имѣнія, приписанныя къ этимъ станціямъ, во избѣжаніе перевозки фуражныхъ и строительныхъ припасовъ на станціи, находящіяся въ слишкомъ большомъ отъ нихъ разстояніи, были съ натуральной повинности переведены на денежную. Еще болѣе почтовыхъ станцій снято было съ открытіемъ движенія по недавно отстроенной риги-псковской желѣзной дорогѣ, почему, по вышеизложенныхъ соображеніямъ, приходилось на этотъ разъ уже весьма большое число имѣній перевести съ натуральной на денежную повинность. Обстоятельство это, а равно и затруднительность для волостей перевозки фуража иногда на весьма большія разстоянія заставило губернскае начальство въ 1890 году предложить мызымъ управленіямъ и сходкамъ дворохозяевъ всей губерніи

*) Реальная (поземельная) повинность (onus reale), — каковая повиннѣ въ русскомъ правѣ не существуетъ, — есть особый родъ повинностей, существо обязательности которыхъ положено въ ст. 1297—1334 т. III св. мѣстн. узаконеній для губ. окт. Согласно 1297 ст. реальной повинностью называется обязанность на недвижимости обьявлять по столѣно отбѣивать въ чью-либо пользу известными денежными, натуральными или личными тягостями. Обязательность этой повинности мѣстное законодательство основываетъ на гражданскомъ, а не на публичномъ правѣ.

обсудить вопросъ: не пожелаютъ ли они всю слѣдующую съ нихъ фуражную повинность перевести на деньги по весьма выгоднымъ для нихъ цѣнамъ, именно: 3 р. 30 к. за четверть осяа, 30 коп. за пудъ сѣна, 15 коп. за пудъ соломы и 1 р. 44 к. за сажень дровъ. Всѣ почти мѣстные управленія и многія волости изъявили на это свое согласіе, вслѣдствіе чего поставка фуража и дровъ на станціи зачтена была для нихъ соотвѣтственнымъ денежнымъ сборомъ. Такимъ образомъ при управленіи почтовыми станціями образовалась почтовая касса, въ которую стало ежегодно поступать свыше 63,000 рублей. Такъ какъ въ Лифляндіи также, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ, почтовая гонимъ не даетъ дохода, а напротивъ требуетъ отъ почтоваго управленія значительныхъ приплатъ, то въ прежнее время, при большомъ числѣ и многоколичности содержащихся дворянствомъ станцій, установленный сборъ на ихъ содержаніе оказывался недостаточнымъ, вслѣдствіе чего дворянство привуждено было приплачивать ежегодно изъ своей дворянской кассы отъ 10 до 12 тысячъ рублей въ годъ. Когда же число станцій, вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ, значительно уменьшилось, причемъ взимаемая съ имѣній фуражная повинность, какъ повинность реальная, не подверглась никакому измѣненію, поступления въ почтовую кассу стали не только вполне достаточными для содержанія станцій безъ какихъ либо приплатъ со стороны дворянства, но отъ фуражныхъ повинностей ежегодно оставался довольно значительный остатокъ, зачисляемый въ особый почтовый капиталъ. Это обстоятельство побудило въ 1893 году губернское начальство

еще болѣе уменьшать оцѣнку стоимости припасовъ *), ставимыхъ имѣніями на станціи, вслѣдствіе чего нынѣ всѣ почти волости нашли для себя выгоднымъ перейти съ натуральной на денежную повинность. Разъ такъ фуражная повинность переведена на деньги, получается полная возможность сдѣлать вполне правильную раскладку этой повинности по имѣніямъ и волостямъ, привлекая къ ея отправленію мызную землю на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ съ 1890 года привлечена эта земля къ отправленію общихъ губерскихъ земскихъ повинностей. Засимъ въ самое непродолжительное время почтовую кассу предполагается вовсе упразднить, присоединявъ ее къ общей земской кассѣ, на счетъ которой и будетъ содержаться почтовая гоньба въ губерніи.

Изъ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что приходскіе сборы и сборы на потребности лютеранской церкви взимаются (также исключительно съ культурной земли) приходскими и церковными попечителями, поступаютъ въ приходскую и церковную кассы и расходуются тѣми же попечителями по ежегодно составляемымъ смѣтамъ, утверждаемымъ губернскимъ правленіемъ.

IV.

Четвертый недостатокъ существующаго земскаго устройства лифляндской губерніи состоитъ въ томъ, что въ число земскихъ повинностей включены и повин-

*) Нынѣ стоимость этихъ припасовъ опредѣлена: 2 р. 88 к. за четверть овса, 25 к. за пудъ сѣна и 10 к. за пудъ соеи. Сравнивъ эти цѣны съ дѣйствительно въ губерніи существующими цѣнами на фуражъ, легко убѣдиться, что въ настоящее время тягость фуражной повинности уменьшилась на 30 почти процентовъ.

ности въ пользу лютеранской церкви и лютеранскаго духовенства, которые до настоящаго времени содержались также землей. Эти повинности раздѣляются на два разряда: 1) постоянныя, уплачиваемыя приходами согласно такъ называемымъ регулятивамъ, которыя, будучи разъ навсегда опредѣлены для каждаго имѣнія, уплачиваются изъ года въ годъ мысами и волостями, и 2) годовыя, опредѣляемыя смѣтами, ежегодно составляемыми церковными конвентами. Въ эти смѣты входятъ, въпервыхъ, такъ называемая строительная повинность, т. е. повинность по содержанію пасторатскихъ и церковныхъ зданій, а также и другіе расходы по удовлетворенію различныхъ потребностей лютеранскихъ церквей и приходскихъ школъ, такъ-то: страхованіе зданій, очистка трубъ, жалованье приходскому учителю и т. д.

Въ прежнес время, когда всѣ обитатели люфляндской губерніи поголовно были лютеране, это смѣшеніе земскихъ и церковныхъ повинностей не имѣло никакихъ неудобствъ. Вся земля была такъ сказать лютеранская. Лютеранская церковь была церковью земскою. Она такъ и называлась *Landeskirche*. А потому, исходя изъ той точки зрѣнія, что по лютеранскому вѣроученію церковь есть не столько духовный, сколько гражданскій институтъ, который населеніе обязано содержать также, какъ обязано содержать оно полицію, мировой судъ и тому подобныя гражданскія учрежденія, иногда правильно было и церковныя повинности наложить на землю, распредѣляя ихъ пропорціонально цѣнности поземельныхъ имуществъ и освобождая отъ этихъ повинностей беззе-

мелкихъ крестьянъ, какъ менѣе имущихъ. Но съ теченіемъ времени обнаружались важныя неудобства такого смѣшенія церковныхъ и земскихъ повинностей, усугубляемыя значительными недостатками въ организаціи взиманія этихъ повинностей, установившейся еще съ самыхъ отдаленныхъ временъ и съ тѣхъ поръ не подвергавшейся какому либо измѣненію.

Чтобы выяснитъ себѣ неудобства, сопряженныя со взиманіемъ постоянныхъ (регулятивныхъ) повинностей, необходимо бросить взглядъ на историческое происхожденіе этихъ повинностей.

Начало ихъ кроется въ самой глубокой древности, имѣя связь съ той десятиной, которая установлена была моисеевымъ закономъ. Во времена крѣпостнаго права, члены прихода, т. е. владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, дѣлили между собой складки на содержаніе приходской церкви и ея священнослужителей. Складки эти заключались въ поставкѣ рабочихъ дней (ковныхъ и пѣшихъ) въ тѣхъ пасторатахъ, которые не имѣли собственныхъ крестьянъ, а равно и въ поставкѣ хлѣба, дровъ, различныхъ съѣстныхъ припасовъ, живности, дичи, рыбы и пр., смотря по тому, какіе изъ этихъ припасовъ были въ распоряженіи вотчинниковъ; причемъ размѣръ этихъ поставокъ, начавшихся еще въ то время, когда никакихъ земскихъ списковъ не было, состоялъ конечно, въ зависимости отъ размѣра поставлявшей ихъ вотчины, определялся исключительно доброй волей вотчинника и степенью его религіозности. Въ двидцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія приступлено было къ составленію устава евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи, причемъ, между

прочимъ совершенно естественно, возбужденъ былъ вопросъ и о матеріальномъ обеспеченіи лютеранской церкви и духовенства. Такъ какъ условія жизни прибалтійскаго края законодательнымъ органамъ были вполне неизвѣстны, и никакихъ, носящихъ научный характеръ, изслѣдованій края въ то время произведено не было, то вопросъ объ обеспеченіи церкви и духовенства въ балтійскихъ губерніяхъ разрѣшенъ былъ тѣмъ способомъ, какимъ разрѣшались въ новомъ уставѣ всѣ почти вопросы по разработкѣ различныхъ деталей церковнаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ, а именно: все оставлено по старому. Такимъ образомъ въ уставѣ этомъ появился § 463*), гласящій: „сборы и даннія какого либо рода въ пользу церкви, до 28 декабря 1832 года на основаніи законныхъ предписаній или древнихъ обычаевъ допускавшіеся, не могутъ безъ Высочайшаго соизволенія быть ни увеличиваемы, ни уменьшаемы или отменены“.

Неопредѣленность содержанія этой статьи была исправлена Высочайше утвержденнымъ 21 января 1836 г. мнѣніемъ комитета министровъ, которымъ предписано прибалтійскому генералъ-губернатору сдѣлать распоряженіе о регистраціи всѣхъ сборовъ, существовавшихъ до 28 декабря 1832 г., съ тѣмъ чтобы засимъ получить возможность въ точности выполнить § 463 уст. евангелическо-лютеранской церкви. Въ исполненіе такого порученія, по распоряженію генералъ-губернатора составлены были особыми коммисіями списки этихъ повинностей, которые, получивъ утвержденіе главнаго начальника края,

*) См. зап. 1837 года т. XI ч. 1 ст. 608.

подъ названіемъ „регулятивовъ“*), и служить до настоящаго времени единственнымъ основаніемъ ко взимаію постоянныхъ сборовъ въ пользу лютеранской церкви, напоминающихъ собой сборъ, существовавшій некогда и въ пользу православнаго духовенства во внутреннихъ губерніяхъ подъ названіемъ „руги“. Во всемъ прибалтійскомъ краѣ повинностямъ въ пользу лютеранской церкви и пасторовъ по мѣстнымъ воззрѣніямъ придастся реальный характеръ**), каковой характеръ, не будучи прямо опредѣленъ какимъ либо положительнымъ закономъ, подтверждается однако многими правительственными распоряженіями***). Заключая къ себѣ точный списокъ повинностей, установившихся еще въ прошломъ и предпрошломъ столѣтіяхъ, ливонскіе регулятивы закрѣпляютъ такимъ образомъ порядки, существовавшіе въ столь отдаленныя времена. Между тѣмъ съ прошлаго столѣтія измѣнился весь строй существовавшихъ въ то время въ прибалтійскомъ краѣ отношеній, измѣнились

*) Полный для всехъ приходовъ ливонской губерніи регулятивъ (смыслъ повинностей въ пользу лютеранскихъ священнослужителей) былъ изданъ по распоряженію ливонскаго губернатора въ 1888 году въ весьма небольшомъ количествѣ экземпляровъ, такъ какъ изданіе это (автографированное) предназначалось исключительно для пользованія лицъ и учреждений крестьянскаго и земскаго управленія. Это весьма рѣдкое изданіе заключаетъ въ себѣ много чрезвычайно интересныхъ матеріаловъ для изслѣдованія бытовой стороны свѣдѣтельнаго лютеранской церкви въ Ливоніи.

**) Понятіе о реальныхъ повинностяхъ разъяснено въ примѣчаніи на страницѣ 102.

***). Резолюція прибалтійскаго генералъ-губернатора 7 апрѣля 1773 г. Резолюція юстицъ-коллегіи 11 декабря 1769 г. Журналъ сенатскаго комитета отъ 4 апрѣля 1864 г. Сепаратный указъ правительствующаго сената (по ливонской губерніи) 19 апрѣля 1863 года изъ № 21888 и другіе.

аграрныя и экономическія условія, измѣнилась сущность земскихъ потребностей и даже измѣнилась производительность страны.

Не говоря уже о томъ, что при вышеописанномъ образованіи церковныхъ повинностей не можетъ быть и рѣчи о равномерности въ распредѣленіи ихъ между населеніемъ, выполненіе регулятивныхъ повинностей на практикѣ сопряжено съ величайшими затрудненіями.

Въ прежнес время, когда деньги были очень рѣдки и дороги, а трудъ, въ особенности крѣпостной, цѣнился наоборотъ, очень низко, когда всѣ полевые и хозяйственныя работы въ имѣніяхъ производились исключительно барщиной, большая часть церковныхъ повинностей заключалась въ поставкѣ для пастората известнаго числа полевныхъ рабочихъ, при помощи которыхъ содержался въ исправности пасторатъ и обрабатывались пасторатскія поля. Въ общей массѣ регулятивныхъ повинностей поставка рабочихъ играетъ наиболѣе видную роль. Экономическія условія нынѣ измѣнились. Многія изъ современныхъ потребностей домашнего хозяйства нынѣ гораздо выгоднѣе удовлетворить наемнымъ, нежели обязательнымъ трудомъ. Многіе предметы выгоднѣе заказать, нежели изготовить своими рабочими. Между тѣмъ, значительное количество рабочихъ дней, которыми обязаны мызы и волости для выполненія регулятивныхъ повинностей, въ высшей степени обременяетъ населеніе, принося въ то же время весьма мало пользы пастору, вслѣдствіе непроизводительности всякаго обязательнаго труда. Перенести же на деньги эту издѣльную повинность невозможно, ибо въ сложности общае число рабочихъ дней,

упадающихъ на волости, переведенное на деньги по пыѣбнымъ высокимъ цѣнамъ, составить сумму непосильную для населенія; цѣны же, существовавшія въ моментъ составленія регулятивовъ, опредѣлить крайне затруднительно, а въ большей части случаевъ и невозможно.

Въ пражнее время, когда вотчиннику принадлежали вся земля какъ мызная, такъ и крестьянская, да и сами крестьяне были крѣпостными, не могло быть и рѣчи о распредѣленіи регулятивныхъ повинностей между мызной и крестьянской землей имѣнія. Поэтому при составленіи регулятивовъ многихъ приходовъ вотчинники, по показаніямъ которыхъ списки повинностей составлялись, ограничивались показаніемъ, что такую-то повинность наставу ставить имѣніе (т. е. совокупность мызной и крестьянской земли). Въ настоящее время между мызной и крестьянской землей проведена рѣзкая демаркаціонная черта. Связь между мызой и волостью во многихъ имѣніяхъ, гдѣ земля продава, совершенно уничтожилась, и когда возникъ вопросъ: какъ распредѣлить повинности, лежащія на всемъ имѣніи, между мызной и волостной землей, — въ законѣ не нашлось разрѣшенія по этому вопросу; послѣдствіе чего ливляндскій губернаторъ, примѣнявъ къ порядку отиравленія церковныхъ повинностей, указанному въ 519 ст. крест. под. 1819 года, вынужденъ былъ издать разъясненіе, что повинности въ такомъ случаѣ дѣлятся пополамъ: половину платить мыза, а половину — волость *).

*) См. циркулярное предписаніе ливляндскаго губернатора отъ 3 мая 1888 года № 3597. Журналъ ливляндскаго губернскаго правленія 1 апрѣля 1888 г. № 267. (По витанскому приходу).

По регулятивамъ нѣкоторыхъ приходовъ, лежащихъ на прибрежьи Чудскаго или другихъ озеръ, имѣнія обязаны поставлять пасторамъ такое-то количество такого-то сорта рыбы. До сороковыхъ годовъ, т. е. до времени составленія регулятивовъ, рыба эта существовала во множествѣ въ озерахъ ливонской губерніи. Но нынѣ она въ значительной степени выловлена, и достать ее можно лишь за весьма высокую цѣну, уплаты которой отъ населенія положительно невозможно требовать. Какъ поступить для того, чтобы не нарушить 608 ст. 1 ч. XI т. св. зак. 1857 г. о неизмѣнности доходовъ проповѣдника?

По регулятивамъ нѣкоторыхъ приходовъ, прихожане обязаны доставлять пастору столько-то паръ обуви. Со времени составленія регулятивовъ тилъ обуви переѣхался. Возникаетъ вопросъ: какую обувь ставить — ту ли, которая ставилась во времена составленія регулятивовъ, и которую нынѣ и достать нельзя, или современную, которая въ заготовленіи обходится значительно дороже?

Для устраненія этихъ и тому подобныхъ затрудненій и запутанностей, губернскими правленіемъ, въ случаѣ поступленія жалобъ, принимаются мѣры, но конечно паліативнаго характера, въ родѣ, напримѣръ, полюбовнаго соглашенія между заинтересованными лицами, изданія разъясненій, дополненій и даже новыхъ постановленій; но очевидно, что мѣръ этихъ недостаточно для разрѣшенія всѣхъ встрѣчающихся на практикѣ недоразумнѣйшій, ибо невозможно наваунѣ XX столѣтія въ такомъ жизненномъ дѣлѣ, какъ дѣло земское, держаться законовъ XVIII и XVII вѣковъ*).

*) При примѣненіи на практикѣ старинныхъ законовъ, регулирующихъ церковныя повинности, случаются иногда комическіе эпизоды.

Въ лифляндской губерніи въ послѣднее время не однократно бывали случаи, что сами пасторы, не видя средствъ какъ помирить противурѣчіе между закономъ и условіями дѣйствительной жизни, тяготясь сложной процедурой, связанной со взысканіемъ нѣкоторыхъ регулятивныхъ повинностей, добровольно отъ нихъ отказывались, лишаясь законныхъ своихъ доходовъ вопреки 608 ст. I част. XI тома.

По отношенію къ повинностямъ втораго рода, т. е. ямлагаскымъ ежегодно по постановленіямъ церковныхъ конвентовъ, казалось, должно бы встрѣчаться менѣе затрудненій, ибо накладывающія эти повинности учрежденія естественно болѣе примѣняются къ условіямъ времени. Но и въ отправленіи этихъ повинностей является немало затрудненій вслѣдствіе сохраненія за лютеранскою церковью характера земскаго учрежденія. Особенно много запутанности вносить въ отправленіе церковныхъ повинностей то обстоятельство, что съ 1840 и въ особенности съ 1845 года въ Лифлядіи возникло и стало быстро распространяться православіе. Охраняя достоинство православной церкви, правительство не могло, конечно, допустить, чтобы православные жители прибалтійскихъ губерній обложены были налогомъ въ пользу иновѣрной церкви. Послѣдовали многочисленные Высо-

Тѣмъ, по регулятиву одного изъ приходовъ юрьевскаго уѣзда, пасторъ долженъ, въ числѣ прочихъ повинностей, получать съ крестьянъ ежегодно довольно значительное количество куръ. Потому ли, что пасторъ не требовалъ своевременнаго выполненія этой повинности, или же по неисправности нѣмательщиковъ, на волостяхъ образовалась недоимка въ 700 куръ. Полицейскимъ чиновнѣмъ приходилось изыскивать особые приемы, каковыя образомъ собрать эту необычайную недоимку экзекуціоннымъ порядкомъ и доставить ее пастору.

чайшія повелѣнія, освобождающія православныхъ отъ такихъ налоговъ*). Но примѣненіе на практикѣ новыхъ законовъ въ Финляндіи встрѣтило величайшія затрудненія, не столько вслѣдствіе оппозиціи, оказываемой дворянствомъ и духовенствомъ такому уменьшенію доходовъ лютеранской церкви, сколько вслѣдствіе того, что законы эти въ корнѣ расходились съ неотмѣненными старинными земскими законами. На основаніи этихъ старинныхъ законовъ лютеранская церковь признавалась церковью земскою; церковныя повинности были также повинностями земскими и притомъ реальными, т. е. лежащими не на людяхъ, а на землѣ, обязательность которыхъ для земли этой истекла изъ гражданскаго права. Нисколько не затрогивая этихъ общихъ положеній существующаго земскаго права, какъ бы игнорируя ихъ, новый законъ имѣлъ цѣлью разрѣшеніе лишь частнаго вопроса: объ обложеніи церковными повинностями лицъ православнаго исповѣданія. Разрѣшивъ этотъ вопросъ освобожденіемъ этихъ лицъ отъ вышеназванныхъ повинностей, законодательство тѣмъ самымъ устанавливало новый принципъ, діаметрально противоположный существовавшему прежде и донынѣ неотмѣненному, тѣмъ какъ въ силу новаго принципа — церковныя повинности лежать не на землѣ, а на людяхъ. Этой двойственностью въ законодательствѣ только и можно объяснить то чрезвычайно странное явленіе, что, не смотря на неоднократно Высочайшія повелѣнія о возземаціи съ православныхъ повинностей въ пользу лютеранской церкви, даже высшія привитель-

*) Црим. въ ст. 608 ч. 1 т. XI св. зак. изд. 1857 г. Высочайшія повелѣнія 14 декабря 1846 г., 29 декабря 1853 г. и 14 мая 1886 г.

ственными учрежденіи, какъ наприхѣръ правительствующій сенатъ и остзейскій комитетъ, — которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ оппозиціи, — тѣмъ не менѣе постановляли рѣшенія, несогласныя со смысломъ этихъ Высочайшихъ повелѣній*). Вслѣдствіе совмѣстнаго существованія двухъ нѣскольکو между собой несогласованныхъ системъ отпращиванія церковныхъ повинностей возникаетъ, естественно, множество недоразумѣній. Положимъ, наприхѣръ, существуетъ волость въ 40 крестьянскихъ дворовъ, которые по регулятиву обязаны платить мѣстному пастору 20 четвертей ржи. Изъ числа этихъ дворовъ, 20 перешли въ собственность лицъ православнаго исповѣданія, на основаніи закона освобожденныхъ отъ какихъ бы то ни было налоговъ въ пользу лютеранской церкви и ея священнослужителей. Спрашивается — какъ поступить? По закону, содержаніе пастору не можетъ быть уменьшено. Пасторъ, какъ получалъ прежде 20 четвертей ржи, такъ долженъ получать ихъ и нынѣ. Между тѣмъ, не только несправедливо было бы заставлять 20 дворохозяевъ платить то, что платили прежде 40 человекъ, но и противозаконно, ибо повинность въ 20 четвертей лежала по закону на всей волости, а не на половинѣ ея.

Въ Лифляндіи есть нѣсколько дворянскихъ вотчинъ, принадлежащихъ лицамъ православнаго исповѣданія. Какъ многократно въ настоящемъ изслѣдованіи упоминалось, церковныя, какъ и всѣ вообще земскія, повинности сводятся, преимущественно, къ производству

*) Рѣшенія эти приведены въ приложеніи на страницѣ 108.

тѣхъ или другихъ строительныхъ работъ, причемъ матеріалы ставятся помѣщичьей землею, крестьяне же обязаны подвозить этотъ матеріалъ къ мѣсту постройки и поставить рабочихъ. Православный помѣщикъ освобождается отъ поставки матеріала. Тѣмъ самымъ крестьяне, несмотря на то, что они лютеранскаго исповѣданія, освобождаются отъ закономъ наложенной на нихъ обязанности по подвозкѣ матеріала возбуждая справедливое неудовольствіе сосѣднихъ волостей, жители которыхъ не могутъ постигнуть, почему они обязаны исполнять такія повинности, отъ которыхъ единоувѣрные имъ сосѣди освобождены только потому, что помѣщикъ принадлежитъ къ православному исповѣданію.

Не меньшія затрудненія встрѣчаются и при раскладкѣ повинностей по постановленіямъ церковныхъ конвентовъ. Повинности эти разлагаются между волостями по земскому списку 1832 года, пропорціонально числу талеровъ, считающихся по списку этому въ каждой волости. Между хозяевами же они разверстываются по накенбуху или пропорціонально числу талеровъ каждой крестьянской усадьбы. Въ случаѣ если въ числѣ хозяевъ есть православные, необязанные уплачивать лютеранскихъ церковныхъ повинностей, раскладка становится неправильной, ибо, естественно, на каждый талеръ хозяина такой волости падаетъ больше налоговъ, нежели на талеръ такой волости, гдѣ православныхъ нѣтъ. Обстоятельство это вынуждаетъ раскладывающія учрежденія прибѣгать къ такимъ ухищреніямъ, какъ снабженіе земля исповѣднымъ характеромъ, причемъ одни талеры считаются лютеранскими, а другіе право-

славными, смотря по тому, принадлежать ли они православному или лютеранскому хозяину. Является такимъ образомъ новая категоризація земель, съ подраздѣленіемъ ихъ на земли лютеранскія и земли православныя. Положеніе очевидно нехлѣбное, но нехлѣбность эта логически истекаетъ изъ того кореннаго положенія лифляндскаго земскаго законодательства, которое включаетъ церковныя повинности въ число повинностей земскихъ.

Неправильность постановки вопроса о церковныхъ повинностяхъ неминуемо должна была весьма невыгодно отразиться и на организаціи приходскихъ учреждений. Такъ въ дѣйствительности и случилось. Въ прежнес время, когда православныхъ въ Лифляндіи не было, земскимъ хозяйствомъ прихода, и между прочимъ и церковными дѣлами, завѣдывалъ одинъ конвентъ, называемый или приходскимъ (Kirchspiels-Convent) или церковнымъ (Kirchen-Convent), въ составъ котораго, какъ сказано на страницѣ 7, входили всѣ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ прихода и всѣ волостные старшины. Съ распространеніемъ православія между лифляндскимъ крестьянскимъ населеніемъ, въ составъ конвентовъ появились въ лицѣ волостныхъ старшинъ и члены православнаго исповѣданія, которымъ, естественно, неудобно было поручить завѣдываніе дѣлами лютеранской церкви. Обстоятельство это послужило причиной тому, что въ 1870 г. прибалтійскій генералъ-губернаторъ, согласно съ постановленіемъ ландтага, вынужденъ былъ сдѣлать распоряженіе*), въ силу котораго прежніе конвенты сельскихъ

*) Печ. указъ зап. губ. правл. 16 октября 1870 г. № 128.

приходовъ раздѣлялись: на приходскіе конвенты, въ коихъ подлежатъ обсужденію земскія дѣла, не касающіяся лютеранскихъ церквей и школъ, и на церковно-училищные конвенты, предназначенные для заведыванія исключительно дѣлами, касающимися церквей и школъ. Составъ перваго изъ этихъ конвентовъ остался прежній, т. е. въ немъ принимаютъ участіе всѣ владѣльцы вотчинъ и всѣ волостные старшины. Въ церковно-училищныхъ же конвентахъ вмѣсто волостныхъ старшинъ членами назначаются особые, по одному на каждую волость, депутаты, выбираемые на три года волостями изъ числа дворохозяевъ лютеранскаго исповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждомъ приходѣ выбирается и по два попечителя: одинъ церковнымъ конвентомъ — церковный попечитель и одинъ приходскимъ конвентомъ — приходскій попечитель*). Въ приходахъ является такимъ образомъ два облагающихъ учрежденія. Конечно, въ виду вышеизложеннаго состава обоихъ конвентовъ, большая часть членовъ которыхъ (вотчинники) одни и тѣ же лица, между ними устанавливается значительная солидарность; тѣмъ не менѣе существованіе въ одной земской территоріальной единицѣ двухъ облагающихъ учрежденій нельзя не признать аномаліей.

Вопросъ о церковныхъ повинностяхъ приобретаетъ еще большее значеніе и еще болѣе усложняется вслѣдствіе тѣсной связи, существующей въ прибалтійскомъ краѣ между церковью и школой. Исходя изъ той точки зрѣнія, что народныя школы не могутъ имѣть никакой

*) На практикѣ въ большей части приходовъ оба эти должности соединены въ одномъ лицѣ.

другой основы, кромѣ основы религіозной, мѣстное законодательство, совершенно правильно, придало народнымъ школамъ конфессіональный характеръ. Всѣ народныя школы въ прибалтійскомъ краѣ — учрежденія церковныя*). Школа есть, такъ сказать, часть церкви, а слѣдовательно и школьныя повинности суть повинности церковныя. Но земскими школами, казалось, должны бы были пользоваться и православные крестьяне губерніи. Между тѣмъ, освобождая лицъ православнаго исповѣданія отъ повинностей церковныхъ, приходится освобождать ихъ отъ повинностей школьныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишать возможности пользоваться земскою школою. Законъ, ограждающій православныхъ отъ сборовъ въ пользу лютеранской церкви, имѣющій цѣлью покровительство православнаго населенія, обращается ему во вредъ, лишая православныхъ возможности пользоваться средствами земли для своего школьнаго образованія и вынуждая правительство жертвовать значительными суммами на устройство и содержаніе православныхъ приходскихъ школъ.

Приведенныхъ выше прихвѣровъ достаточно, чтобъ убѣдиться, что старинный, исторически создавшійся принципъ, въ силу котораго церковнымъ учрежденіямъ въ прибалтійскомъ краѣ приданъ земскій характеръ, нынѣ, подточенный послѣдующими историческими событіями, откидъ свой вѣкъ и рушился. Нельзя придавать церкви земскій характеръ въ странѣ, гдѣ существуютъ различныя исповѣданія. Лютеранская церковь, бывшая въ

*) Крестьянскія положенія 1860 г. ст. 590 и 591.

теченіи столѣтій земской церковью (Landeskirche), нынѣ перестала быть таковой, почему и необходимо при переустройствѣ земскихъ учрежденій прежде всего изъ общаго земскаго устройства края вывести устройство лютеранской церкви.

V.

Слѣдующимъ недостаткомъ земскаго устройства ливландской губерніи надлежитъ признать крайнюю неопредѣленность и неполноту законовъ, устанавливающихъ организацію существующихъ земскихъ учреждений. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что организація эти имперскимъ закономъ вовсе не опредѣлена. Въ теченіи столѣтій существуютъ въ Ливляндіи, живя полной жизнью и развивая огромную дѣятельность, подобную которой не развивало, конечно, ни одно земское учрежденіе въ мірѣ, и ландтагъ, и дворянскій конвентъ, и ландратская коллегія, но о порядкахъ земской собственности ихъ дѣятельности, о компетенціяхъ ихъ по земскому дѣлу и т. п. въ законѣ упоминается лишь вскользь, ибо существуетъ положеніе о ландтагѣ, дворянскомъ конвентѣ и ландратской коллегіи, какъ объ учрежденіяхъ дворянскихъ, но нѣтъ положенія объ нихъ, какъ объ учрежденіяхъ земскихъ. Еще продолжительнѣе существованіе, еще ярче и всестороннѣе дѣятельность приходскихъ учреждений, но и объ ихъ организаціи, даже можно сказать — объ ихъ существованіи имперскій законъ почти не упоминаетъ. Подробности всего, въ основаніяхъ своихъ весьма правильнаго, устройства земства ливландской губерніи опредѣляются такимъ образомъ не

какими либо писанными положеніями, а обычаемъ, практикой прежнихъ лѣтъ и распоряженіями исключительно административнаго характера. Такое ненормальное положеніе органическаго законодательства порождаетъ немало затрудненій.

Въ прежнее время, когда вся земля принадлежала помещикамъ, неудобства отъ такой слишкомъ большой простоты законодательства были не особенно чувствительны. Вотчинники, связанные между собой единствомъ происхожденія и посвѣтанія, единствомъ взглядовъ на провинціальныя дѣла, а равно и корпоративными связями, дѣйствовали постоянно солидарно, и какія либо несогласія въ земскихъ собраніяхъ, а въ особенности приходскихъ конвентахъ, улаживались сами собой, не будучи доводимы до губернскаго начальства. Ревниво оберегалъ самостоятельность земскихъ учрежденій Лиоляндін, земскіе дѣятели того времени боялись вмѣшивать правительство въ свои внутреннія дѣла, что съ другой стороны вполнѣ устраивало и мѣстную правительственную власть, слѣдовавшую данной ей свыше программѣ: удерживаться отъ такового вмѣшательства. Крестьяне депутаты, въ свою очередь, находясь въ сильнѣйшей экономической зависимости отъ вотчинниковъ, также не рѣшались противорѣчить на конвентахъ и подавать какія либо жалобы на нарушение ихъ правъ конвентскими повинностями. Но въ послѣднее время, когда огромное большинство крестьянъ выкупило свою землю, когда крестьяне, образовавъ многочисленное и сильное сословіе, почувствовали свою независимость, они стали являться на конвенты съ самостоятельными голосами. Прежняя сильнѣйшая соли-

дарность между членами конвента разрушилась. Въ средѣ конвентовъ появились новыя стремленія, новыя требованія, истекающія изъ интересовъ вновь возникшаго мелкаго землевладѣнія, каковыя интересы не всегда сходились съ интересами землевладѣнія крупнаго, и потому въ прежнее время весьма часто отодвигались на второй планъ. На конвентахъ зачались разногласія, а исцѣдствіе этого, естественно, въ средѣ ихъ членовъ стали появляться стремленія оспаривать законность такихъ постановленій, которыя не удовлетворяли ту или другую партію. Стали подниматься вопросы, въ родѣ того: какое число членовъ должно участвовать на конвентѣ, чтобы оно считалось состоявшимся, какимъ большинствомъ голосовъ постановленія конвента приобрѣтаютъ законность, имѣютъ ли право члены конвента посылать за себя довѣренныхъ, сколько довѣренностей можетъ имѣть отдѣльный членъ конвента, кто можетъ быть довѣреннымъ, какіе поводы могутъ считаться достаточными для кассации постановленія конвента высшею властью и т. д. и т. д. На всѣ эти вопросы законъ, написанный въ предположеніи совершенно однороднаго состава членовъ конвента, отвѣта не давалъ. И когда стали поступать жалобы на постановленія конвентовъ въ губернское правленіе, — которому по закону принадлежитъ надзоръ за дѣятельностью мѣстныхъ земскихъ учреждений, — губернское правленіе для разрѣшенія ихъ не имѣло никакого органическаго закона о конвентахъ, кромѣ 683 ст. I ч. XI т. св. зак. 1857 г., гласящей, что обязанности приходскихъ поочетчиковъ, отношенія ихъ къ конвенту и высшему начальству во всемъ, что не измѣнено уставомъ евангели-

ческо лютеранской церкви, остаются на прежнемъ основаніи. Но такъ какъ всё существующія въ краѣ отношенія, въ силу естественнаго теченія вещей, измѣнились въ корнѣ, такъ какъ между отношеніями существовавшими до введенія евангелическо-лютеранскаго устава, т. е. чуть ли не во времена крѣпостнаго права, и отношеніями нынѣ существующими, общаго ничего нѣтъ, то и этотъ законъ прилагать было невозможно. Въ то же время земская жизнь края шла своимъ чередомъ. При высокой, быстро возрастающей культурѣ мѣстнаго населенія постоянно возрождались новые вопросы и новыя потребности, требовавшіе неотложнаго рѣшенія и удовлетворенія. Между тѣмъ, законодательная власть безмолствовала, предоставляя прибалтійскому краю, отдѣленному въ то время какъ бы китайской стѣной отъ остальной Россіи, самому разбираться въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. При такихъ условіяхъ, волей или неволей губернскому начальству пришлось взять на себя роль законодательнаго учрежденія, причемъ губернскимъ правленіемъ издавались такъ называемые патенты или печатные (объявленные въ мѣстныхъ губернскихъ извѣдомостяхъ) указы, служившіе основаніемъ какъ для упорядоченія дѣятельности земскихъ учреждений, такъ и для разрѣшенія всѣхъ возникающихъ вслѣдствіе отсталости и неполноты земскаго законодательства недоразумѣній. Подобные указы, регламентирующіе мѣстную земскую жизнь Лифляндіи, издавались губернскимъ начальствомъ при постоянномъ участіи мѣстныхъ земскихъ учреждений, ибо, на основаніи закона *), очередной ланд-

*) Ст. 567 — II части св. мѣстн. указ. губ. уста.

ратъ обязанъ принимать участіе въ засѣданіяхъ губернскаго правленія въ тѣхъ случаяхъ, когда на засѣданіяхъ этихъ разрѣшаются вопросы, съ которыми связаны интересы дворянства. На изданіе этихъ указовъ губернское начальство рѣшалось обыкновенно только тогда, когда необходимость ихъ вызывалась дѣйствительными и притомъ неотложными потребностями. Не частыя были извѣстныя какія либо экономическія и социальныя отягощенныя доктрины, а явленія, выросшія на почвѣ реальной жизни ииследиія, вызывали эти распоряженія, которыя, въ большей части случаевъ, закрѣпляли собой то, что выработала самая жизнь провинціи. Являясь, такимъ образомъ, лишь дальнѣйшимъ, — нисколько его вызывали вновь появляющіяся потребности страны, — органическимъ развитіемъ стариннаго земскаго права, это своеобразное, исходящее не отъ подлежащей власти, земское законодательство Лифляндіи никогда не опережало земской ея жизни, каковому обстоятельству въ значительной степени слѣдуетъ приписать благоустройство, наблюдаемое во многихъ отрасляхъ лифляндскаго земскаго хозяйства. Напротивъ, законодательство это постоянно шло, такъ сказать, позади жизни; причемъ, какъ это видно изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи, оно отставало отъ нея иногда слишкомъ сильно и даже во вредъ интересамъ края, какъ наприѣръ въ вопросѣ о церковныхъ лютеранскихъ повинностяхъ, о системѣ оцѣнки недвижимостей и тому подобныхъ. Передъ вопросами этими, въ виду особой ихъ важности, а главное въ виду того, что они затрагивали общегосударственные

интересы, губернское начальство, естественно, останавливалось, поневоле сохраняя порядки, иногда совершенно несовмѣстными съ положеніемъ вещей. Вся вышеизложенная условія образованія земскаго законодательства въ Литландіи придавали теченію земскихъ ея дѣлъ особое, въ высшей степени консервативное направленіе. Имѣлось, какъ выше сказано, естественнымъ развитіемъ мѣстнаго земскаго права, тщательно избѣгая рѣзкихъ поворотовъ и потрясеній въ установившемся вѣками порядкѣ земской жизни, всегда неблагоприятно отзывающагося на экономическихъ условіяхъ страны, — патенты литовскаго губернскаго правленія встрѣчались обыкновенно мѣстнымъ населеніемъ съ полнымъ сочувствіемъ. Компетентность этихъ указовъ никогда почти не оспаривалась, и, вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, признавать ее вынуждены были даже высшія правительственные учрежденія, какъ напримѣръ правительствующій сенатъ и министерство внутреннихъ дѣлъ.

Въ послѣднее время однако положеніе дѣлъ въ прибалтійскомъ краѣ измѣнилось настолько, что едва ли представляется целесообразнымъ сохранить существующій порядокъ въ развитіи земскаго законодательства, предоставленнаго до нынѣ исключительно мѣстнымъ элементамъ и мѣстнымъ правительственнымъ учрежденіямъ. Съ появленіемъ самостоятельнаго и могущественнаго мелкаго землевладѣнія, съ появленіемъ новыхъ фазисовъ въ агропродовольномъ вопросѣ, съ развитіемъ новыхъ, кромѣ земледѣлія, сельскихъ промысловъ, съ общимъ наконецъ развитіемъ страны и ея потребностей, на сцену

выступило множество новых факторовъ, весьма сильно влияющихъ на теченіе земскихъ дѣлъ. Всѣ эти факторы настолько осложнили различные отношенія, существующія въ край, что прежній способъ управленія земскими его дѣлами лишь на основаніи обычая, практики прежнихъ лѣтъ и распоряженій административнаго характера, становится крайне затруднительнымъ. Посему полный пересмотръ всѣхъ земскихъ установленій и изданіе компетентною законодательною властью положенія о земскихъ учрежденіяхъ прибалтійскаго края, точно опредѣляющаго порядки дѣятельности этихъ учреждений, становится нынѣ дѣломъ крайней необходимости.

VI.

Весьма важный недостатокъ лифляндскаго земскаго устройства составляетъ неправильность въ составѣ членовъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ органовъ губернскаго земства, а именно дворянскаго комитета. Недостатокъ этотъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ немъ нельзя не видѣть уклоненія отъ кореннаго, исторически установившагося начала въ устройствѣ земскихъ учрежденій прибалтійскихъ губерній, заключающагося въ признаніи земствомъ какихъ либо сословныхъ преимуществъ. Какъ выше было сказано, во всѣхъ земскихъ учрежденіяхъ губерній представительствомъ пользуется лишь земля. Принципъ этотъ проведенъ съ большою строгостью въ приходскомъ устройствѣ. Совершенно не завися отъ сословія землевладѣльцевъ, приходскій комитетъ являетъ представительство мызаго (крупнаго) и крестьянскаго (мелкаго) землевладѣнія. Этотъ же прин-

цилъ проведенъ и въ учрежденіи ландтага, гдѣ имѣють представительство всѣ дворянскія вотчины, къ какому бы сословію владѣльцы ихъ ни принадлежали. Лишь въ учрежденіи дворянскаго конвента замѣчается отступленіе отъ этого начала. Дворянскій конвентъ состоитъ изъ двѣнадцати ландратовъ, двѣнадцати уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ, двухъ депутатовъ дворянской кассы и губернскаго предводителя дворянства, т. е. изъ лицъ, принадлежащихъ непременно къ матрикулованному лифляндскому дворянству и выбранныхъ на свои должности также матрикулованными дворянами. Въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія изложены были обстоятельства, при которыхъ образовалось это учрежденіе. Вызавшія его къ жизни причины были политическаго свойства, а именно: сначала репрессивныя мѣры, принятыя шведскимъ правительствомъ противъ дворянскаго землевладѣнія, а засимъ — быстро восползавшее покореніе Лифлядіи Петромъ Великимъ, возстановившимъ оглушо всѣ старинныя привилегіи лифляндскаго дворянства. Въ этотъ смутный періодъ жизни провинціи, въ средѣ дворянства появилось стремленіе къ образованію корпораціи, съ цѣлью защиты своихъ — съ начала имущественныхъ, а потомъ и политическихъ правъ. Воспользовавшись этими историческими событіями для обезпеченія своего вліянія на управленіе страной, дворянство образовало новое, несуществовавшее прежде, земское распорядительное собраніе. Не естественное, спокойное развитіе мудрыхъ началъ, положенныхъ шведскимъ правительствомъ въ основаніе земскаго устройства Лифлядіи въ первой половинѣ XVII вѣка, а коренной переворотъ, произведенный королемъ Карломъ XI къ

соціальною вопросъ (вопросъ о земельладѣніи), и еще болѣе сильный переворотъ въ политическомъ положеніи Лифляндіи, перешедшей изъ шведскаго въ русское подданство, были причинами образованія лифляндскаго дворянскаго конвента. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ въ Лифляндіи образовалось учрежденіе, столь противорѣчащее общимъ началамъ, положеннымъ въ основаніе земскаго устройства. Нѣтъ спору, что въ политическомъ отношеніи учрежденіе это представляетъ нѣкоторыя немаловажныя выгоды. Существованіемъ его устраняется необходимость чистаго созыванія ландтага. А главное, учрежденіе дворянскаго конвента, въ составъ котораго входятъ лица, замѣняющія извѣстныя должности — слѣдовательно принимающія участіе въ конвентѣ по личному праву, даетъ возможность обойтись безъ особыхъ земскихъ выборовъ, которыхъ лифляндское земское устройство, совершенно основательно, съ большой тщательностью постоянно избѣгало. Тамъ не менѣе, выгоды эти не въ состояніи исправить кореннаго недостатка, таившагося въ этомъ случайно образовавшемся учрежденіи. Посему вполне правильно было бы установить, чтобъ замѣняющее ландтагъ, въ періодъ времени отъ одной сессіи до другой, учрежденіе составлено было изъ тѣхъ же элементовъ, изъ коихъ состоитъ и самый ландтагъ, т. е. изъ представителей той земли, которую ландтагъ представляетъ, а не изъ представителей сословія.

Этотъ недостатокъ въ составѣ дворянскаго конвента вполне сознается въ прибалтійскихъ губерніяхъ, свидѣтельствомъ чему служатъ прихѣръ Курляндіи, гдѣ подѣ

назначеніемъ дворянскаго комитета существуетъ учрежденіе, вполне соответствующее ливонскому конвенту. Въ составъ этого комитета, по закону*), входятъ губернской и всѣ десять уѣздныхъ предводителей дворянства. Лица эти, также какъ и дворянскіе чиновники (ландраты и уѣздные депутаты) ливонской губерніи, въ прежнее время избирались одними только дворянами**). Подобное противорѣчіе въ составѣ дворянскаго комитета съ основными принципами прибалтійскаго земскаго устройства заставило курляндское дворянство, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, ходатайствовать передъ высшею властью объ измѣненіи порядка дворянскихъ выборовъ вообще и въ томъ числѣ выборовъ предводителей. Нынѣ всѣ предводители избираются не одними только дворянами, но и лицами другихъ сословій, владеющими на правѣ собственности дворянскими вотчинами***), а слѣдовательно составъ комитета является уже не сословнымъ, а земскимъ. Избраніе предводителей дворянства лицами, непринадлежащими къ дворянскому сословию, представляется вопіющей несообразностью по понятіямъ внутреннихъ губерній. Въ прибалтійскихъ же губерніяхъ, гдѣ сословными преимуществами пользуется земля, а не люди, гдѣ сформировавшаяся въ крупныя хозяйственныя единицы земля (дворянская вотчина) — сама, такъ сказать, — дворянинъ, этотъ порядокъ въ дворянскихъ выбо-

*) Ст. 768 — II часть св. мѣст. узак. губ. уста.

**) Ст. 276 той же части, того же свода.

***)) Высочайшее повелѣніе 27 мая 1870 г. ст. 1. Полн. собр. зак. № 48434.

рахъ является вполне послѣдовательнымъ, и о примѣненіи его къ Лифляндіи не разъ поднимался вопросъ мѣстными дворянами. Вышеупомянутая характеристическая черта прибалтійскаго дворянскаго и земскаго устройства, о которой многократно говорено было въ настоящемъ изслѣдованіи, весьма ярко выражается и въ Лифляндіи, между прочимъ, той особенностью, что здѣсь существуетъ какъ бы два губернскихъ предводителя дворянства. Кромѣ лица, носящаго этотъ титулъ (ландмаршалъ), есть еще очередной ландратъ. На очереднаго ландрата равнѣ всѣхъ возлагается, какъ сказано въ законѣ*), бдительное, отеческое попеченіе объ охраненіи правъ, преимуществъ, учрежденій и правилъ дворянскаго общества. Ему въ губерніи, какъ главному представителю интересовъ лифляндскаго дворянства, предоставлено закономъ первое, послѣ губернатора, мѣсто**). Параллельное существованіе этихъ двухъ должностей является совершенно непонятнымъ для незнакомыхъ съ внутреннимъ устройствомъ лифляндской губерніи. Между тѣмъ, оно истекаетъ изъ исторически выработавшихся началъ этого устройства. Очередной ландратъ есть предводитель дворянства, какъ дворянскаго (крупнаго) землевладѣнія, т. е. того дворянства, которому статья 32, II части св. мѣст. узак. губ. оств. предоставлены весьма важныя политическія права и значительная роль въ управленіи земскими дѣлами губерніи, — того дворянства, однимъ словомъ, которое въ старинныя времена называлось: *Ritterschaft und Landschaft*. Ландмаршалъ —

*) Ст. 563, II части св. мѣст. узак. губ. оств.

**) Спра. ст. 580 и 604 той же части, того же свода.

есть предводитель дворянства, какъ корпораціи (матрикулованнаго дворянства — Ritterschaft). Вслѣдствіе непониманія этихъ особенностей мѣстнаго законодательства, недостаточно отбѣненныхъ въ довольно плохо составленной II части св. мѣст. узак., наше законодательство послѣдняго времени по отношенію къ лифляндской губерніи впадало въ постоянныя ошибки. Такъ, при учрежденіи въ Лифляндіи губернскихъ по городскимъ и по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, членомъ отъ дворянства въ эти присутствія назначенъ губернсвій предводитель (ландмаршалъ), каковое назначеніе, по духу лифляндскаго устройства, лишено всякаго смысла, подобно тому, какъ не имѣло бы смысла назначеніе въ лифляндское губернское по городскимъ дѣламъ присутствію, вмѣсто рижскаго городского головы, — альтерманомъ большой и малой гильдіи г. Риги. Назначеніемъ этимъ законодательство, руководствуясь сходствомъ названій, желало, поидиному, обезпечить большее однородіе въ составѣ лифляндскихъ смѣшанныхъ присутствій съ подобными же присутствіями внутреннихъ губерній. На дѣлѣ же вышло обратное, ибо характеръ должности очереднаго ландрата гораздо ближе подходитъ къ характеру должности губернскаго предводителя дворянства внутреннихъ губерній, нежели характеръ ландмаршала. Во внутреннихъ губерніяхъ дворянскихъ корпорацій не существуетъ, а потому, естественно, тамъ не можетъ быть и должности, соответствующей должности лифляндскаго губернскаго предводителя дворянства*).

*) Замѣчаніе это не относится до курляндской и естляндской губерній, гдѣ очереднаго ландрата вѣтъ и обѣ должности ландмаршала и очереднаго ландрата соединены въ одномъ лицѣ.

VII.

Наконецъ, можно признать недостаткомъ и отсутствіе, при существующей организаціи земскихъ ливонскихъ учреждений, представительна мелкаго землевладѣнія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, т. е. на ландтагахъ, гдѣ таковымъ представительствомъ пользуется лишь крупное землевладѣніе. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, слѣдуетъ признать въ нѣкоторой степени гадательнымъ. По свойству предметовъ зачатій губернскаго земскаго собранія, обнимающихъ потребности всей губерніи, мелкое землевладѣніе въ дѣлахъ этихъ мало заинтересовано, тѣмъ болѣе что, при настоящей организаціи земскаго устройства въ Ливоніи, большая часть отраслей земскаго хозяйства сосредоточена въ приходахъ; губернскимъ же учрежденіямъ предоставлено преимущественно заведываніе обязательными земскими повинностями. Что же касается до наблюденія за правильностью распределенія тяжести губернскихъ повинностей между крупными и мелкими собственниками, то такъ какъ это распределеніе во всякомъ благоустроенномъ земствѣ опредѣляется законами обложенія — законы эти достаточно обеспечиваютъ мелкое землевладѣніе отъ излишнихъ налоговъ. Представители мелкаго землевладѣнія суть преимущественно крестьяне. По сферѣ своихъ потребностей, по уровню своего образованія они мало способны судить о земскихъ дѣлахъ, касающихся всей губерніи. Въ дѣлахъ этихъ едва ли они могутъ сказать свое компетентное слово, и роль ихъ въ губернскомъ земскомъ собраніи, какъ это видимъ мы изъ примѣровъ внутреннихъ губерній, приводится часто къ жалкой роли нагихъ-то

бесомынныхъ статистовъ или же, что еще хуже, къ роли матеріала для составленія различнаго рода партій. По этимъ причинамъ, отсутствіе представителей мелкаго землевладѣнія въ губернскомъ земскомъ собраніи не слѣдовало бы считать недостаткомъ существующаго земскаго устройства Лифляндіи.

Гораздо правильнѣе защиту интересовъ мелкаго землевладѣнія, если есть поводъ опасаться возможности нарушенія ихъ постановленіями губернскаго земскаго собранія, основать на надзоръ правительственнаго учрежденія, поставленнаго во главѣ земства, какъ это имѣетъ мѣсто нынѣ, когда защита интересовъ мелкаго землевладѣнія предоставлена губернской администраціи. Приведенныя въ настоящемъ изслѣдованіи многочисленныя распоряженія лифляндскаго губернскаго начальства въ періодъ времени съ 1885 года достаточно ясно показываютъ, какъ много можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи въ Лифляндіи мѣстная правительственная власть, если она не уклоняется отъ закономъ предписанной ей обязанности сильной рукой входить во всѣ подробности земскихъ распоряженій.

Глава IV.

Общие выводы. Причинами неуспешности работъ, предпринятыхъ правительствомъ по переустройству земскихъ учреждений литовскаго края. Порядокъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при организованиіи этихъ работъ. Изъятіе изъ вѣдомства земскихъ учреждений дѣлъ конвекціональнаго характера. Упраздненіе привилегій мѣстныхъ земель. Имѣніе системы оценки недвижимостей.

Въ предыдущихъ главахъ настоящаго изслѣдованія изложенъ критическій разборъ достоинствъ и недостатковъ существующаго, вѣлами создававшагося земскаго устройства литовской губерніи, насколько они выясняются практикой современнаго управленія губерніей. Резюмируя все изложенное выше относительно этихъ достоинствъ и недостатковъ и сопоставляя ихъ между собой, мы видимъ слѣдующее.

Хорошими сторонами въ земскомъ устройствѣ слѣдуетъ считать:

- а) искусное организованіе подлежащей связи между низшими (приходскими) и высшими (губернскими) земскими учрежденіями, обеспечивающее единство и стройность въ дѣятельности всего земства;
- б) сильное подчиненіе дѣятельности земства правительственному надзору;

- и) правильность представительства въ земскихъ собраніяхъ, предоставленнаго лишь одной землѣ, т. е. крупному и мелкому землевладѣнію, причемъ сословіе землевладѣльца никакого значенія не имѣетъ;
- г) незначительное примѣненіе выборнаго начала въ земскомъ представительствѣ, ограничивающее возможность какой либо выборной агитаціи и связанныхъ съ этою злоупотребленій;
- д) въ значительной степени проведенный въ земствѣ принципъ бесплатной службы, путемъ привлеченія къ земскому дѣлу большаго числа лицъ, въ сильѣйшей степени заинтересованныхъ въ правильномъ теченіи дѣла, и протекающая отсюда дешевизна содержанія земскаго управленія;
- е) удачный выборъ земской территоріальной единицы въ лицѣ прихода.

Съ другой стороны, недостатками лифляндскаго земства слѣдуетъ признать:

- а) неправильность системы земскаго обложенія по старинному шведскому, выработанному въ XVII столѣтіи, способу оцѣнки земли въ талеры, послѣдствіе чего значительная часть весьма доходныхъ земель ускользаетъ отъ обложенія, другая же часть облагается крайне неравномѣрно;
- б) несправедливая привилегія, предоставленная крупному землевладѣнію посредствомъ освобожденія его отъ обложенія губернскими зем-

скими повинностями, существующая, впрочемъ, *de facto* нынѣ лишь относительно натуральныхъ повинностей и то не во всѣхъ;

- в) двойственность въ порядкѣ обложенія, расходовавія и отчетности земскихъ сборовъ, выражающаяся въ существованіи двухъ независимыхъ другъ отъ друга земскихъ кассъ и нѣсколькихъ системъ и органовъ обложенія, дѣйствующихъ одновременно въ одной и той же земской территоріальной единицѣ;
- г) существованіе, въ числѣ земскихъ повинностей, повинностей на содержаніе лютеранской церкви и ея служителей;
- д) отсутствіе органическаго законодательства, регламентирующаго въ достаточной степени порядки дѣятельности органовъ существующаго земскаго устройства;
- е) неправильность состава дворянскаго вѣвента, какъ губернскаго земскаго учрежденія, закономъ неправильностью нарушается принципъ безсловности въ составѣ земскихъ учреждений, послѣдовательно проведенный во всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ подобнаго рода; наконецъ,
- ж) недостатокъ — нѣсколько гадательный, — отсутствіе представительствъ мелкаго землевладѣнія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.

Задача устройства земскаго дѣла въ какой либо странѣ распадается на двѣ главные задачи, а именно:

- а) задача, такъ сказать, административнаго характера, заключающаяся въ учрежденіи

органовъ, заведующихъ земскими повинностями и земскимъ хозяйствомъ, и

- б) задача характера экономическо - финансового, заключающаяся въ установленіи системы, порядка и способовъ земскаго обложенія.

Изъ вышеприведеннаго сопоставленія достоинствъ и недостатковъ существующаго въ Лифляндіи земскаго устройства не трудно убѣдиться, что всѣ почти замѣченныя недостатки этого устройства относятся къ выполненію второй задачи, т. е. къ финансовой сторонѣ земскаго дѣла. Эта сторона земскаго дѣла въ Лифляндіи дѣйствительно не выдерживаетъ критики. Неустройство (существованіе двухъ земскихъ касъ и двухъ органовъ земскаго обложенія какъ губернскаго, такъ и приходскаго), несправедливость (привилегія мызной земли), нерациональность (существованіе церковныхъ повинностей въ числѣ земскихъ), несоотвѣтствіе здравымъ экономическимъ принципамъ (исключительное обложеніе земледѣльческаго труда), — вотъ тѣ черты, которыя характеризуютъ существующее земское обложеніе лифляндской губерніи. Недостатки эти настолько явны, что они, какъ вредящіе экономическому благосостоянію страны, а следовательно и интересамъ всей имперіи, составляютъ достаточное основаніе для немедленнаго переустройства земской части въ прибалтійскомъ краѣ.

Если, съ другой стороны, обратить вниманіе на перечень хорошихъ сторонъ лифляндскаго земскаго устройства, то легко убѣдиться, что всѣ они относятся къ административной части разрѣшаемой задачи. Хотя по этой

части и истрѣчаются недостатки, какъ наприимѣръ отсутствіе органическаго законодательства, регламентирующаго порядокъ дѣятельности этихъ учреждений, существованіе въ приходахъ двухъ органовъ обложенія, неправильный составъ дворянскаго конвента, какъ губернскаго земскаго учрежденія и т. д., но недостатки эти, какъ это нетрудно убѣдиться изъ данныхъ представляемыхъ настоящимъ изслѣдованіемъ, слѣдуетъ приписать никакъ не общей системѣ существующихъ земскихъ учреждений, а лишь разладу и несогласію законодательной власти, которая отстранила себя отъ своевременнаго упорядоченія этого дѣла, ей исключительно принадлежащаго. Въ основныхъ же чертахъ своихъ общая система земскихъ учреждений ливонской губерніи обладаетъ такими достоинствами, которые дѣлаютъ ее несравненно болѣе совершенной, нежели даже нѣкогда введенное земское устройство внутреннихъ губерній, такъ какъ губернія въ отношеніи организаціи земскихъ учреждений могла бы позаимствовать много хорошаго изъ губерній прибалтійскихъ. Выводъ этотъ въ состояніи дать правильныя указанія, на что именно должно быть обращено вниманіе при реорганизованіи земской части въ прибалтійскихъ губерніяхъ, а равно и относительно порядка, въ которомъ эти работы должны быть ведены.

Вопросъ о реорганизаціи земскаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ возбужденъ былъ еще въ 1887 году, т. е. семь лѣтъ тому назадъ. Для разрѣшенія этого вопроса министерство внутреннихъ дѣлъ не щадило усилій. Образовывались многочисленныя совѣщательныя коммисіи, вызывались прибалтійскіе губернаторы, которые

по мѣсяцамъ оставались въ Петербургѣ, сочинялись цѣлые томы различныхъ записокъ и журналовъ. А между тѣмъ разрѣшеніе вопроса нѣ теченіи семи дѣтъ нисколько не подвижнулось. Естественно возникаетъ вопросъ: каковъ этому причина? Причиной этому было недостаточное знакомство съ положеніемъ земскаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ. Хотя и собраны были по этому дѣлу многіе весьма цѣнные матеріалы и изслѣдованія, но матеріалы эти, исключительно статистическаго характера, не были надлежащимъ образомъ осѣяны. Они не были подвергнуты надлежащей критикѣ. Не было восстановлено связи между современнымъ положеніемъ земства и исторіей страны. Не было обращено вниманія на историческое развитіе земскаго права въ прибалтійскомъ краѣ, съ тѣмъ чтобы въ общей системѣ мѣстнаго земскаго законодательства выяснить: какія явленія, такъ сказать, органическія — вытекающія изъ земскаго права, и какія случайныя — вытекающія изъ причинъ, внѣ земства находящихся. Это незнакомство съ существующимъ положеніемъ вещей и было причиной многихъ неправильностей въ ходѣ работъ по реорганизаціи земскихъ установленій въ прибалтійскихъ губерніяхъ, затормозившихъ эти работы. Къ тому же были и другія обстоятельства, значительно помѣшавшія дѣятельности правительства въ этомъ отношеніи. При извѣстныхъ господствовавшихъ въ то время (1887 г.) теченіяхъ, на земское дѣло прибалтійскихъ губерній, — дѣло чисто экономическое-хозяйственное, — глядѣли исключительно съ политической точки зрѣнія. Приступая къ переустройству земства, задавались не той задачей, чтобы

низлучшимъ образомъ устроить земское хозяйство русской провинціи, а другой — чисто политическаго характера, а именно, какъ бы уничтожить вліяніе на теченіе земскихъ дѣлъ мѣстнаго дворянства. Подъ вліяніемъ ретроспективнаго и притомъ неоправдываемаго надлежащими научными изслѣдованіями взгляда на исторію отношеній прибалтійскаго края къ Россіи, подъ вліяніемъ какого-то неизъяснимаго страха передъ воображаемыми силами прибалтійскаго дворянства и столь же неизъяснимаго недо-вѣрія къ силамъ правительства, многіе полагали, что какъ бы ни было незначительно участіе, предоставленное дворянству въ управленіи земскими дѣлами, какое бы вліяніе на земскія дѣла ни было предоставлено закономъ органамъ мѣстной правительственной власти, вліяніе это непремѣнно будетъ парализовано мѣстными элементами въ ущербъ интересамъ государственнымъ. Всѣ эти опасенія создались не на основаніи тщательнаго изученія исторіи края и образованія подлежащихъ реформированію учреждений, а подъ вліяніемъ первичныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чтенія статей и брошюръ политическаго характера. Такимъ образомъ, вполнѣ естественно пришло стремленіе совершенно отстранить отъ участія въ земскихъ дѣлахъ мѣстные элементы, примѣнивъ къ прибалтійскому краю старинный, дореформенный, въ двадцатыхъ годахъ составленный для внутреннихъ губерній, уставъ объ управленіи земскими повинностями. Такого рода мнѣнія были еще весьма недавно сильно распространены въ русской публикѣ. Мнѣнія эти нашли отраженіе и въ направленіи работъ по переустройству земскаго дѣла въ прибалтійскомъ край. Изъ описанія

слишкомъ сильнаго вліянія на земское хозяйство мѣстныхъ элементовъ являлось такимъ образомъ стремленіе какъ бы вовсе уничтожить это хозяйство въ прибалтійскихъ губерніяхъ, замѣнивъ имъ существующіе хозяйственные органы земскаго управленія правительственными органами, способными можетъ быть завѣдывать земскими повинностями, но по природѣ своей совершенно неспособными должнымъ образомъ вникать во всѣ мелочи столь сложнаго земскаго хозяйства, которое установилось предыдущей жизнью ливондской губерніи. Между тѣмъ, такой способъ разрѣшенія вопроса о переустройствѣ земскихъ учрежденій прибалтійскихъ губерній, уничтожая земское хозяйство одной изъ богатѣйшихъ русскихъ провинцій, несомнѣнно нанесетъ значительный ущербъ экономическимъ интересамъ имперіи. Нельзя наваявувъ XX столѣтія устанавливать въ прибалтійскомъ краѣ тотъ порядокъ управленія земскими дѣлами, который тридцать лѣтъ тому назадъ признанъ былъ непригоднымъ даже для внутреннихъ губерній, гдѣ проявленія земской жизни были, какъ известно, несравненно слабѣе, нежели въ губерніяхъ прибалтійскихъ. Къ тому же такая крайняя, чрезвычайно рискованная мѣра вовсе не вызывается какой либо необходимостью, ибо всегда предоставляется возможность соотвѣтствующимъ закономъ поставить дѣятельность мѣстныхъ элементовъ въ надлежащія рамки, обезпечивъ надлежащимъ образомъ контроль и вліяніе правительственной власти. Да и эти старанія, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, въ сущности совершенно излишни, потому что существующее старинное ливондское земское законодатель-

ство, ставящее условіемъ осуществленія какого бы то ни было земскаго постановленія утвержденіе его губернаторомъ, — которому въ этомъ отношеніи предоставлена почти дискреціонная власть, — представляетъ и въ настоящее время достаточно въ этомъ отношеніи гарантій. Если прибалтійское дворянство, въ прежнее время, въ своей земской дѣятельности высвобождалось изъ-подъ вліянія правительственной власти, то причину этого, какъ показываетъ исторія края, надо искать не въ мѣстномъ земскомъ законѣ. Законъ этого никогда не допускалъ. Причиной этому была, какъ сказано на стр. 47—50 наслѣдованія, принятія по отношенію къ земскимъ дѣламъ прибалтійскаго края программа правительства и, сверхъ того, отсутствіе внутри страны какихъ бы то ни было органовъ, при помощи которыхъ губернаторъ могъ бы осуществлять огромную власть, предоставленную ему закономъ. Нынѣ всѣхъ этихъ условій болѣе не существуетъ. Программа правительства по отношенію къ земскимъ дѣламъ прибалтійскаго края перемѣнилась. Въ лицѣ коронныхъ чиновниковъ полиціи и комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ губернаторъ получилъ достаточно органовъ, чтобы слѣдить за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій по земской части и настаивать на этомъ исполненіи. Если въ настоящее время существуютъ какія либо препятствія губернатору вліять на земскія дѣла въ той мѣрѣ, которая предоставлена ему закономъ, то они заключаются лишь въ слабости состава губернскаго правленія, учрежденнаго въ Лифляндіи по штату губернскихъ правленій внутреннихъ губерній, между тѣмъ какъ здѣсь оно, помимо прямого своего назначенія, должно

развивать огромную деятельность по контролю и регулированию текущих многочисленных, существующих в Лифляндии земских распорядительных учреждений, каждое постановление которых оно должно рассматривать по существу. Таким образом, если бы улучшение земского дела в прибалтийском крае действительно заключалось в одном только усилении правительственного влияния на деятельность земских учреждений, вопрос разрешался бы очень просто: усилением штата местного губернского правления — особым земским отделением.

События последних лет ясно показали, насколько при указанных условиях неосновательны опасения вредного влияния дворянства на течение земских дел и насколько, в то же время, сильно на это течение повлияло изменение режима в управлении прибалтийскими губерниями, не смотря на кратковременность периода деятельности новых полицейских и крестьянских учреждений. За последние четыре года в Лифляндии не замечалось случаев сознательной, систематической неправомерности в действиях какого либо из земских органов. В общем ход земского дела наблюдается видимое улучшение. О таковом улучшении свидетельствуют как многочисленные данные, приведенные в различных местах настоящего исследования, так и в особенности тот знаменательный факт, что, не смотря на отнесение, в последнее время, на земские средства многих новых, весьма значительных расходов, тягость, лежащая на главном объекте земского обложения — крестьянской земле, не только не увеличилась, но даже уменьшилась. Так, в 1889 году (годъ взятъ

безъ выбора), когда приходилось разложить на землю 173,275 рублей, составляющихъ общую сумму губернскаго земскаго сбора, на каждый талеръ крестьянской земли приходилось по 27 копѣекъ. Въ 1893 году, при высшей суммѣ того же сбора, достигшей 194,529 рублей, на тотъ же талеръ приходилось всего 18,4 копѣйки. Такимъ образомъ, безъ какихъ либо особыхъ законодательныхъ мѣръ, безъ малѣйшаго участія законодательной и центральной правительственной власти, одними лишь мѣстными силами достигнуть такой важный результатъ, какъ уменьшеніе обложенія земли на тридцать процентовъ, нисколько не сокращая, а напротивъ значительно расширяя удовлетвореніе земскихъ повинностей. Много ли другихъ губерній могутъ констатировать такой прогрессъ въ своемъ земскомъ хозяйствѣ?

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что стремленія, направленные къ парализованію вліянія дворянства на земскія дѣла края, могутъ быть названы ударами въ пустую. Совершенно лишнее хлопотать объ усиленіи правительственнаго вліянія на земскія дѣла, когда далѣе правъ, предоставленныхъ въ этомъ отношеніи правительственной губернской власти существующимъ закономъ, идти невозможно. Явленія случайныя, т. е. отсутствіе у губернатора наблюдательныхъ органовъ, въ значительной мѣрѣ исчезнувшее съ переустройствомъ полицейскихъ, крестьянскихъ и судебныхъ учреждений, нельзя принимать за явленія органическія, за недостатокъ земскаго закона.

До настоящаго времени, дѣятельность правительства по преобразованію земской части въ прибалтійскихъ гу-

берніяхъ сосредоточивались исключительно на стремленіяхъ къ реорганизаціи общей системы существующихъ земскихъ учреждений, т. е. на ту сторону, которая, какъ показываетъ дѣйствительное положеніе вещей, мѣтѣ всего нуждается въ исправленіи. Наоборотъ, вопросы о земскомъ обложеніи (финансовая сторона земскаго дѣла) не обращали на себя никакого вниманія. Между тѣмъ, именно въ улучшеніи и приведеніи въ порядокъ этой отрасли земскаго устройства и заключается вся сущность дѣла, ибо какое бы устройство ни придано было органамъ земскаго управленія, если только не исправлены будутъ коренные недостатки земскаго обложенія, подробно указанные въ настоящемъ изслѣдованіи, устройство это будетъ во всякомъ случаѣ мало годное.

Для того, чтобы работы правительственныхъ комисій дали плодотворные результаты, чтобы новое земское устройство дѣйствительно возвысило благосостояніе страны, необходимо переустройство земскаго дѣла въ прибалтійскихъ губерніяхъ начинать съ другого конца. Необходимо, оставивъ временно организацію земскихъ учреждений, начать это переустройство съ экономической стороны, для чего, принявъ въ соображеніе выше перечисленные недостатки существующаго земскаго обложенія, слѣдуетъ:

- 1) Изъять изъ числа земскихъ повинностей — повинности по содержанію лютеранской церкви и ея священнослужителей, для каковой цѣли должно быть предварительно надлежащимъ образомъ разрѣшенъ вопросъ объ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ лютеранскаго духовенства, т. е.

вопросъ, возбужденный еще Высочайшей резолюціей въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, отъ 30 іюня 1862 года, разрѣшеніе каковаго вопроса, въ сожалѣнію, съ того времени мало подвинулось. Когда лютеранское духовенство и лютеранскія церкви будутъ материально обезпечены, когда изъ вѣдѣнія земскаго управленія изъяты будутъ дѣла конфесіональныя, съ отстраненіемъ всѣхъ тѣхъ неправомерностей и аномалій, которыя производятъ нынѣ въ земскомъ обложеніи сохраненіе порядковъ, установившихся въ прошломъ и предпрошломъ столѣтіяхъ, — тогда позучится возможность правильно организовать и земскія учрежденія, и земское обложеніе. Упорядоченію земскаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ, какъ это, можетъ быть, ни покажется страннымъ по первому взгляду, неминуемо должно предшествовать упорядоченіе устройства лютеранской церкви въ краѣ. Безъ этой предварительной работы въ дѣлѣ земскаго переустройства нельзя ступить ни шагу. Лютеранская церковь, давшая первый импульсъ созданію земскаго устройства прибалтійскаго края, до настоящаго времени играетъ въ этомъ устройствѣ слишкомъ видную роль. Она слишкомъ глубоко проникаетъ во всѣ детали земской жизни страны. Не даромъ же органическій законъ объ устройствѣ земскихъ учреждений прибалтійскаго края — приходскихъ конвентовъ, приходскихъ попечителей и проч., нанесъ себѣ мѣсто не въ

IV томѣ свода законовъ — не въ земскомъ уставѣ, а въ 1 ч. XI тома (уставъ евангелическо-лютеранской церкви). Не даромъ главной опорой при управленіи земскими дѣлами губернскому начальству служить не уставъ о земскихъ повинностяхъ, а сборникъ узаконеній о главныхъ церковныхъ попечительствахъ *).

- 2) Вслѣдъ за симъ, необходимо уничтожить существующія привилегіи мызовыхъ земель, съ тѣмъ чтобы всѣ земли, безъ различія, несли одинаковыя повинности. Какъ видно изъ предыдущаго, осуществленіе этой мѣры не встрѣчаетъ какихъ либо препятствій въ духѣ мѣстнаго земскаго права, ибо возникновеніе этихъ привилегій въ Лифляндіи слѣдуетъ признавать случайнымъ, а не органическимъ явленіемъ мѣстной земской жизни. Точно также оно не встрѣтитъ какихъ либо практическихъ затрудненій, такъ какъ законодательная работа будетъ заключаться лишь въ отиѣнѣ ст. 48, 93—96 крест. пол. 1860 г. и измѣненіи редакціи 550 ст. того же положенія **).

*) Сборникъ этотъ изданъ по распоряженію дворянскаго губернатора въ 1868 году, подъ заглавіемъ: „Сборникъ узаконеній и мѣстныхъ постановленій касательно главныхъ церковныхъ попечительствъ и церковныхъ попечителей въ ливонской губерніи“. Какъ единственныя систематическія кодексы всѣхъ старинныхъ узаконеній, опредѣляющихъ дѣятельность приходскихъ учреждений, сборникъ этотъ представляетъ весьма большой интересъ для изучающихъ земское устройство ливонской губерніи, служа показаніемъ крайне общихъ и неопредѣленныхъ статей 1 части XI тома, санкціонирующихъ учрежденіе главныхъ церковныхъ попечительствъ, церковныхъ попечителей, а равно и всѣ вообще приходскія учрежденія.

**) То обстоятельство, что при исполненіи повинностей натуральнымъ способомъ поставилъ матеріала (въ собственности дѣся) будетъ за-

исправленіе кореннаго недостатка существующаго земскаго обложенія не возбудить, къ тому же, никакого неудовольствія въ странѣ, лучшіе элементы которой, даже матеріально заинтересо-
ванные въ сохраненіи этой привилегіи, вполне сознають всѣ дурныя ея стороны и готовы отъ нея отказаться.

- 3) Оставивъ старинный, отжившій, шведскій способъ оцѣнки земель на талеры, установить новую, болѣе современную систему оцѣнки недвижимостей, съ тѣмъ чтобы въ будущемъ земли и недвижимости платили земскія повинности согласно дѣйствительной, такъ сказать — естественной своей доходности, — другими словами, чтобы облагались повинностями дѣйствительно земли и недвижимости, а не земледѣліе, какъ это нынѣ имѣетъ мѣсто въ ливондской губерніи. Вопросъ объ установленіи правильной оцѣнки недвижимостей не представитъ особыхъ затрудненій для своего разрѣшенія, такъ какъ правила объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію, недавно составлены вновь для внутреннихъ губерній. Утвержденная г. министромъ финансовъ 4 іюня 1894 г. инструкция для таковыхъ оцѣнокъ могла бы быть прихвачена къ прибалтійскимъ губерніямъ почти цѣликомъ, съ незначительными лишь

трудностями для крестьянской земли, каковоющей дѣло, едва ли можно считать существеннымъ затрудненіемъ, ибо всегда представляется возможность установить обязательную оцѣнку этого матеріала и стоимость его ввести въ раскладку. Въ извѣстные періоды оцѣнка эта (такса) можетъ быть замѣнена.

измѣненіями, вызываемыми иѣстными условіями. Существуетъ полное основаніе предполагать, что оцѣнка земель, произведенная при помощи этой инструкціи, въ прибалтійскихъ губерніяхъ будетъ лучше выполнена, нежели оцѣнка земель внутреннихъ губерній, ибо существующая организація ливонскихъ земскихъ учрежденій, а въ особенности малый размѣръ земскихъ территоріальныхъ единицъ въ высшей степени обезпечиваетъ правильность и успѣшность оцѣночныхъ работъ.

Только тогда, когда окончены будутъ эти предварительныя работы, получится возможность приступить и къ организаціи земскихъ учрежденій; причемъ, можетъ быть, окажется, что наиболѣе правильнымъ будетъ остановиться на нѣнѣ дѣйствующихъ органахъ земскаго управленія, съ нѣкоторыми лишь незначительными измѣненіями въ подробностяхъ ихъ устройства. Вся законодательная работа приведется къ установленію лишь болѣе твердыхъ и опредѣленныхъ правилъ для дѣйствія этихъ, исторіей создавшихся органовъ, и къ урегулированію отношеній этихъ органовъ какъ между собой, такъ и къ правительственной власти.

Настоящее изслѣдованіе касается, какъ можетъ показати прочтеніе его, преимущественно экономической — хозяйственной части земскаго дѣла въ ливонской губерніи, въ томъ вниманіи, что при соблюденіи экономиче-

слихъ интересовъ края въ значительной степени обеспечиваются и соблюдаются интересы политическіе. Когда черезъ переустройство земства возвысится процвѣтаніе и благосостояніе прибалтійскаго края, когда въ устройствѣ земскаго дѣла проведены будутъ принципы справедливости, здравой экономіи и участія въ мѣстныхъ интересахъ — принципы нынѣ въ ливондскомъ земскомъ облаженіи въ значительной степени отсутствующіе; когда населеніе воочию увидитъ, что черезъ произведенное русскою правительственной властью реорганизованіе земскія дѣла, всегда столь сильно затрогивающіе интересы народныхъ массъ, пошли несравненно лучше, чѣмъ шли они прежде: тогда для какой бы то ни было политической агитаціи не будетъ здѣсь достаточно твердой почвы, и политическій вопросъ разрѣшится самъ собой, при полномъ удовлетвореніи какъ законныхъ интересовъ прибалтійскихъ губерній, такъ и интересовъ имперіи. Тогда только достигнуто будетъ живое, прочное единство между имперіей и ея окраиной, основанное на общности ихъ интересовъ, а не одно только мертвое единообразіе въ наружныхъ формахъ устройства, которыя желаемое единеніе, конечно, обезпечено быть не можетъ.
